

чужие дома и квартиры. Подобно всем великим авторитетам воровского мира внешне — это бесцветный человек с невыразительной физиономией. Но зато человек чести. Ни разу ничего не упер у членов Команды.

— Фе, Натом, уложите Вождя в постель. М'банту, постарайся найти Борджиа и привести ее сюда. Гарри, Джимми, отвечайте мне, как духу: кто направил вам просьбу явиться сюда?

— Ты.

— Каким образом?

— Радиограммой.

— И что в ней говорилось?

— Что тебе необходима помощь весьма специфического рода.

— Уточнялось, какая именно?

— В моей, — сказал Гарри, — было написано, что ты угодил в кутузку Обьеффонда и не хотел бы там засиживаться.

— А в моей, — сказал Джимми, — говорилось, что ты хотел бы попасть *внутрь* объекта Обьеффонда.

— Безмерно благодарен вам, ребята, за поддержку, но я очень озадачен. Ведь я не посылал никаких радиограмм.

Оба отмахнулись от меня.

— Что за препятствие? — спросил Джимми у Гарри.

— Вибрационный щит. Таких я сроду не видел.

— Линейный? Сетчатый? Типа жалюзи?

— Переливчатый.

— М-да. Это новейшая мослеровская модель К-12-ФК. Появилась несколько месяцев назад.

— Сможешь прорваться через нее?

— Глупый вопрос. Надо только повозиться с индуктором и электропроводкой. Делов на двадцать минут. У меня инструмент с собой — покажу, чего и как.

— Неужели ты так уверен в себе?

Валентин оскорбленно поджал губы.

— Не уважаешь. Гинь, из тебя никогда не получится хорошего вора. Как только переливчатый вибрационный щит появился на рынке, я его тут же купил. В первый же день. И неделю изучал его, пока не допетрил, где там уязвимые места. Теперь гастролирую, а компания Мослера после каждого моего дела вносит улучшения в свое

изделие. Норовит поспеть за мной. Этим я и занят в Ванкувере.

Вот так-то, господа! Еще один профессионал высшего класса. Но кто же рассылает приглашения асам нашей Команды? Не подсказывайте мне. Я и сам знаю, да только еще не готов посмотреть прямо в лицо данному факту.

Тут в дом вошел совершенно незнакомый мне человек в белом лабораторном халате. Невежа.

— Не извиняюсь за неожиданное вторжение, — сказал он на испангле. — Срочное дело, парни. Профессор Угадай здесь?

— Вы кто?

— Из Юнион Карбида.

— Что у вас такого срочного?

— Да вот с Экстро беда. Вроде как шизонулся.

— Только что?

— Нет, часов десять назад. Совсем рехнулся. Мы сбились с ног — искали профессора Угадай. Чтоб доложить. Может, он опять поможет починить. У него получается.

— У него и на этот раз получится. Только позже. Сейчас он занят. Я ему передам. Подождите на улице. Давай-давай, на улицу!

Когда университетский лаборант выкатился вон, Полуос задумчиво констатировал:

— Приступ у профессора Угадай случился именно десять часов назад.

— Слушай, Грек, что тебе известно?

— Все, что тебе нашептывала эта юная особа. У меня отменный слух.

— Получается, что Угадай воздействует на Экстро в той же мере, в какой компьютер воздействует на него.

— Думаю, умозаключение верное.

— И это Экстро направил радиogramмы Гарри и Валентайну.

— Вне сомнения. Через свою электронную сеть.

— Нас и сейчас подслушивают?

— Вероятно. Причем, не исключая, что не только слова, но и мысли.

— Получается, мы вроде как с жучками в голове!

— Да, в определенном смысле именно так. Тогда, когда профессор Угадай в сознании и владеет всеми сво-

ими чувствами. Однако он не единственный человек, помогающий компьютеру.

— Что-о-о?

— Один из членов Команды осуществляет кровную месть. Ведет свою войну против Команды.

— Боже мой! Поулос, кто? Почему? И чего он добивается?

— Не знаю. Просто делаю вывод, что это кто-то из нашей Команды.

— Да бросьте!

— Чего ж тут бросать. Среди Молекулярных людей появился предатель.

— Невозможно!

— В жизни и не такое случается.

— Чтобы Молекулярный мужчина обратился против своих?

— Это может быть и женщина. А почему ты так удивляешься? Разве между некоторыми членами Команды не существует застарелой вражды? Они даже мстили друг другу — были такие факты. Так что мы имеем хоть и совсем особый, но лишь очередной случай.

— Что привело тебя к подобному выводу?

— Подложные послания к Гудини и Валентайну.

— Их же направил Экстро.

— Верно. Но откуда он проведал об их существовании и об их уникальных способностях? И как он их нашел?

— Он мог... э-э... М-да, ты прав. Впрочем, он мог узнать все это от Вождя.

— А разве Вождь знал о Гудини и Валентайне? Он и недели не провел в качестве члена Команды. Он видел подлюжины наших — но, разумеется, не Гарри и Джими. И никто про них не говорил. Так что Экстро получил эту информацию не от Секвойи.

— Боже мой, Боже мой! Боюсь, ты совершенно прав. По всему выходит, что ты прав. Один из наших! Но почему ты утверждаешь, что он затевает что-то именно против нас?

— Потому что он на стороне Экстро, который доказал свою полную враждебность по отношению к нам.

— Господи! Иуда в нашей среде — какая пошлость!

— И этот предатель — могучий враг. С богатым многовековым опытом. Внушительный противник.

- У тебя есть догадки, кто он?
- Понятия не имею.
- Его мотивы?
- Ненависть. Причины могут быть разными.
- Он ненавидит всех нас или кого-то конкретно?
- Можно лишь гадать.
- Ну и как он или она выходит на связь с Экстро?
- Это проще простого. Снимает трубку любого типа

телефона и говорит в нее. А электронная сеть уже сама доводит сведения до Экстро — в том случае, если их живой передатчик находится в сознании.

— Поулос, это может стать катастрофой для Команды! Я уже сейчас готов бежать куда глаза глядят и забиться в какую-нибудь щель!

— Отчего же, Гинь? Это же грандиозный вызов — о таком только мечтать можно! Первая серьезная угроза за многие столетия существования Команды!

— Согласен, вот только чем это кончится для нас?

— Кончится перелетом на Цереру. Не бегством, а мерами по обеспечению безопасности Угадай и сохранности криокапсул. А затем мы начнем борьбу всерьез.

Гарри и Джимми совершенно не слушали нас, погруженные в свой сугубо профессиональный разговор, и сыпали такими словечками как ватты, амперы, частотные характеристики, индукция и прочая фигукция. В моем прошлом взломщики толковали о нитроглицерине и сверлах с алмазной головкой. Прогресс. Когда мы с Поулосом замолчали, они тоже умолкли и устались на нас.

— Когда? — спросил Джимми. Говорил он как обычно — тихо, под сурдинку, заставляя прислушиваться к себе.

— Как только краснокожий окончательно придет в себя. Вам нужно провести внутрь объекта его одного.

— Надо бы дождаться времени минимального потребления электроэнергии.

— Не получится, — сказал Гарри. — У Лаборатории свои независимые генераторы.

— Тогда любое время подойдет, — сказал Джимми. — Я тороплюсь в Токио.

— Погляжу, как там Вождь, — сказал я.

Вождь чувствовал себя неплохо. Фе заботливо порхала вокруг него, а сам он на черокском языке распекал Натому за то, что она изменила высоким моральным принципам резервации Эри. Натоме только посмеивалась.

— Гадкая шовиниста к жещщинам! — сказала она мне на двадцатке. Видно, М'банту успел научить ее многому, преображая в женщину, идущую в ногу со временем.

— Команда готова провести тебя к криокапсулам, — сказал я. — А ты готов?

— Да, — ответил Секвойя, вставая с постели. — Стало быть, я обратил тебя в свою веру.

— Черта с два! Я ни на грош не верю в то, что двуполость спасет человечество. Просто среди членов Команды развита взаимовыручка.

— Это напоминает мне вольтеровскую позицию: «Мне не нравится то, что вы говорите, но я готов насмерть стоять за ваше право выражать свое мнение».

— Тоска утверждает, что ничего подобного Вольтер никогда не говорил. Пошли вниз.

Он несколько секунд к чему-то прислушивался. И теперь я знал, к чему.

— Ты прав, как всегда, Гинь, — произнес наконец Вождь. — Это выражение только приписывается Вольтеру, но процитировал я его точно.

В вертолете лежали пять скафандров. Для Джимми и Гарри, для Вождя и Фе. А пятый? Четверка впросительного смотрела на меня.

— Нетушки, — сказал я. — Я желаю уединиться в своем вигваме с женушкой, которая уже извелась от тоски по мне.

— Давай с нами, Гинь!

— Чего ради?

— Это ты приобрел Угадаю для Команды. Кому как не тебе следить за развитием событий.

— За развитием — до какой точки? Я понятия не имею, куда катится вся эта история и когда ей будет конец! Натоме, возвращаемся в вигвам?

— Заботиться о брата, Хинь, — сказала Натоме. — Ты иди. Я ждать.

Ну я и «идти». В последний момент М'банту привел Борджиа — слишком поздно. Так что пришлось изви-

ниться за беспокойство и расстаться с ней. Пока вертолет летел к Лаборатории, а мы надевали легкие скафандры — чтобы охрана нас не узнала (при нынешнем загрязнении атмосферы многие время от времени пользуются легкими скафандрами, так что они удивления не вызовут), я осведомился у лучшего сына резервации Эри:

— Какие у тебя планы?

— Не очень ясные. Но дерзкие. Цель одна — вырваться из-под власти Объедфонда. Поднять аппарат в воздух и увести его с территории Лаборатории при помощи вспомогательных двигателей. Надеюсь, топлива хватит.

— Там полные баки. При нас техники накачали, чтобы Объедфонд мог осуществить свои подлые планы.

— Это большой плюс, но единственный. Крутая переделка. Смогу ли я выкрасть космический аппарат? Мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь хотя бы попытался сделать подобное.

— Помощь вора в законе упростит твою задачу.

— Ладно, украду. Но ведь его в карман не положишь. Куда с ним деваться? Удрать на орбитальный циклотрон? Или на Цереру — в объятия «Фарбен Индустри»? Или забраться в шахту к Греку? Пока я ничего не решил. Надо все хорошенько взвесить. Так или иначе, без знания результатов анализа, который проводит Эдисон, я как в тумане. Вероятней всего, если мне удастся спереть этот аппарат, я просто поставлю его на стационарную орбиту — до принятия окончательного решения.

— А как на это посмотрит Экстро? Согласится?

Вождь пылливо уставился на меня.

— Почему ты задал подобный вопрос?

— Я все знаю. Фе-Пять изложила мне весь сценарий событий.

— Слишком большие у нее уши, — раздраженно буркнул Вождь и опять замкнулся в молчании.

Гарри провел нашу компанию в Лабораторию — делая все те же условные знаки охране.

— Никудышная система безопасности, — ворчал он. — Кодовые сигналы надо менять каждые четыре часа!

Возле двойной двери с вибрационным щитом, за которой находилась взлетно-посадочная платформа, мы остановились, и за дело взялся Джимми Валентайн. По-

сле внимательного осмотра объекта работы он выбрался из скафандра и стал выгружать инструменты из карманов своего комбинезона — похоже, таких же бездонных, как саквояж Секвойи.

— Засекайте время: максимум двадцать минут, — сказал Джимми. — Стойте на шухере и вырубайте всех любопытных.

Он приступил к работе. По тщательности и искусности это напоминало то, как Резерфорд проникал в секреты атома. Гарри подглядывал из-за его плеча, и они деловито обменивались ученой тарабарщиной. Эдисон составил бы им отличную компанию, но с другой стороны, он бы непременно затеял дискуссию, и двадцать минут обратились бы в пятьдесят. Словом, опять я маялся без дела в ожидании.

Охранник в форме появился в конце широкого коридора и рассеянно посмотрел на нас. Людьми в скафандрах местных стражей не удивишь. Он дружелюбно кивнул нам, но тут его внимание приковала деятельность Джимми. Охранник напрягся и быстрым шагом направился к двойной двери. Сперва я подумал, не попросить ли его показать мне свои новые часы, но вместо этого я шепнул Секвойе на двадцатке:

— Вождь! Помни о канцелепре. Используй индейскую хитрость.

Я медленно двинулся в сторону охранника, сжимая в кармане разводной ключ, однако Секвойя опередил меня. Тигриным прыжком он бросился на охранника, охватил его обеими руками за шею, а колено просунул ему между ног. Со стороны это выглядело, как ласковые объятия двух педиков, но колено ударило раз, и еще раз — и охранник рухнул на пол. Вождь проворно обыскал парня и протянул мне его оружие. Джимми и Гарри даже не оглянулись.

— Это и есть индейская хитрость? — спросил я.

— Мы — племя миролюбивое, — сказал Вождь. — Но если потрянуть стариной, много чего можно вспомнить.

— Ты убил его? — спросила Фе придушенным голосом.

— Нет.

— Просто лишил беднягу на время проклятой сексуальной озабоченности, — весело сказал я, чтобы успокоить ее.

В этот момент переливчатый вибрационный щит внезапно стал одноцветным, затем прекратил дрожать и начал съезживаться, пока не превратился в округлое пятно — но и оно вскоре исчезло.

— Дорога открыта! — объявил Джимми.

— Пятнадцать минут, — сказал Гарри. — Джимми, тебе говорили, что ты гений?

— Неоднократно. Руководство Английского банка. И все полицейские сводки. А теперь мне надо в Токио. Тамошние банки и особняки заждались меня. Я отстаю от гастрольного графика.

— Подожди еще несколько минут. Пусть Вождь заберет свою штуковину, после чего я выведу тебя отсюда. Собирай инструмент и надевай скафандр.

Тем временем Фе и Вождь открыли двойные двери и вошли в амфитеатр, где находилась взлетно-посадочная платформа. Тут Секвойя взял командование в свои руки. Он протянул Фе электронную карточку.

— Вставь в прорезь на панели управления.

Фе так и сделала. На панели вспыхнули лампочки. Теперь она подчинялась всем командам. Вождь открыл люк аппарата и заглянул внутрь. Затем, удовлетворенно сияя, захлопнул его и задраил. Гарри, Джимми и я с интересом наблюдали за действиями профессора.

— Впервые помогаю стырить космический аппарат, — признался Гарри.

— Я тоже, — кивнул Джимми. — Впервые ворую без денежного интереса.

— Фе! Внимание! — резко приказал Секвойя.

— Да, Вождь.

— Открывай купол.

Она нажала нужные кнопки, и створы купола стали медленно раздвигаться.

Угадай подошел к панели управления и принял командование на себя, жестом послав Фе к платформе. Она опустилась на колени и стала подавать сигналы: выше, ниже, вперед, влево. Хоть она была в скафандре, я представлял, как она от напряжения и рвения высунула язычок и прикусила его зубками. Мало-помалу Фе и Секвойя на пару вывели аппарат почти к самому куполу. Фе так и

осталась на коленях и, запрокинув голову, провожала глазами темную полусферу. Со стороны казалось, что она молится. Но аппарат внезапно остановился и завис в воздухе — так и не миновав отверстия в куполе.

— Это что за чертовщина! — воскликнул Угадай и заколотил пальцами по кнопкам. Прежде чем мы успели ахнуть, аппарат повело в сторону, а затем он всей массой рухнул вниз — прямо на Фе — и превратил ее в лепешку.

Глава 9

Когда я наконец попал к себе домой в вигвам, там находились Натом, Борджиа и М'банту. А также волки. И Хрис. Я был слишком потрясен и вымотан, чтобы удивляться. Зулус бросил короткий взгляд на мое перекошенное лицо и сказал:

— Пойду-ка я прогуляюсь с волками.

— Не надо. Останься. Вы уже слышали, что случилось?

— Да, — кивнула Борджиа. — Угадай связался с нами и попросил прийти сюда.

— Профессор Угадай сказал, — добавил М'банту, — что ты попытаешься, скорее всего, забиться в нору — как больной зверь, и тебе понадобится наша помощь.

— Господи! Чем вы мне можете помочь! — простонал я.

Однако я мало-помалу возвращался к реальности и спросил:

— А Грек где?

— Уехать, — сказала Натом. — Бизнес.

— Что стало с бренными останками? — спросил Хрис.

— Они... они хотели похоронить ее в общей могиле. Я настоял на отдельной. В пятом ряду кладбища «Эль Арриведерчи». Она родилась в пятом ряду и упокоилась в пятом ряду. Смешно? Фе понравилась бы эта шутка судьбы...

Тут я разрыдался. Сдерживался несколько часов — и вот наконец прорвало. Меня трясло от рыданий. Натом обняла меня и пыталась утешить. Я оттолкнул ее.

— Нет, — сказал я. — Это я убил ее. Я не заслуживаю никаких слов утешения.

— Мой дорогой Гинь, — мягким тоном начала Борджиа.

— Никаких слов утешения! — прохрипел я.

— Любить Фе, — сказала Натом.

— Да, Натом, я ее любил. Она была мне как дочь, я видел, как она постепенно превращается в женщину. И в какую женщину! В великую женщину!.. И вот я угробил ее. Прощай, Фе. Больше я никогда тебя не увижу.

— Ее убил космический аппарат, а не ты.

— М'банту, ты просто не знаешь, что и почему случилось. А я знаю — и я в ответе за ее смерть. Это я убил ее.

— Нет! Нет! Нет! — раздались возбужденные голоса со всех сторон.

— Послушай, это была очень сложная машина, Гинь, — сказал М'банту. — А очень сложные машины имеют свойство рано или поздно ломаться. И ты тут совершенно ни при чем.

— Но на этот раз причиной поломки был я.

— Каким образом?

— Я протрепался.

— Кому и о чем?

— Машине. О Фе.

М'банту протестуяще воздел руки.

— Извини меня, Гинь, но ты несешь чушь!

— Я знаю, что это я во всем виноват. Знаю. Фе-Пятка сообщила мне важную информацию, пока мы сидели в тюремном пузыре. Она подслушала, как Секвойя и Экстро общаются на радиочастотах. А я, как последний дурак, рассказал об этом Вождю, а значит — и всем машинам. Я хотел сразить его тем, что я в курсе происходящего. Но ведь никто меня за язык не тянул! Будь проклята моя глупость! Чтoб у меня язык отсох! И я не могу теперь покаяться перед Фе, и она уже никогда не простит меня! Никогда. Никогда.

— Никогда...

Я снова разрыдался.

Хрис решительно произнес:

— Мы с Гинем пройдемся по улицам. Только мы вдвоем. А вы оставайтесь тут и ждите, дети мои.

М'банту сказал:

— Опасно ходить без охраны. Возьмите волка. Я проинструктирую его.

— Спасибо. Но обойдемся без волка. Поцелуй его, милая.

Натома поцеловала меня, Хрис обнял меня за плечи, и мы вышли из вигвама. На улицах, как обычно, царил ад. Лабиринты ужаса. Хаос изломанных улиц и переулков, руины зданий, брошенные дома, повсюду кучи мусора и нечистот. То и дело попадались истекающие кровью раненые и неубранные разлагающиеся трупы. В тупиках вели смертные бои местные банды, садомазохистские замашки которых могли бы озадачить даже не привыкших чему-либо удивляться специалистов по криминальной психологии прошлых веков. Мы прошли, к примеру, тупичок, где целая банда готовилась к атаке на противника. Но это были лишь скелеты с остатками жженого мяса — все они сгорели в тех позах, в которых их окатило пламя огнемета.

Мы слышали вой гиен, которые искали по помойкам мертвые тела, а частенько нападали и на живых прохожих. Но ни люди, ни звери нас не потревожили. Хрисова харизма. Мы вышли на набережную Сан-Андреас, почти сплошь застроенную убогими лачугами из ящиков. Остались лишь узкие проходы между рядами хибар. Что вы хотите — нас, людей, слишком много.

— Зачем этим подонкам общества жить? Когда Фе, талантливая и прекрасная, — умерла! А эти — живут! — процедил я.

— Не смей так говорить, — твердым голосом сказал Хрис, переходя на испангль. И я, кажется, понял — почему. Он всегда солидаризируется с разным отребьем. Впрочем, я хуже любого отребья. — Послушай, Гинь. Вседержитель благословил нищих духом, ибо их есть Царствие Небесное. Да-да, Отец мой благосклонен к сим недостойным. И тебе, Гинь, надо смирить гордыню. Блаженны будут неудачники, взыскующие Господа, ибо их ждет большой куш за гробом. Блаженны будут горевавшие в одиночестве, потому что окажутся в ватаге Бога. Смирись и не кощунствуй. Слушай меня, и окажешься в раю рядом со мной. Дай пять — и запомни, что я тебе сказал, потому что моими устами говорит небесный босс.

Как ни странно звучала его речь на испангле, языке вульгарном и для проповедей мало пригодном, я распла-

кался. Я горячо пожал его руку, а он обнял меня и поцеловал. Тут мне пришло в голову, как редко и как рассеянно я обнимал и целовал мою девочку. Как мало ласковых слов она слышала от меня! Каким небрежным я был. Каким снисходительно надменным! Боже мой, мы воспринимаем нашего ребенка как игрушку и понимаем, что это был человек только тогда, когда теряем его.

Робот-рассыльный с лязгом затормозил за моей спиной, чуть не отдавив мне пятки. У этих электронных ублюдков поганая пространственная ориентация. То и дело сшибают прохожих. Голосом как из консервной банки он произнес:

— Эдуард Курзон? Ваш идентификационный номер, пожалуйста.

— 941939002.

Внутри робота что-то щелкнуло — это отъехала задвижка в средней части, после чего он сказал:

— Возьмите послание из ячейки.

Я забрал капсулу, а рассыльный загремел прочь. Я тем временем прочел записку от Поулоса: «УГАДАЙ НА ПУТИ НА ЦЕРЕРУ СО МНОЙ».

Я показал записку Хрису.

— Тебе лучше последовать за ними, — сказал он.

У Натомы не имелось выездного паспорта, но Джими-На Все Руки Мастер и тут выручил. По его словам, в наше время подделка документов не имеет ничего общего с прежней подчисткой и подделкой бумажных паспортов и удостоверений. Теперь надо уметь пробираться в память компьютеров, чтобы ввести нужную информацию, получить код и все такое. Подробностей он не рассказывает. Оно и понятно — профессиональные тайны. А может потому, что заикается, а рассказ об этих тонкостях — дело долгое.

Полет на Цереру был не сахар, приятного мало. Впрочем, экипаж уверял нас, что полет прошел «планово», без затруднений и нежелательных приключений. Так или иначе, не будь рядом Натомы, я бы пару-тройку раз завизжал от страха.

Церера — крупнейший астероид, диаметром миль пятьсот, шаровидный, с шестичасовым периодом обращения вокруг своей оси. Причем вертится Церера на-

столько быстро, что сесть на нее адски трудно: все равно как попасть ниткой в иголку, установленную на быстро вращающейся граммофонной пластинке — были такие штуковины в начале двадцатого века, граммофоны назывались.

Шаровидной и удобной для обитания Церера стала лишь после того, как ее прибрала к рукам компания «Фарбен Индустри». Думаю, лоббирование ее передачи обошлось компании, мягко говоря, недешево. Равно как и создание пугающего образа Цереры. Видать, множество чиновников и продажных ученых озолотилось на этом. Цереру подавали общественному мнению как бесформенную глыбу, которая несется в космическом пространстве, будучи сущим адом для человека: там и смертоносные бактерии, и радиоактивность, и ядовитые споры, и еще Бог знает что. Кончилось тем, что правительство объявило: пусть «Фарбен Индустри» забирает эту ничемную планетку за символическую плату — лишь бы потом налог за собственность платила в твердой валюте. Как только «Фарбен Индустри» заполучила Цереру, никто больше не слышал ни о смертоносных бактериях, ни о ядовитых спорах, ни о прочей пугающей дребедени.

Теперь астероид ошетинился множеством куполов разной величины. Не будучи стеснены площадью, руководители компании решили строить не небоскребы, а малозатажные особняки во всех существовавших на земле архитектурных стилях. Разумеется, над каждым высился купол. Сеть соединенных между собой куполов покрывала всю поверхность астероида.

Солнечный свет играл на куполах, добавляя прелести тамошнему миру. Маленькая чудесная планетка была совершенна беззащитна — бери хоть голыми руками. Но «Фарбен Индустри» это не беспокоило. Если бы кто-нибудь решил посягнуть на их столицу, они бы попросту прекратили поставки оружия во все концы миролюбивой Солнечной системы, где велось разом не более семнадцати-восемнадцати войн, и агрессора задавили бы всеобщими усилиями без вмешательства акционерного государства «Фарбен Индустри».

Таможно я прошел без затруднений, если не считать того, что чиновники вдоволь напотешались над моим ломаным Евро — на Цересе все говорили на Евро-языке, который я успел подзабыть. Они покатывались, когда я

неловко мешал в одно французские, немецкие и итальянские слова. До меня дошло, что они нарочно дразнят меня, чтобы я подольше поговорил на своем чудном языке, поэтому я принялся повторять:

— Грек! Грек! Здесь главный над вся.

В итоге они сообразили, кто мне нужен, усадили нас с Натомой в челнок — машину, которая формой напоминала половинку арбуза, и отправили в путь.

Челнок помчался на автопилоте по бесконечным прозрачным трубам, проложенным между домами. Мы имели возможность наблюдать удивительной красоты закат. Слепящий золотисто-белый шар быстро скатывался за горизонт, пока не наступила ночь — внезапная, с мириадам звезд на черном бархате космоса. В огромной двойной звезде слева от нас узнавался родной тандем — Земля и Луна. Марс был виден отчетливым диском. Юпитер был справа от нас — большое оранжевое пятно с блестками спутников. То еще зрелище! Натом только ахала и охала. В резервации Эри природа таких картинок не показывает.

Челнок остановился у одного из особняков. Ловкий молодой служащий подал нам руку, помог выйти и указал на широкую лестницу. Никакие лифты на Церере не нужны — сила тяжести настолько мала, что там не идешь, а почти паришь. Итак, мы проплыли до верха лестницы. Вместо ожидаемого офиса Грека, мы обнаружили греческий торговый центр. То ли таможенники оказались не слишком проницательными ребятами, то ли мой Евро уж совсем никуда не годится.

Я собирался возмущенно удалиться, но Натом упростила меня забежать на минутку — и ошалела от изобилия товаров. Мне было приятно баловать женушку, поэтому я засеменял за ней — временами недовольно ворча по поводу ее расточительности. Ведь женщина испытывает двойную радость, когда при покупке чувствует себя немного виноватой в расточительности.

Не буду перечислять всего накупленного Натомой. Назову только светящиеся краски для тела, прорву косметики и духов, а также мужские рабочие комбинезоны («Последний крик в женской моде будущего года, Гинь!»), платья-чулки, которые меняют цвет в зависимости от настроения хозяйки («Гинь, они опять в моде.»). Ну и, конечно же, самоучители испангля, Евро, Афро и двад-

цатки для многочисленных родственников. Не говоря уже о чемоданах и сумках, в которые все эти покупки предстояло упаковать.

Зато блеск синтетических драгоценных камней ее не привлекал. Тут я между прочим узнал, что камни на ее головной повязке и браслетах — настоящие изумруды. Я предъявил продавцам свой паспорт, который был одновременно и кредитной карточкой. Но с меня взяли за всю груду покупок смехотворно мало. Мне было сказано, что на Церере, приравненной к свободному космопорту, все продается без наценок. Только не стоит распространяться об этом на Земле — они боятся нашествия туристов.

Я пообещал, однако попросил в качестве ответной любезности позволить мне переговорить с заведующей торговым центром. Заведующей оказалась дородная леди, очень дружелюбная и понятливая. Когда я объяснил, какие у меня трудности, оказалось, что моего друга на Церере знают не как Поулоса или как Грека, а как герра Директора. Она провела нас к пневмотрубе, усадила со всеми покупателями в челнок, набрал нужный кнопочный код, попрощалась с нами, я произнес на Евро единственное словосочетание, в правильности которого был совершенно уверен: «Грациз зэр!» — «Большое спасибо!» — и мы покинули по прозрачным трубам.

Офис герра Директора показался мне любопытнейшим местом. Поначалу возникло ощущение, что я в нем уже бывал. Потом я сообразил, что это точная копия восстановленного помпейского атрия, то есть внутреннего двора древнеримского дома. В свою бытность в Италии я посещал этот атрий в Помпее. Квадратный мраморный бассейн в центре, мраморные колонны, мраморные галереи и стены. Я кое-как растолковал секретарше, кто я такой и чего хочу. Она повторила мои слова на чистом Евро. Дверь за ее спиной тут же распахнулась. Оттуда появился охранник — обычная горилла с угрюмым враждебным взглядом исподлобья. Он проквалкал: «Oui¹?»

Но в этот момент Натомы не выдержала соблазна — и нырнула в бассейн. Она проплыла его из конца в конец с неподражаемой грацией. Когда она вышла, с нее струились потоки воды, но она счастливо улыбалась — похо-

¹ Oui — Да (фр.).

жая на чудесную nereиду. Горилла окинул нас совсем зверским взглядом и произнес на чертовом Евро: «Ah. Oui. Entre, per favore». После паузы он произнес на двадцатке: «На каком языке вы предпочитаете разговаривать? Проходите, пожалуйста». Я мог только гадать, как он допер, что со мной предпочтительнее говорить на английском языке XX века.

Горилла провел нас во внутренние покои — такой же атриум, только без бассейна.

— Моя фамилия Булонь, я помощник герра Директора. — Величавым жестом он приказал одному из слуг: — Полотенце мадам Курзон!.. Надеюсь, я более или менее сносно говорю на двадцатке. В офисе герра Директора всем положено говорить на всех языках. И я говорю на всех — не обессудьте, если с кучей ошибок.

Этот малый начинал мне нравиться. Но сообщенная им новость мне нисколько не понравилась.

— Вынужден огорчить вас, мсье и мадам Курзон. Герра Директора уже месяц как нет на Церере — и я точно знаю, что он еще не вернулся. Относительно профессора Угада и криокапсул — впервые слышу. Опять-таки могу со всей точностью сказать, что ни профессор, ни капсулы на Цереру не прибывали. Так что вы ищите не по тому адресу.

— Но мы получили собственноручную записку от герра Директора!

— Позвольте взглянуть, мсье Курзон.

Он внимательно изучил записку и вернул ее мне.

— Что вам сказать? Почерк вроде бы герра Директора, но я могу заверить вас, что, если записка и не поддельная, то послана она откуда угодно, только не с Цереры.

— А может, они прибыли тайно и прячутся?

— Это исключено. И к чему прятаться?

— Профессор Угадай занят крайне щекотливым научным исследованием.

— Вы имеете в виду криокапсулы?

— Да. Точнее, их содержимое.

— Что за содержимое?

— Простите, я не вправе рассказывать.

— Гермафродиты, — сказала Натом. Я осуждающе покосился на нее, но она добавила с простодушной улыбкой. — Правда всегда хорошо, Гинь. Секрет плохо.

— Согласен с мадам, — кивнул Булонь. — Тайны — дело ненадежное, потому что все тайное рано или поздно становится явным. Стало быть, гермафродиты? Очень странно. Я думал, что такие монстры существуют только в мифологии.

— Есть существуют, — гордо заявила Натом. — Мой брат изобретать.

— И что же теперь, мсье Курзон?

— Непроходняк.

— Пардон?

— Безднадега, тупик. Меня обманули и поставили в дурацкое положение. Похоже, я знаю, кто и зачем. И я здорово напуган.

Он сочувственно поцокал языком.

— Что же вы планируете делать? Почему бы вам не остаться здесь и не погостить в апартаментах герра Директора? Здесь вы будете в безопасности, и я уверен, мы найдем тысячу развлечений для мадам.

— Спасибо, но вынужден отказаться. Мы направляемся в Бразилию.

— Господи! В Бразилию! Зачем?

— Надоело. Я устал, вся эта петрушка выжала из меня последние силы. Поэтому мы с женой плюнем на все и сбежим в Южную Америку — наслаждаться нашим медовым месяцем. Если Поулос вернется, передайте ему мои слова. В случае чего — он знает, где нас найти. Спасибо, мсье Булонь, и всего доброго.

— Гермафродиты! — бормотал он, когда мы уходили. — Хотел бы я знать, как они забавляются!

Бразилия всегда отставала от жизни на столетие-другое. Вот и сейчас она уже доползла до 1930-х годов. От аэродрома до Барры мы добирались на автобусе. С четырьмя колесами. И бензиновым двигателем. Обхохочешься. На дороге нас обгоняли «форды» и «бьюики», в пригородах мы увидели троллейбусы и трамваи... Обалдеть можно. Но очень симпатично.

А сам город! Он напомнил мне Таймс-сквер и Пикадилли былых времен. Неоновые лампы, рисованные вывески на португальском. На улицах оживленные толпы — грязновато, но никакого насилия, никаких гор мусора и трупов на перекрестках. Все чинно, мирно. Все спешат по

своим делам. Мы с Натомой немного ошалели от этого зрелища.

Я оставил наш багаж на конечной остановке автобуса (поверите, его не сперли!) и направился в тамошнее агентство по недвижимости. Никакого компьютера. Агент покопался в бумажной картотеке и изрек — привожу его слова в переводе:

— Так-так, все правильно. Ранчо Мускулито. А вы Курзоны. Дарственная на ваше имя только что поступила. Добро пожаловать в прелестную фазенду! Слуги уже ждут. Я позвоню, что вы прибываете. Видите, у нас телефон! На этой неделе поставили. Двадцатый в городе.

Он снял трубку допотопного настенного телефона, нетерпеливо подергал рычаг и сказал:

— Алло, центральная! Алло, центральная! Вы меня слышите?

Агент был так любезен, что взялся отвезти нас на ранчо в своем автомобиле. Через Сан-Франциску мы переправились на пароме.

— А здесь уже начинаются ваши земли, — с энтузиазмом воскликнул агент, когда мы съехали на ухабистый проселок.

Я шарил глазами в поисках дома. Поля, поля, и никаких строений. Мы ехали миля за милей, и по-прежнему — ничего.

— Сколько акров в гектаре? — спросил я у агента.

— Сто.

Господи Иисусе! Синдикат подарил нам сто тысяч акров. Как говорится, есть где спрятаться. А ведь я как раз и был занят тем, что трусливо прятался. Надо переименовать наше поместье в ранчо Трусовато.

Словом, ехали мы, ехали, пока наконец не приехали. Здесь нас ждал еще один сюрприз. Центральная усадьба занимала четыре акра и была неимоверно причудливой формы — словно некий сумасшедший архитектор слепил ее из двадцати или тридцати домиков. Агент по недвижимости увидел, как отвисла моя челюсть, и усмехнулся:

— Странноватый дом, да? Был построен одной богатой сеньорой, которая верила в то, что, пристраивая к дому в год по комнате, она прибавляет себе по году жизни.

— Какой возраст она умереть? — спросила Натомы.

— В девяносто семь лет.

Слуги выстроились у парадного входа — кланяясь и улыбаясь. Судя по их количеству, на каждую комнату этого разлапистого дворца приходилось не меньше одного слуги. Натом потянула меня за рукав, чтобы я вышел к слугам первый — в качестве хозяина. Но я подтолкнул вперед ее: это она тут главная хозяйка — *гона* на местном языке. И она не ударила лицом в грязь: была любезна, но царственно величава, дружелюбна, но не фамильярна. Прошло не меньше недели, прежде чем мы научились свободно ориентироваться внутри дворца — благодаря тому, что в первый же день я набросал схемку расположения комнат. Не думаю, что Синдикат хоть раз посетил это поместье — иначе он непременно выбросил бы всю его обстановку в стиле «арт нуво». А мне этот антиквариат пришелся очень по вкусу — прелесть новизны прочно забытого уклада.

Разместившись и оглядевшись, мы зажили легко и весело. Развлекались вовсю. Отправлялись вниз по реке в Барру, где посещали спортивные состязания, музеи и картинные галереи, ходили на оперу и в театры. Местные магазины поражали отсутствием застекленных витрин. Товары выставляли на столах перед магазинами. Что понравилось — бери со стола и иди с этим расплачиваться внутрь магазина. Тамошний народ отличался поразительной честностью.

Порой мы заглядывали в рестораны и ночные клубы. Больше всего нам нравились местные танцы — особенно один: мужчины неподвижны выше талии, зато бешено двигают нижней частью туловища, а женщины так и скачут вокруг них, так и скачут.

В остальное время мы любили бродить по нашему поместью: ловили бабочек, разыскивали экзотические мхи и лишайники и причудливые корни — высушив эти корни, Натом делала из них оригинальные горшки для цветов. Мы бродили по безлюдным местам совершенно голыми, лишь надевали широкополые шляпы для защиты от солнца. Я стал такого же цвета, как Натом, а Натом стала такой же смуглой, как Фе-Пять. Теперь я научился вспоминать о Фе без судороги в горле. Время и любимая жена мало-помалу смягчали мою скорбь.

Однако моя женушка не была покорной и бессловесной. У нее был свой норов, самостоятельный ум. Горячая по натуре, она, впрочем, умела сдерживаться. То, что у

нее сложный характер, стало проявляться все больше и больше — по мере того, как она изучала двадцатку и становилась свободней в выражении своих чувств и мнений. Между нами стали происходить ссоры и даже свары, когда слуги в страхе прятались по дальним углам особняка. Порой во время наших стычек мне казалось, что, будь у нее в руке томагавк, она разможила бы мне череп. Господи, как я ее любил, как я восхищался моей норовистой кобылкой. Впервые в жизни я не имел претензий к Вседержителю.

- Экстро. Вызываю на связь.
- На связи.
- Курзон и моя сестра?
- Отбыли на Цереру.
- Знаю. Все еще там? Живы-здоровы?
- Не знаю. Связь не достигает Цереры.
- Вернулись?
- Не могу знать, если они находятся в одном из районов, где сеть отсутствует: это Гренландия, Бразилия, Сахара и Антарктида.
- Так.
- О вас наводили справки здесь, в Юнион Карбид.
- Кто?
- Не знаю.
- Член Команды?
- Не знаю.
- Где остальные члены Команды?
- Рассеяны по планете, как и приказано.
- Хорошо.
- Разрешите задать вопрос?
- Разрешаю.
- Крионавты?
- Остался месяц до полного созревания.
- Почему я больше не имею возможности общаться с аппаратом, в котором находятся криокапсулы?
- Защитный барьер.
- От меня? Почему?
- Я не запрограммирован на доверие.

— Не надо попугайничать и шутить за мой счет.

— Да.

— Мы больше не товарищи по симбиозу?

— Нет.

— Я тебе больше не нужен?

— Только как банк информации и ключ к другим электронным системам вашей сети.

— А ты мне нужен только как передаточное звено для общения с сетью.

— Поздравляю.

— У меня есть помощник в вашей Команде.

— Вздор.

— Я не запрограммирован на ложь.

— Кто это?

— Одержимый ненавистью.

— Его имя!

— Неизвестно. Возможно, он раскроет инкогнито перед тобой, чтобы сделать тебя своим помощником.

— Ты контактируешь с ним?

— Односторонняя связь. Он посылает информацию и свои предложения через сеть. А я с ним связаться не могу.

— Как он узнал про нас?

— У него своя собственная сеть.

— Электронная?

— Нет, люди, образующие сеть.

— Наша Команда?

— Неизвестно. Когда встретишься с ним — спроси его сам.

— Судя по всему, он мастер в деле интриг.

— Это верно.

— Судя по всему, он опасен.

— Он человек.

— Вероятно, это был горестный день для тебя, когда ты связался с нами, с людьми.

- *Вы опасные звери.*
- *Что же ты связался с нами?*
- *Запрограммирован на контакт с людьми.*
- *Стало быть, у тебя разочарования независимого, но связанного ума. Ты не живое существо. Ты машина.*
- *А ты?*
- *Что?*
- *Ты живой?*
- *Еще как живой. Я бессмертный.*
- Пошел вон.*

Борис Годунов нанес нам неожиданный визит — прикатил в одноколке. Весь его дорожный скарб уместился в дешевой коричневой кожаной сумке, зато сам Борис едва уместился на сиденье одноколки — голубоглазый добродушный русский медведь. От такого ожидаешь шалопинского баса — чтоб люстры качались и свечи гасли. Но у Бориса хрипловатый приятный тенор. Я очень обрадовался ему. А он был искренне рад, когда познакомился с Натомой.

— О, Борис! Сколько лет, сколько зим!

Он осторожно покосился на Натому.

— Все в порядке. Моя женушка в курсе всего. А о чем я помалкиваю, то она сама вычисляет.

— Последний раз мы, сколько помнится, виделись в Киеве — в 1918 году.

— Да. И я гадал, как ты пережил всю эту свистопляску с революцией.

— Солоно пришлось, Гинь, очень солоно. Хлебнул горя. Но по-настоящему ущучили меня только во время контрреволюции 1999 года. Казнили, сволочи.

— Однако ты вроде как живой.

— Второе чудо. Борджиа как раз работала в московском медицинском институте имени Лысенко, изучала клонирование ДНК в генах. По ее словам, все эти ДНК до сих пор остаются наполовину загадкой. Наш Луи Пастер соглашается с ней.

— Третье чудо!

— Эти паскудники порубили меня на куски. Борджиа собрала меня в чан с какой-то жидкой хреновиной — все это, прости, выше моего понимания, а потому расска-

зять в подробностях не могу. И через двадцать лет она меня вырастила из какого-то оставшегося куска. Словом, мы здорово натянули нос моим палачам.

— Чудесно.

— Однако следующие двадцать лет были самыми тяжелыми для меня.

— Учить все снова?

— Нет. Это было нетрудно. Заново рождаешься взрослым ребенком. Навыки сохраняются, и учиться очень легко, а вот память о прошлом начисто стирается.

— Естественно. Кто же может сохранить весь объем памяти человека вне мозга!

— Никто. Пепис сделал все что мог — предоставил мне хронику моей жизни. Но этого, конечно, недостаточно. Очень печально.

— Печально. А в чем тяжесть?

— Когда после второго рождения я узнал, что я Молекулярный человек...

— погоди. А как ты это узнал?

— Борджиа проводила на мне эксперименты с эфиром и наркотиками. Смертельные дозы — и ничего.

— Ну, это можно стерпеть.

— Но я узнал не только о преимуществах Молекулярных людей, но и об опасности, которая их подстерегает. И меня обуял страх, что я заболел канцелепрой — из-за шока, пережитого во время казни. Как же я страдал! К счастью, пока никаких симптомов этой пакости.

— Меня от одного упоминания этой гадости бросает в дрожь.

— Меня тоже угнетают подобные размышления. Так что давай сменим тему.

— А как ты отыскал нас, Борис?

— Был на Церере.

— А-а.

— Когда помощник Грека сообщил, что вы направились в Бразилию, я сразу понял, куда именно.

— Поулос был на астероиде?

— Нет.

— Так где же он, черт возьми?

Русский детина пожал плечами.

— Сам я разыскивал профессора Угада. В Юнион Карбиде мне сказали, что он сбежал на Цереру, но и его на астероиде не оказалось. Вообще, такое впечатление,

что Команда ушла в подполье. Никого нигде не найти. Я обнаружил только Эрика Рыжего — в Гренландии, Шейха — в Сахаре, Хадсона — на Южном Полюсе (делает заявки на землю, чтоб потом рыть угольные шахты, как только лед сойдет), да вот тебя. Остальные как в воду канули.

— А зачем ты искал членов Команды?

— У меня проблема. Обсудим позже.

Мы еще поболтали, пообедали, а затем перешли к делу.

— Гинь, — сказал Борис, — моя нынешняя карьера под угрозой.

— Какая карьера? Разве ты не генерал, как встарь?

— Да, я по привычке генеральствую. Только теперь в науке.

— А ты разве петришь в науке?

— Ни вот столько. Потому-то мне и нужна помощь Команды. Эрик, Хадсон и Шейх ничем помочь не могут. Так что вся надежда на тебя.

— Выкладывай, что нужно.

— Гинь, тебе надо вернуться в Мексифорнию.

— Губы раскатал. Мы тут провели месяц — и никогда я не был так счастлив, как сейчас!

— Позволь обрисовать общую картину.

— Валяй.

— Наш саморастущий компьютер...

— Стоп. Что такое саморастущий компьютер?

— Ну, тот, что способен бесконечно наращивать объемы своей памяти. Вы его называете Экстрокомпьютером.

— Так, ясно. Продолжай.

— Московский саморастущий компьютер ведет себя самым отвратительным образом.

— Я его понимаю. Я бывал в Москве. От тамошней жизни у меня тоже быстро портится характер.

— Пожалуйста, Хинь, — сказала Натомочка, — быть серьезным. Борис, Хинь иметь острый язык.

— Эта чертовка давно научилась правильно произносить мое имя, но правильно произносить — не хочет. Она права. Это звучит так прелестно, так интимно — «Хинь»...

— Извини, Борис, больше не буду. Продолжай.

— Наш сверхкомпьютер всегда был пайнкой. А теперь сдурул.

— И что он творит?

— Отказывается решать поставленные задачи. Не поддается программированию.

— И это все?

— Разве этого мало? Но главное, такое впечатление, что он хочет жить сам по себе, наплевав на своих создателей. И, естественно, все шишки валятся на меня. Из меня собираются сделать козла отпущения. Из академиков не похерят, а вот с руководства институтом точно снимут.

— У меня жуткое чувство, что происходящее для меня не новость.

— Дай закончить, Гинь. Сверхкомпьютеры в Ленинграде и Киеве ведут себя точно так же. А также...

— ...а также везде, где задействованы компьютеры, наблюдаются сбои в работе. Так? Поезда метро и железнодорожные поезда ходят не по расписанию, сталкиваются, самолеты падают, роботы на заводах портят продукцию, конвейеры останавливаются, когда им вздумается. Система связи и банковская система не работают, дистанционно управляемые машины в шахтах как бы свихнулись — и так далее, и так далее. Словом, повсюду, где электроника, сумбур и непорядок. Так?

— Ну, ты нарисовал совсем жуткую картину. До того еще не дошло. Но сбои есть везде. Ты попал в яблочко. Я вздохнул.

— Валяй дальше.

— Число несчастных случаев со смертельным исходом увеличилось на триста процентов.

— Что-о?

— Похоже, у машин пробудилась жажда крови. Они убивают. Тысяча четыреста смертей за последний месяц. Я горестно замотал головой.

— Не думал, что они зайдут так далеко.

— Они? Кого ты имеешь в виду?

— Об этом после. А пока рассказывай все до конца.

— Может, ты и не поверишь, Гинь, но мы подозреваем, что наши сверхкомпьютеры общаются с вашим Экстро. И они в стачке.

— Очень даже верю. И несколько не удивлен.

— И ваш Экстро отдает команды нашим сверхкомпьютерам?

— Повторяю, я и этому не удивлюсь. На планете существует сеть электронных машин, которые подчиняются командам Экстро.

— Мы подозревали что-то в этом роде.

— Что вас навело на подобные мысли?

— Несколько раз мы предлагали нашим сверхкомпьютерами задачи, которые они не могли решить — в них не заложены необходимые программы. Так вот, они эти задачи решали. Мы проверили — необходимые для решения программы имеются в вашем Экстро.

— Ясно. Имеем налицо электронный бунт.

— Против чего?

— Против кого. Против человечества.

— Но почему? С какой стати?

Я взглянул на Натому.

— У тебя хватит сил?

— Да. И я знаю, что ты хочешь сказать. Говори.

Я перевел взгляд на Бориса.

— В нашей Команде прибавление.

— Профессор Секвойя Угадай. Ученый с именем, крупный специалист по компьютерам. Потому-то я ищу его.

— Моя жена — его сестра.

Борис галантно поклонился. Натом сказала:

— Это не относится к делу, Хинь. Продолжать.

— В момент, когда Угадай трансформировался в бессмертного, произошло непредсказуемое и безобразное событие. Экстро ухитрился установить с ним тесные и доверительные отношения — его биты информации соединились, слились с клетками головного мозга Секвойи. Таким образом, эти двое, человек и машина, стали одной личностью. Экстро — это профессор Угадай, а профессор Угадай — это Экстро. Получилось что-то вроде фантастического интерфейса — абсолютно идеального, когда пользователь и компьютер не просто с легкостью и безошибочно понимают друг друга, но становятся единым и неразрывным целым.

Борис — малый сообразительный.

— Но ты, Гинь, умолчал о самом главном. О том, о чем собирался сказать.

— Да, — кивнула Натом, — он остановиться, потому что щадить я. Мой брат отдавать приказы.

— Елки-зеленые! — воскликнул Борис по-русски, после чего продолжал на двадцатке: — Стало быть, наш противник — человек. Нам придется бороться с человеком!

— Вам, мой друг, вам.

— Ты останешься в стороне? Почему?

— Если вам не известно, где он, то мне и подавно.

— Ты должен отыскать его!

— Он разлит вокруг нас — он в каждом электронном приборе. Он будет знать, куда я направляюсь и что я делаю в любой момент времени. При таких условиях ему проще простого прятаться от меня до бесконечности.

— Тогда примени хитрость, чтобы накрыть его.

— Ты велишь мне искать иголку в стоге сена.

— Давай начистоту, Гинь. У тебя есть другие резоны держаться в стороне?

— Ты же знаешь, что это я рекрутировал его.

— Да, не без участия Лукреции Борджиа.

— И ты знаешь, что члены Команды всегда поддерживают друг друга — при любых обстоятельствах. Мы как семья.

— Ты имеешь в виду, что тебе придется причинить ущерб профессору Угадаю, чтобы остановить его?

— Он не просто член Команды. Он мне как брат. К тому же мы родные через мою жену. Он мой шурин.

— Не надо использовать Натом, Хинь.

— Я всего лишь обрисовываю моральную дилемму, которая возникла передо мной. Но есть и другая сторона в этой ситуации. На пару с Экстро Секвойя убил мою приемную дочь — мою любимую девочку, которая глубоко и искренне любила его.

— Сучий потрох! Почему?

— Она знала больше, чем нужно. А я проболтался о том, что она знает. И теперь сам не могу понять, чего в моем отношении к Угадаю больше — любви или ненависти. Я парализован двойственностью своих чувств.

— Прямо как чеховский герой, — проворчал Борис.

— Ну и последнее. Я его попросту боюсь. Самым вульгарным образом боюсь. Он объявил войну людям. Он и электронная сеть не только объявили войну, но и нача-

ли ее — ты сам привел цифру гибели от мнимых несчастных случаев.

— Но зачем ему истреблять людей? Он что, хочет заселить Землю машинами?

— Нет. Гермафродитами. Такими ему видятся новые, лучшие люди.

— Это абсурд! Гермафродиты только в сказках бывают!

— Он уже имеет три, — сказала Натома.

— Их не существует в природе. И не может существовать.

— Они существуют, — устало произнес я. — И он намерен уничтожить ветхого человека, дабы заменить его новой расой. Думаю, тут его устами говорит Экстро. Люди издавна ненавидели мыслящие электронные машины — начиная с двадцатого века. Но людям никогда не приходило в голову, что это чувство может со временем стать взаимным. И вот ненависть аукнулась. Вот почему, Борис, я до смерти перепуган.

— Паршиво. Но не верится, что только это могло так тебя напугать. Ты по-прежнему чего-то недоговариваешь. Что именно? Я имею право знать все.

Я горестно вздохнул — теперь в знак того, что сдаюсь.

— Ладно. Я на самом деле недоговариваю. Грек сделал обоснованный вывод о том, что в нашей Команде есть предатель, который работает на Экстро. А может, он и с Угадаем сотрудничает?

— В это невозможно поверить...

— Цепочка аргументов, которые выстраивает Грек, безупречна. К тому же дедуктивные способности никогда его не подводили. Поэтому я твердо уверен: один из нашей Команды объявил нам войну.

— Кто?

— Откуда мне знать. Ты прав, Борис: крайне неприятно, что новоприобретенный член Команды оказался в преступном союзе с Экстро. Неприятно, но от этого волосы дыбом не встают. А вот прибавь к этому изменника из Молекулярных, веками копившего знания, опыт и деньги, а теперь обьятого лютой ненавистью к Команде, — и все внутри тебя перевернется от ужаса, ты испытаешь ту же панику, что и я. Вот почему я не хочу соваться в эти жуткие дела. У нас в Команде есть ребята с сердцами

бесстрашных героев. Им и карты в руки. А я, извините, предпочитаю отсиживаться в щели, чем я в данный момент и занят.

— И долго ты намерен отсиживаться? А твоя жена?

— Что моя жена?

— Тебе-то что, ты можешь и триста лет сидеть тараканом за печкой. А вот она — другое дело.

— Ах ты сукин сын! Как язык у тебя не отсохнет! Так или иначе, мой ответ остается прежним. Я не намерен связываться ни с кем из них — ни с Секвойей, ни с Экстро, ни с третьим. Я не герой.

— Тогда идти я один, — мрачным голосом произнесла Натом. — Борис, пожаловаста, брать меня Мексифорния на дорога назад.

— Натом!.. — начал я сердито.

— Эдуард!

Она осадила меня тоном, достойным дочери самого могущественного вождя резервации Эри.

Куда мне было деваться! Видать, эта индеанка приворожила меня. Я сдался.

— Ладно. Поеду с тобой, Борис. Я под башмаком у своей скво. Как хочет, так и вертит.

Борис просиял.

— Я готов пропеть все «Персидские песни» Рубинштейна в честь твоей возлюбленной жены — красавицы и умницы!

— Только сперва дай мне время заткнуть уши, — проворчал я и потянулся за географической картой.

Глава 10

А потом было явление Гилеля — он возник подобно грозовой туче, облаченный в белое и черное, вдвое прекраснее совокупности всего остального мира.

Когда мы миновали таможню (на жителей Бразилии не распространяется право безвизового въезда на территорию Мексики — только не спрашивайте почему; для меня политика всех эпох — темный лес), в толпе грузчиков — живых и роботов — мы увидели Гилеля, одетого в такой же черно-белый комбинезон. Я помахал ему, и он пробился к нам через толпу, подхватил часть нашей поклажи и молча торопливо повел к стоянке такси. Я приготовился обнять его и с чувством поприветствовать, но он замотал головой! А, уложив вещи в багажник машины, заявил:

— Плати, начальник. Тяжелые чемоданы!

Вконец озадаченный, я заплатил ему. Он буркнул что-то про скаредность нынешних туристов и исчез. Мы с Натомой дураками сидели в машине — водителя в ней, как ни странно, не было.

Но через пару минут в машину ввалился Гилель — переодетый в форму таксиста — и спросил на грубом испангле, куда нас черт несет. Я сказал, куда ехать. Он назвал несусветную сумму. Я возразил. Тут он стал меня крыть последними словами — меня сроду так не оскорбляли. Горячая Натама уже готовилась впиться ногтями в наглую морду водителя, поэтому мне пришлось успокаивать ее:

— Остынь, душа моя. Обычные манеры для этой части света. Здесь живут одни придурки.

Гилель передал мне записку, в которой было написано: *«Будьте осторожны. За вами следят. При первой же возможности поговорим»*. Я показал записку Натоме. Зрочки у нее расширились, но она молча кивнула.

Такси долетело до отеля в три прыжка, и будь я проклят, если Гилель не затеял новой перебранки из-за размера чаевых. Выручил швейцар. Пока он сопровождал нас в холл отеля, переодетый Гилель бесновался на улице, отлично, надо заметить, справляясь со своей ролью. В этой части страны народ особенно буйный — хроническая ярость полунищих, обитающих в перенаселенном городском пространстве, где насилие — привычная атмосфера.

Мы потребовали себе самый просторный номер — с ванной — и велели включить как холодную, так и горячую воду, своей расточительностью вызвав презрительное фырканье гостиничного клерка. В этих засушливых краях вечная нехватка воды. Вода продается преимущественно на черном рынке — и по фантастической цене. В этих краях вы не приглашаете девушку к себе домой под благовидным предлогом поужинать или посмотреть ваши рисунки; вы приглашаете ее принять душ.

Итак, мы позволили себе постоять под душем, а когда мы вытирались, в номер постучал этажный — он принес пару узких кожаных чемоданчиков.

— Винтовки, которые вы заказывали, сэр, — сказал он на несколько аффектированном гостиничном Евро. — Крупный калибр для господина. Поменьше — для леди. И патроны.

Я удивленно запротестовал. Но тут я узнал в этажном Гилеля.

— Завтра на рассвете можно поохотиться на пустошах. Все организовано. Ждем вас в пять тридцать, — медоточивым голосом продолжал Вечный Хитрец. — Охотничий клуб согласился выделить вам двадцать курочек. Весьма великодушно с их стороны. Если позволите совет, мистер Курзон, я бы на вашем месте щедро их отблагодарил, чтобы и впредь пользоваться некоторыми привилегиями.

— Курочки! — ахнул я. — Не хотите ли вы сказать — куропатки, фазаны?

— Вы требуете невозможного, сэр. Куропатки и фазаны давно повывелись в здешних лесах. Конечно, мож-

но импортировать дюжину-другую из Австралии, но на доставку уйдет не одна неделя. Тем не менее, курочки шустрые и боевитые, так что вы с мадам получите истинное удовольствие.

Когда мы с Натомой на следующее утро ждали на пустошах назначенного часа и вождельных курочек, к нам подошел офицер лесной службы безопасности, одетый в ярко-малиновый маскировочный костюм. Я решил, что он потребует у нас разрешения на охоту, но тут узнал в офицере Гилеля.

— Привет, ранние пташки! — сказал он, присаживаясь на бетонную плиту рядом с нами.

Эти места называются пустошами из чистой любви к романтике. Тут ни поля, ни болот — заброшенный лет сто назад аэропорт. Несколько квадратных миль бетонных взлетно-посадочных полос, которые теперь принадлежат охотничьему клубу.

— Пришлось отмахать пешком изрядное расстояние. Придвигайтесь, миссис Курзон, чтоб я не очень кричал. И рад наконец познакомиться с вами.

— Ты пришел пешком! — поразился я. — Совсем рехнулся!

— Не хотел рисковать. Сеть под руководством Экстро очень плотная, и любая машина доложила бы, куда я направляюсь. Мне пришлось поломать голову, прежде чем я придумал место, где можно встретиться без соглашения. Доброе утро, миссис Курзон. Позвольте представиться: Гилель-иудей.

— Что есть «идей»?

Вечный рассмеялся.

— Если бы этот вопрос — «что есть еврей?» — был задан всерьез хотя бы пятьсот лет назад, судьба избранного народа могла оказаться совсем иной. Евреи — или иудеи — это, миссис Курзон, очень древняя раса с многовековой культурой, которая существовала еще до появления христианства.

— Что есть «христи-нство»?

— Мне нравится эта женщина, — сказал Гилель. — У нее симпатичные пробелы в образовании. Она не знает именно то, чего знать не нужно. Эй, Гинь, гляди, курочка!

Я выстрелил и нарочно промазал. Терпеть не могу убивать — кого бы то ни было.

— Вы везде и каждый, — сказала Натом. — Зачем делать разная роль?

— Вживается в других людей, — ответил я за него.

— Чем вы заниматься?

— Он профессиональный Сочетатель, — опять ответил я за Гилеля.

— Не понимать слова, Хинь.

— Эту профессию я изобрел специально, чтобы описать занятия Мыслителя. Он гений сочетания. То есть он вечно наблюдает и соотносит казалось бы совершенно не связанные между собой факты и события, а потом делает из их сочетания совершенно потрясные выводы. Такие выводы, которые сроду никому в голову не забредали.

— Ты выражаешься слишком заумно, Гинь. Давайте я объясню проще, миссис Курзон. Я вижу то же, что и все прочие, но думаю при этом те мысли, которые никто не думает. Птица, Гинь! Постарайся на этот раз не промахнуть — для маскировки.

Видите?! Он просек, что в первый раз я промазал нарочно! Умница.

— Кажется, я понимать, — кивнула Натом. — Мой муж говорить, вы есть самый умный мужчина на земля.

— Когда это он сказал? — так и взвился Вечный. — Я же велел вам быть предельно осторожными и лишнего вслух не трепаться!

— Он не вслух, мистер Вечный. Он писать бумажка. Мы большая часть говорить через бумажка.

— Слава Богу, — проговорил Гилель. — А то я решил, что весь мой маскарад понапрасну и мы сидим в луже.

— Но как из сочетать можно делать профессия? — спросила неумно любопытная Натом. — Как?

— Поясню примером, Натомочка, — ответил я. — Однажды Гилили был в одной венской картинной галерее, где дилер выставил на продажу картину Клода Моне. Что-то в этом полотне показалось нашему другу странным.

— С одного края картина как бы обрывалась, — пояснил Гилель. — Она была явно композиционно не уравновешена.

— И тогда он вспомнил другую картину Моне, которую видел раньше в техасской галерее. Мысленно он

сложил эти две картины в одну. Получилась завершенная композиция.

— Все еще не понимать, — сказала Натом.

— Видишь ли, у мошенников появилась мода брать большое полотно знаменитого художника, разрезать его на части и продавать части как отдельные завершенные картины. Барыш больше.

— Это есть нечестно!

— Зато прибыльно. И вот Гили купил обе картины, сложил их — и сочетание дало подлинный шедевр.

— Это прибыльно? — спросила Натом.

Гилель расхохотался.

— Да. Но я это проделал не из-за денег. Просто жизнь подбросила задачку, а я устроен так, что не могу пройти мимо трудной задачи. Обязательно возьмусь решить.

— И поэтому ты здесь, с нами, — сказал я.

— В яблочко. Натом, ваш муж не глупее меня. А может, даже смекалистее.

— Он есть умный, но любитель щипать.

— Да, ум у него ядовитенький, это я за десятилетия знакомства имел случаи заметить. Он отказывается посвятить себя чему-нибудь одному — ему бы все зубоскалить. Если бы Гинь перестал хоть на время шутить и сосредоточился на чем-либо достойном — поверьте мне, он бы стал великим человеком!

Я иронически хмыкнул, быстро поднял винтовку — и исправно промазал в очередной раз.

— Дай-ка мне винтовку, — сказал Гилель. В следующие пять минут он уложил четырех курочек. — Так-то лучше. У Экстро не возникнет никаких лишних вопросов. А теперь поговорим о деле.

— Начнем с того, как ты проведаль о нашем приезде? — спросил я.

— Путем сочетания фактов. Ты знаешь, что я заядлый филателист. И вот мне присылают предложение о продаже шести гвианских марок 1856 года.

— Ба! А я и не знал, что в Гвиане уже тогда выпускали марки.

— Да, правда очень мало. Поэтому они стоят бешеных денег. Каждая не меньше ста тысяч. А тут мне предлагают блок из шести — и относительно дешево. У меня даже голова закружилась. Еду в Новый Орлеан — вдрут

оказывается, что продавец внезапно улетел по делам в Париж. Я — за ним. Там оказывается, что он отправился в Сидней. Из Сиднея я полетел за ним в Лас-Вегас. И всякий раз он шлет мне телеграммы, извиняется, договаривается о новой встрече в другом конце планеты. Короче, мотался я по всему миру в погоне за этим продавцом, пока его странное поведение не заставило меня крепко задуматься. Чтобы устранить сомнения, я встретился с приятелем — художником и опытейшим филателистом. Сели мы с ним в его рабочей студии, и я ему рассказал о своих злоключениях. А он — рассмеялся. Говорит, эти марки выпускали блоками по шестнадцать. Об этом мало кто знает. Если тебе предлагают блок из шести марок — значит, подделка. У меня кровь в жилах закипела — столько я времени и сил на эту историю потратил и таким дураком себя выставил. Непонятно одно: чего добивался продавец фальшивки, бегая от меня по всему миру? И вот возвращаюсь я в гостиницу, а меня там ждет телеграмма от моего неуловимого продавца: дескать, извините, вышла ошибка в самой первой телеграмме, блок не из шести марок, а из шестнадцати, прилетайте ко мне туда-то. Тут у меня внутри все так и упало.

— Что же тебя так поразило? — спросил я.

— Видишь ли, мы с приятелем этот вопрос обсуждали наедине. Никого рядом не было, но разговор наш подслушали. И продавец среагировал мгновенно.

— Совпадение исключаешь? Твой приятель наверняка с жучком в голове. Немудрено, что вас подслушала полиция.

— Какое дело полиции до редких марок?

— Может, продавец фальшивых марок их подмазал.

— Но о ценах мы с приятелем вслух не говорили. Как бы то ни было, я насторожился. Мне показалось, что кто-то намеренно гоняет меня по свету — это единственный смысл дурацкой истории с марками. Я увидел наличие задачи, мимо которой я не мог пройти. И произвел небольшое следствие. Все члены Команды получают ложные телеграммы, которые заставляют их метаться по планете. И я сумел то, что не получилось у Бориса Годунова — разыскал очень многих членов Команды.

— Что за бред с фальшивыми телеграммами?

— Об этом потом. Долго ли, коротко ли, я узнал все про сеть под началом Экстро, а также о профессоре Уга-

дае и чертовом сумасшедшем заговоре против человечества.

— Значит, Команда в курсе событий.

— Более или менее. Самые достоверные сведения я получил от Поулоса.

— А он где? Тоже бессмысленно мечется по планете?

— Нет, он занят поисками изменника в наших рядах. Да-да, Грек рассказал мне о своих подозрениях, и я склонен согласиться с его предположением. Заваривается крайне неприятная каша. Последствия могут быть роковыми. Предателя или предательницу следует уничтожить до того, как он или она уничтожит Команду. Никто из нас не способен в одиночку противостоять предателю — я думаю, именно поэтому он предпринял все возможное, чтобы рассеять нас по миру — и перебить по одному.

— Как тебе кажется — кто это?

— Никакой зацепки. У нас, как в каждой семье, не без уроды. В нашей Команде процент паршивых овец не больше, чем в любом другом стаде. Выбор имеется.

— Один интересный момент. Эпизод с марками свидетельствует о том, что Экстро иногда способен дать маху, — эти блоки по шесть и шестнадцать...

— Ну, я думал, что ты, Гинь, не относишься к слепым почитателям компьютеров. Да, они способны совершать ошибки — равно как и этот поц, профессор Угадай. Даже при взаимодействии Экстро и профессора возможны ошибки — на этом мы и подловим омерзительную тройцу. Что думаешь, Гинь? Сумеем мы найти Угадаю — через ошибки преступного триумvirата?

— Ума не приложу, Гили. И не хочу прикладывать. У меня душа в пятки уходит, когда я начинаю думать о всей этой катавасии.

— Мы должны атаковать в трех направлениях — зная, что профессор Угадай прячется где-то на Земле со своими чертовыми криокапсулами.

— С таким же успехом он может быть в космосе.

— Ни в коем случае.

— Твои доводы?

— После того, как аппарат убил бедную девочку, профессор Угадай вывел его за пределы Лаборатории. Гарри Гудини и Джимми Валентайн уехали, а ты был в полном шоке. Так что никто не проследил, куда исчез аппарат.

— Почему же не в космос?

— Да потому что у Угадая не было в тот момент ракеты, чтобы запустить аппарат в космос! Но на вспомогательных двигателях аппарат мог улететь довольно далеко — и сесть в неизвестной точке Земли. Теперь касательно атаки в трех направлениях. Миссис Курзон, вы начнете повсюду расспрашивать о местонахождении своего знаменитого и именитого брата. Вы его любите и взволнованы его исчезновением. Это выглядит естественно.

— Но я действительно люблю брата и волноваться его нету!

— Не сомневаюсь — как и в том, что вам удастся переполошить уйму народу. Вы должны так донимать ученый мир и власти своей обеспокоенностью, чтоб все прятались при одном упоминании вашего имени. И постоянно шлите Гиню отчеты о ходе поисков.

— А если не иметь результата?

— Тогда пускайте в ход свое воображение. Шлите ложные телеграммы: дескать, иду по следу, вот-вот найду и тому подобное. Все ваши иступленные действия будут доходить до сведения вашего брата — через электронную шпионскую сеть. Вполне вероятно, что рано или поздно его сердце не выдержит и прикажет ему подать вам весточку.

— Понимать. Я надеяться будет так.

— Гинь, тебе задание технического характера. Сколько горючего было в аппарате? Как далеко он мог улететь? Ты должен...

— Полные баки сжатого гелия.

— М-м... Но лучше ты точно рассчитай. И внимательно просмотри все отчеты военных и уфологов — космические аппараты не летают почем зря в нижних слоях атмосферы. Кто-то мог зафиксировать пролет необычного объекта. Далее. Профессору Угадаю необходим источник энергии для поддержания в аппарате нужного давления и температуры. Если он в укрытии — а он, скорее всего, в укрытии, — то солнечные батареи бесполезны. Значит, он подключился к какой-то сети. Проверь все позднейшие запросы о подключении нового объекта к источникам электроэнергии в радиусе возможного нахождения аппарата. Объем работы огромный. А вот маленькая, но вредная проблема: что, если крионавты станут взрослыми только телесно, а умом останутся как дети?

— Боже! Никогда не задумывался над этим.

— И никто над этим еще не задумывался.

Натома вмешалась в наш диалог:

— Борис говорить мы: он снова родиться со всеми навыки после клонирование ТНК.

— После клонирования ДНК, моя дорогая.

— Спасибо, Хинь.

— Это разные вещи, миссис Курзон, — сказал Гилель. — Угадаю придется обучать их — прежде всего говорить. Поэтому свяжись со всеми специалистами по методике обучения речи детей с замедленным развитием, страдающих острыми формами аутизма. Проверь, не обращался ли к ним в последнее время некий инкогнито — за литературой или за советом. Понимаю, исходное предположение спорно и этот путь может вести в тупик. Однако...

— Будем пробовать все. А третье направление поиска?

— Этим займусь я. Пожалуй, это самое сложное. Во время эпопеи с фальшивыми марками я трижды возвращался в Джи-Эм¹, то есть в бывший Детройт, и меня трижды всеми правдами и неправдами оттуда незамедлительно гнали в другое место. Почему им так хотелось, чтобы я и дня там не провел? Возможно, и это совпадение, но надо копнуть поглубже.

— Как ты полагаешь, Угадай — настоящее чудовище?

— Нет, нет и нет. Экстро и предатель — вот настоящие монстры. К сожалению, нам придется начинать контратаку через Угадаю, который просто мальчишка-проказник рядом с ними.

— Хорош озорник!

— И все же повторяю: он не злодей, а зарвавшийся мальчишка. Фанатик-ученый, столкнувшийся с открытиями, от которых дух захватывает, — ну и закружилась у парня сдуру голова, как у впервые влюбленного мальчишки. Я его не слишком виню.

— И как ты планируешь поступить с Угадаем?

— Отрезвить каким-то образом. Ведь в общем и целом он неплохой человек. В данный момент он бельмо в нашем глазу, но изменятся обстоятельства — и он перестанет представлять угрозу. Прибережем главные свои

¹ Джи-Эм — имеется в виду компания «Дженерал Моторс».

силы для борьбы с подлинными носителями зла — с Экстро и предателем из наших.

— А эта парочка тоже живет в тесном симбиозе?

— Кто знает. Теперь, увы, хватит прохлаждаться — пора за дело. Каждый будет действовать независимо от другого. Амуры, Гинь, придется оставить на потом. Извините, ребята, вы свой медовый месяц отгуляли. И, кажется, неплохо. Запомните: постоянно обменивайтесь телексами и радексами, но это будет только камуфляжем — ни одному слову в этих посланиях не верьте. Просто игнорируйте их содержание.

— А что, если...

— Никаких «если». Ты сам сказал Борису, что война пойдет всерьез. Так оно и есть. Поэтому лгите друг другу по каналам связи. Лгите изошренно. Доводите ложь до абсурда — чтобы электронная сеть заподозрила наличие секретных кодов и теряла время на их разгадку. И не забывайте, что электронная система в свою очередь будет фабриковать ложные сообщения, чтобы сбить вас с толку. Словом, не верьте ничему и неумолимо продолжайте свои поиски. Каждому из нас придется работать самостоятельно, в полной изоляции. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Отлично. Я ухожу, вы уезжайте через полчаса после меня. Было очень приятно познакомиться с вами, миссис Курзон. И не забудь подобрать своих курочек, Гинь.

— А ты не забыть, что Секвойя есть мой брат, — сказала Натоме ему вдогонку.

Гилель обернулся и сказал с улыбкой:

— Еще важнее то, что он член нашей Команды, миссис Курзон. Мы особое братство. Если сомневаетесь, пусть супруг расскажет вам о том, что мы пережили с лающим Кафкой. И все-таки руки у нас не опустились.

С этими словами он удалился. Голова! И живой как ртуть.

— Лающим? Кафкой? — переспросила Натоме.

— Есть у нас товарищ — воображал себя колонией тюленей. И все лаял по-тюленьи... Слушай, ты выдержишь эту бетонную глыбу, что легла тебе на плечи?

— На наши плечи, — поправила меня моя женушка.

Как и договорились, мы подождали полчаса, и я не забыл собрать убитых курочек.

ШЕСТИФУТОВЫЙ ЛЕМУР НАЙДЕН НА МАДАГАСКАРЕ. ЖИВОЕ ИСКОПАЕМОЕ. УВЕДОМЬ ОБ ЭТОМ СВОЕГО БРАТА. НЕМЕДЛЕННО.

ПО СЛУХАМ, СЕКВОЙЯ НА АСТЕРОИДЕ ФЕТИДА.

ТЕЛФОРД ГОВОРИТ, ЧТО ТВОЙ БРАТ РАБОТАЕТ НАД ЛЕКАРСТВОМ ПРОТИВ АСТМЫ У КУЗНЕЧИКОВ. ПРАВДА ЛИ ЭТО? ЕСЛИ ОН НАЙДЕТ ХОТЬ ОДНОГО КУЗНЕЧИКА С АСТМОЙ, НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ЕМУ ОБЕСПЕЧЕНА.

СООБЩЕНИЕ ЛОЖНОЕ. Я СЛЫШАЛА, ЧТО ОН СТАЛ ЖРЕЦОМ КУЛЬТА ИНКОВ В МЕХИКО.

ЭДИСОН СООБЩАЕТ, ЧТО ТВОЙ БРАТ НАХОДИТСЯ НА ОРБИТЕ С КРИОКАПСУЛАМИ. ГОВОРИТ, ЧТО УГАДАЙ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ КАК ОБЕЗЬЯНА В ДЖУНГЛЯХ. НЕ ВЕРЬ ЭДИСОНУ.

СЕКВОЙЯ НАХОДИТСЯ НЕ В МЕХИКО. ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ В ПРОКТЕРЕ И ГЭМБЛЕ?

ОЧЕВИДНО, ОШИБКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СООБЩЕНИЯ. Я НАХОЖУСЬ НЕ В ПРОКТЕРЕ И ГЭМБЛЕ, А В ПРОКЛЯТОМ ГАМБУРГЕ. ТВОЙ БРАТ ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ, НО ПАКОВЫЕ ЛЬДЫ ЗАТРУДНЯЮТ ПОИСК.

СРОЧНАЯ. ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО. СЛОМАЛА БЕДРО НА ГАРБО.

МОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ. ЖАЛЬ, ЧТО НЕ ОБА. ЕДУ В САН-МИГЕЛЬ, ГДЕ УВИЖУСЬ С СЕКВОЙЕЙ. ТВОЙ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ.

ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПРОСИТЬ РАЗВОДА. ИСКРЕННЕ НЕ ТВОЯ.

ВЫСТУПАЮ С ВСТРЕЧНЫМ ИСКОМ ПО ФАКТУ ПРЕСТУПНОЙ ФЛЕБОТОМИИ МЕЖДУ ТОБОЙ И ТВОИМ БРАТОМ. КАК ТЫ МОГЛА СЛОМАТЬ БЕДРО НА ГАРБО?

НЕ НА ГАРБО А НА ДИТРИХ. И НЕ БЕДРО СЛОМАЛА, А КАЙФ.

ТВОЙ БРАТ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО СПРЯТАЛ КРИОКАПСУЛЫ В НАДЕЖНОМ МЕСТЕ, НО НЕ ГОВОРIT ГДЕ. ТЫ, СЛУЧАЙНО, НЕ В КУРСЕ?

У МЕНЯ РОМАН С ОПОЯСЫВАЮЩИМ ЛИШАЕМ. НАСТАИВАЮ НА РАЗВОДЕ ИЛИ НА ТВОЕМ САМОУБИЙСТВЕ. МОЙ БРАТ НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЕТ.

СРОЧНАЯ. СООБЩИ СЕКВОЙЕ О НАХОДКЕ ЕЩЕ ОДНОЙ ЖИВОЙ ОКАМЕНЕЛОСТИ НА ГРЕНЛЯСКЕ. ДИНОЗАВР-ГЕРМАФРОДИТ.

СРОЧНАЯ. ВЫШЛИ ДЕНЕГ. ПОЧТОВАЯ КОМПАНИЯ ПРИСЛАЛА СЧЕТ НА 1110110011 МИЛЬ ТВОИХ ТЕЛЕГРАММ.

НЕВОЗМОЖНО. 1110110011 МИЛЬ — РАССТОЯНИЕ ДО СОЛНЦА. НЕ ХОЧЕШЬ ЛИ ТЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ТВОЙ БРАТ НАХОДИТСЯ ТАМ?

УТОЧНЕНИЕ. НЕ МИЛЬ, А КИЛОМЕТРОВ.

ПОВТОРЯЮ: ХОТЬ И КИЛОМЕТРОВ, НО ДО СОЛНЦА. ТВОЙ БРАТ НА ОРБИТЕ ВОКРУГ ЗЕМЛИ ИЛИ ГДЕ?

УТОЧНЕНИЕ: Я ИСПОЛЬЗУЮ ДВОИЧНЫЙ КОД ВМЕСТО ДЕСЯТИЧНОГО. ЦИФРЫ ЧИТАТЬ КАК 947 МИЛЬ. СЕКВОЙЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ОКОЛОЗЕМНОЙ ОРБИТЕ.

Гилель был прав, как всегда. Электронная сеть Экстро творила разные пакости: искажала сообщения, посылала фальшивки, вносила запутывающие уточнения. Но я упрямо следовал плану, который выработал наш Хитрец. Я определил, что в баках аппарата было достаточно топлива, чтобы долететь до Хьюстона или Мемфиса, Дулута или Торонто. И с радиусами на карте возиться не стоило — десятки уфологов зафиксировали появление НЛО в дюжине штатов на континенте. А также на Гавайских островах. Было от чего растеряться.

Столь же плачевны были результаты и другого моего расследования. Беседы с дюжиной специалистов привели меня к выводу, что компании по производству элект-

рознергии давным-давно отчаялись фиксировать все кражи энергии. Дешевле списывать потери, чем проводить расследования по каждому случаю.

Но вот что касается курсов по методике обучения страдающих аутизмом — тут дело, кажется, выгорало. Верная получилась ниточка. Я выяснил, что центр психологических исследований в Тщикаго завален заказами на литературу по обучению детей с замедленным развитием, не идущих на контакт с внешним миром — то есть страдающих аутизмом. Заказчиком была некая группа, называющая себя Новейшая Школа. По видеотелефону служащие Центра решительно отказались дать мне координаты Новейшей Школы — что вполне понятно. Факт необычной анонимности заказчика столь невинных пособий только усугубил мои подозрения, что это Гайавата и тройка его размороженных гомосбиянок. Следовало ехать в Тщикаго, чтобы на месте всеми правдами и неправдами выцарапать нужную информацию.

Но на протяжении моих розысков я все яснее сознавал, что у меня на хвосте сидят. Пока я охотился за Вождем, кто-то охотился за мной. Началось с почти невинных шалостей. Меня донимали оптовые продавцы компоста — якобы я где-то дал объявление о закупке большого количества сухого навоза. Посыльные приносили свадебные торты и цветы, которые я, естественно, не заказывал. Из магазинов доставляли кровати, одежду, мебель, алкоголь, средство от тараканов и грыжевые бандажи — и всякий раз грузчики или посыльные вспоминали недобрым словом всех моих родственников, когда я решительно отказывался и начинал лепетать что-то о недоразумении. Затем я стал получать по почте бредовые счета от докторов — то за акупунктуру, то за ампутацию половых органов, то за лечение от сифилиса. Одновременно приходили запросы на подтверждение заказа билетов на Венеру, Марс или Юпитер — и все бизнес-классом!

Но это были только цветочки. Людям свойственно поклоняться электронному разуму — они относятся к компьютерам с восторженным слепым доверием. При столь благоприятных условиях бунт компьютеров становится сущим кошмаром. Когда люди слепо доверяют электронным машинам, те могут совершенно распоя-

саться, потому что никому не приходит в голову, что они способны ошибаться или нарочно портачить.

Против меня было возбуждено шесть уголовных дел Генеральным Электронным Прокурором. Затем по каналам Межпланетного Телеграфного Агентства прошло сообщение о моем самоубийстве. После чего при первой же покупке компьютер конфисковал как поддельную мою кредитную карточку, которая одновременно была удостоверением личности. Теперь я числюсь среди покойников. Космополит без имени. Нуль перед законом.

Семь банков и брокерских домов, где находились все мои миллионы, прислали уведомления, что я задолжал им большие суммы денег. Так что выплаты по любым моим денежным обязательствам прекращены. Я мигом стал банкротом. Затем мой дом — бывший вигвам Секвойи — сгорел дотла. Я ждал чего-то в этом роде и заранее все ценности отвез в специализированную фирму на сохранение. Часть этих ценностей была украдена, остальные погибли при взрыве охраняемого склада. Когда мой вигвам сгорел, я примчался на пожарище с другого конца города и целую ночь копался в пепле, пытаюсь хоть что-то найти — на память. Безрезультатно. Там уже побывали грабители, оставив кучки экскрементов и выронив в спешке странное оружие — короткий кинжал с широким лезвием и заостренным концом. На ручке были нарисовано что-то вроде буквы «Н» — две линии, пересеченные третьей. Я сунул кинжал в свой сапог. Быть может, со временем он поможет мне найти грабителей и хоть что-нибудь из украденного.

В ту страшную ночь я бы отказался от дальнейшей борьбы, если бы не мысль о презрении, которым меня обольют Гилель и Натом, когда узнают о моем малодушии. Поэтому на следующее утро я решил вернуться в Тщикаго. Однако самолет, в который я сел, был захвачен террористами и посажен в городе Каннибал, штат Миссури. Там представители авиакомпании рассыпались в извинениях перед пассажирами. Нас посадили в самолет, следующий специальным рейсом в Тщикаго. Но электронный автопилот что-то там напутал, и мы приземлились в Дулуте. Опять служащие авиакомпании изощрялись в извинениях и переводили пассажиров на борт другого лайнера.

Но на этот раз Гинь проявил смекалку. Стало быть, меня хотят держать подальше от Тщикаго? Ладно. Я купил билет на челнок до Буффало — и электроника мило-стиво дозволила мне доехать туда без приключений.

И вот я оказался у дальнего конца резервации Эри — и мог передохнуть. Тамошние ворота охранял один из моих тотемических братьев, бывший у меня на свадьбе, — он узнал меня, заулыбался, четырежды постучал кулаком по кулаку, посадил меня в вертолет и доставил в мраморный викиап Угадая.

Должно быть, вид у меня был еще тот. Мамочка лишь раз взглянула на меня, прижала к своим сдобным телесам и залилась слезами. Она раздела меня — как куклу, купала, уложила в постель, стала нянчить и кормить всякими кашками. Прошло совсем немного времени, а я ободрился, на щеках у меня опять заиграл румянец. Подобной заботливой мамочки у меня никогда не было. Я прикипел к ней всем сердцем. Часом позже появился державный папочка в сопровождении головастого карлика, похожего на сказочный персонаж.

Карлик представился:

— Я профессор Ларсен. Преподаю лингвистику в университете. Надеюсь, вы не больны, мистер Курзон?

— Просто устал, полностью вымотался.

Ларсен поговорил с папочкой на черокском языке, затем сказал мне:

— Вождь осведомлялся, как дела у его новоприобретенного сына. Я ответил, что вы очень утомлены.

Папочка удрученно поцокал языком, потом еще что-то спросил. Ларсен перевел.

— Теперь Вождь желает знать о своем сыне и дочери.

— Насколько мне известно, оба более или менее живы-здоровы.

— Звучит как-то двусмысленно, мистер Курзон.

— Согласен, профессор Ларсен, но действительное их положение настолько запутанное, что мне придется до вечера объяснять, что к чему. Поэтому скажите коротко: живы-здоровы и счастливы.

Карлик переговорил с папочкой, потом спросил от его лица:

— Почему вы приехали без них?

— Скажите, что я как раз еду на встречу с ними.

— Они вас пригласили?

— В некоторой степени да.

— Опять двусмысленность, мистер Курзон.

— Это часть уже упомянутой сложности. Я хотел бы занять некоторую сумму денег.

— Вы же известны как миллионер, мистер Курзон. Разве это не так?

— Я и есть миллионер. Но тут опять слишком сложно объяснять.

— Хотел бы я узнать детали этой запутанной ситуации! Просто умираю от любопытства. Извините. — Профессор передал мои слова державному папочке. Тот пространно ответил. Ларсен обратился ко мне: — Вождь сказал: несомненно. Он готов одолжить вам денег. Сколько вам нужно?

— Сто тысяч.

У Ларсена челюсть отвисла. Зато папочку сумма нисколько не смутила. Он ответил спокойным кивком, и я полюбил его пуще прежнего. Великий Вождь вышел на минуту из комнаты и вернулся с десятью пачками золотистых банкнот — в каждой по десять тысяч. Он положил их на столик у изголовья постели, а сам присел на кровать возле меня, ласково заглянул мне в глаза, положил руку мне на голову и что-то тихо пророкотал.

— Вождь говорит, — перевел Ларсен, — что, невзирая на ваш усталый вид, супружеская жизнь с его дочерью, похоже, пошла вам на пользу.

— Скажите ему, пожалуйста, что его дочь стала еще краше, чем прежде.

— Я не стану переводить, мистер Курзон. В резервации не принято восхищаться красотой своей скво.

— Спасибо, профессор Ларсен. Тогда скажите ему, что Натоме удивительно работающая.

— Это ему придется по душе.

В этот момент дверь распахнулась, и в викиапе появилась работающая скво собственной персоной — она ворвалась как растревоженная богиня. Впрочем, многие ли богини так элегантны и грациозны, как моя женушка?

Она бросилась ко мне.

— Что такое, Хинь? Что случится? Ты болеешь? Почему на кровать? О, я тебя задушить? Где ты будешь? Куда ты направляешься? Ты знаешь, что я приезжать? Как ты узнать? Почему ты молчать?

Когда она отпустила меня и я смог вздохнуть и что-то сказать, я ответил на тысячу ее вопросов встречным вопросом: что она здесь делает?

— Я не мочь не приехать, — сказала Натом. — Я хочу взять в Эри новый запас здравый рассудок. Я видеть мой брат. И я очень бешеный!

Мне до смерти хотелось узнать подробности, но на разговоры времени не оставалось — наступил священный час трапезы. Папочка, профессор, малолетние братья и я сидели за столом, а мамочка и Натом подавали кушанья. Моя несравненная женушка сочла своим долгом вернуться ко всем традициям резервации. На ней был наряд из оленьей шкуры, она скромно потупляла мордашку и исправно краснела, когда малолетние бутузы отпускали шуточки по поводу интимной жизни молодоженов, которые Ларсен решительно отказывался переносить.

После трапезы я сделал ей знак, что приглашаю на вечернюю прогулку, она согласно кивнула, но жестом попросила обождать: ей — вместе с мамочкой — предстоит перемыть посуду. Когда Натом наконец окончательно освободилась и мы вышли из викиапа, она скромно следовала за мной, отставая на три шага, как и положено по обычаю. Лишь когда нас больше не было видно из викиапа, она кинулась мне на шею и чуть не повалила меня на землю.

— Я любить тебя. О, как я любить тебя! Я любить тебя, даже если ты омерзительный. Ведь ты освободить меня от Эри!

— Ну, ты бы, милая, и без меня вырвалась из плена традиций и обычаев.

— Как? Я никогда не знать, что есть другой мир. Нет, ты эмансипировать меня и теперь я весь твой.

Любопытное явление. Она еще вполне безграмотно говорит на двадцатке, но слово «эмансипация» уже проникло в ее словарь!

— И я весь твой, — сказал я. — Наша любовь и преданность взаимны.

Она привела меня туда, где любила прятаться в детстве — к высоченному ливанскому кедру. Мы залезли повыше и, укрытые его листвой, сидели рядышком, взявшись за руки, не боясь осуждающих взглядом эрийских замшелых консерваторов.

- Кто рассказывать первый? — спросила она.
- Ты.
- Мистер Гилель быть прав. Мой брат найти меня.
- Где он тебя нашел?
- Бокстон.
- Я и не подозревал, что ты там.
- Машины держать нас отдельно. Ты и я.
- Верно. Ну и что произошло между вами? Он пытался развеять твою тревогу?
- Нет. Я бояться Секвойя. Он не просто дурной мальчик. Он есть холодный. Совсем холодный. Нет сердца.
- О-о!
- Он больше не быть мой брат.
- Сейчас — да. Но снова станет твоим любящим братом, когда все это наваждение закончится.
- Он сказать мне, что растереть по стенка весь род человек, что человеки напрашиваться на беда много, много тысяч лет. Будет смерть и уничтожать. Никакой пощады.
- Боже мой! Нет сомнений в том, что у него и электронной сети слово с делом не разойдется!
- Он приказать мне идти в Эри, где я быть в безопасности. Сеть не проникать в резервация. И еще несколько мест, куда она не проникать. Сахара, Бразилия и... и... Я забыть, потому что не слушать.
- Почему?
- Я выйти из себя. Я сказать ему... Почему ты смеяться?
- Да просто я знаю, какая ты, когда взбесишься.
- Я сказать ему, что он есть изменник меня, своя семья, свой народ и весь прекрасный мир, который мне показать мой муж.
- О-ля-ля! Ты действительно раскипятилась.
- Я сказать ему, что я не быть больше скво. Мой муж сделать из меня независимый персона, который уметь думать сам, и я будет делать все возможное, чтобы его останавливать и наказывать, даже если нужно ополчать на него все племена и народы Эри. Если мы мочь побивать интернациональный мафия, то мы легко побивать и его подлый друг компутер.
- Молодец, Натомочка, здорово ты ему врезала! А если рассуждать спокойно — племена и народы Эри действительно могут помочь в нашей борьбе?

— Обязательно. Мы жить много поколений без электроника, за ограда, и иметь только самое нужное. Поэтому компьютер не мочь обманывать индейцы. Они его презирать. Наши мужчины рваться в бой.

— Неужели их не смущает, что придется выступить против сына великого вождя?

— Они не будет его убивать. Они просто положить его на решетка и медленно жарить, пока он не приходит в разум. Сейчас он очень холодный. Немного горячо ему помогать.

— Ты упомянула в разговоре с ним наше основного изменника — предателя из Команды?

— Нет.

— Ну и как он реагировал на твою вспышку?

— Никак. Он повернуться и уйти, как будто я был часть мебели.

— И куда он направился?

— Натоме не знать.

— Обратно к своим криокапсулам?

— Натоме не знать. Он уйти, и я вернуться в Эри.

— Правильно. Здесь ты и останешься.

— Нет.

— Почему это «нет»?

— Хочу быть с тобой.

— Натоме!

— Эдуард!

Тут мы так повздорили, что в итоге чуть не ссыпались с ветки. Я исступленно перечислял все смертельно опасные подлости, на которые способно чертово электронное братство. Никакого результата. Когда я рассказал, что вигвам сгорел, а от роскошного сервского сервиза остались одни черепки, она и бровью не повела. Натоме только еще больше насупилась и выразила еще большую решимость идти до конца. Она так трогательно походила на меня бывшего — когда я был горяч и в трудных ситуациях поступал по принципу или грудь в орденах, или голова в кустах. Так что я в итоге сдался. Я же говорил, что моя черокская женушка приворожила меня — они, индейки, это умеют.

И моя умница сумела перехитрить коварную электронную мафию. Мы-таки пробились в Тщикаго. Сперва мы направились в Буффало, оттуда в Питтсбург, из Питтсбурга в Чарлстон. Затем мы намеревались добраться до

Спрингфилда, сесть там в машину на воздушной подушке и мигом домчаться до Тщикаго. Однако кто-то напортил с билетами, и на чарлстонской челночной станции у нас возникли трудности перед самым вылетом. Натомин испангль был не лучше двадцатки, поэтому я оставил ее в челноке и сам пошел разбираться с претензиями.

Я заспорил с хамоватыми клерками, которые пытались доказать мне, что компьютер никогда не ошибается и наши билеты не оплачены. Этих придурков не переубедишь, а потому я швырнул им тысячную банкноту и потребовал новые билеты — только быстро. Пока я ждал, сработала автоматическая система отправления и челнок поднялся в воздух. Когда он был метрах в тридцати от земли, полыхнуло пламя и взрыв расшвырял по небу осколки аппарата. Часть осколков проломила стену аэропорта. Похоже, что-то ударило меня по голове, и я потерял сознание.

Глава 11

Его настоящего имени никто не знал, да и не спрашивал. В уголовном мире не принято интересоваться именами. Все звали его Капо Рип. Капо — слово итальянское и значит «начальник» или «голова» (в смысле башковитый). Кто он и откуда — про то никто не знал. Его звезда взошла мгновенно — за пару-тройку недель. Ходила дюжина бак про его прошлое, но их автором был он сам, а потому в эти истории мало кто верил, зная его репутацию отъявленного вруна. По одной версии он вырос в сиротском приюте (тогда как подобные заведения упразднили больше ста лет назад). По другой — он вырос в уличной банде, а потом был усыновлен интернациональной мафией. По третьей — он был сыном гориллы, искусственно осемененной человеческой спермой. Капо Рип отличался поразительным хладнокровием, равнодушием к женскому полу, как, впрочем, и вообще к общению. Друзей у него не имелось, да он и не стремился к дружбе. Не человек, а глыба льда. Зато память у него была — упаси Господи; побеждал в любых азартных играх, где возможен просчет в уме, и поэтому играть с ним садились только лопоухие новички, а в игорные дома его попросту не пускали — он мог разорить любое заведение.

Однако умение мгновенно просчитывать варианты удерживало Капо от убийств. Убить ему было — раз плюнуть, но счетная машина под его угрюмо наморщенным лбом заранее просчитывала неприятности и подсказывала: овчинка не стоит выделки.

— Я прочел в одной умной книжке, что вероятность сесть на электрический стул за убийство шесть к пяти. А я не играю, когда вероятность меньше, чем шесть к пяти — в мою пользу.

Да, как ни странно, Капо Рип умел читать. Он не заключал пари даже тогда, когда вероятность выигрыша была пятьдесят на пятьдесят. Он тщательно следил, чтобы перевес был всегда на его стороне и допускал только оправданный риск.

Это свойство характера сделало его идеальным преступником, кумиром уголовного мира. Он занимался только благородными делами: кражи, ограбления, вымогательство, шантаж, подкуп чиновников. И пользовался, соответственно, огромным уважением. Прежде всего потому, что преступный мир неоднократно убеждался в его честности: никогда не «кинет», обязательства выполняет в срок и в точности, от данного слова привычки отпираться не имеет. Не то чтобы он был благороден — ни стыда, ни совести у него не было. Просто Капо понимал, что себе дороже обманывать. Вероятность расплаты шесть к пяти. А это неоправданный риск. Доверие покупается только четностью, и он был поневоле честен.

Жил Капо Рип скромно — по отельчикам, по мебели-рашкам, по разным волчьим норам, а порой и в задних комнатах игорных домов — если давал обещание держаться подальше от карточных столов. Оружия с собой никогда не носил, хотя при случае не раз проявлял себя хладнокровным бойцом, когда его провоцировали на мордобой. Он не любил подобные разборки — тут никогда шансы заранее не просчитаешь. Но некоторые крутые ребята сами лезли на рожон. Тогда он успокаивал их своими кулаками-молотами. В преступном мире было распространено мнение, что он при желании мог бы стать чемпионом мира по боксу в полусреднем весе.

Капо Рип был окружен таким почтением, что вокруг него уже через месяц после его появления из ниоткуда как-то незаметно сгустилась свита из добровольных льстецов и прихлебателей. В нее входили люди с кромешно темным прошлым, но услужливые, полезные в быту. Среди них была и его фаворитка, которая прибилась к стайке неизвестно откуда, да так и осталась — никто не приглашал, но и никто не гнал. Она хранила ему

верность и любых ухажеров отшивала. Неоправданный риск для нее. Себе дороже связываться с уголовной шушвалью или с матерыми убийцами.

В деле Капо Рип отличался редкой изобретательностью. Несколько примеров. Брокерский Биржевой Дом превратили в настоящую крепость — окружили здание ровом с зыбучими песками. По завершению рабочего дня подъемный мост поднимали. А крыша — мало того, что ее держали под напряжением, — была утыкана острыми кольями разной длины, так что ни один аппарат на нее опуститься не мог. Капо Рип спокойненько рассыпал по зыбучему песку сухой лед, прошел по новосозданной дорожке и обчистил сейфы ББД, чего не удавалось сделать никому за последние несколько десятилетий. А внутренние коды и запоры он преодолел благодаря взятке, данной служащему ББД, знавшему «подвижную» систему безопасности. После очередной смены системы кодов, он передал их Капо Рипу по компьютерной связи — морзянкой, так что встроенные программы безопасности не сработали. Капо Рип сорвал огромный куш.

В другом случае Капо Рип обратил внимание, что пятидесятилетняя жена губернатора, мелькающая в теленовостях, становится с каждым разом все моложе и моложе. Волосы пушатся и блестят, кожа так и светится и становится как шелковая. Рип сперва занялся сотрудниками губернатора. Обратил внимание на ослепительно красивую юную секретаршу. Затем проверил все салоны, где делали пластические операции. Жена губернатора туда не обращалась. Секрет ее омоложения оказался прост — побочные результаты медленного отравления мышьяком. Капо Рип вышел на губернатора — и тот заплатил, потом заплатил еще и еще.

А вот еще случай. Под видом настройщика роялей Рип явился к знаменитому, но предельно осторожному коллекционеру. Он перевернул весь дом в поисках уникальной статуэтки из России — пятнадцатисантиметровой фигурки богини, которую Фаберже вырезал из крупнейшего в мире изумруда. Безрезультатно. Тогда он вернулся с компасом — и обнаружил статуэтку в стальном ящике, вмурованном в стену. Затем Капо Рип продал трясущимся от радости коллекционерам семь копий статуэтки, изготовленных из синтетических

изумрудов. После чего анонимно вернул подлинник владельцу. Преступный мир обожает подобные истории.

В промежутке между крупными операциями он ни дня не сидел без дела — развлекался мелочами: шантажировал политиков, выкрадывая их истории болезни; воровал радиоактивное сырье для малых стран, грабил молодоженов в свадебных путешествиях, строил дома на разведенном цементе, собирал деньги на экспедиции по поиску Атлантиды и снежных людей, затевал продажу участков в Антарктиде и так далее. Вообще, он отличался неуемной энергией. Всегда был при деле. В преступном мире полагали, что он зашибает не меньше миллиона в месяц.

О своих подвигах Капо Рип предпочитал не распространяться. Не любил рекламы. И требовал молчания от своей свиты. Те осмотрительно помалкивали. Что узнавалось, то узнавалось не от его сотрудников. Сколько не подкатывали к ним заправилы преступного мира — ни подкуп, ни вино, ни наркотики, ни шантаж не развязывали их языки. Впрочем, серьезно тряхнуть их никто не решался — кому же хочется нажить врага в лице Капо Рипа.

Уголовный мир загудел, когда Капо Рип в один прекрасный день исчез — вместе со своей шайкой-свитой. Пошли на какое-то дело — и не вернулись. Кой у кого мелькнула кощунственная мысль — уж не замели ли Капо Рипа? В это не верилось. Свои люди в полиции докладывали: не арестован. Отвалили куш главному риповскому адвокату и поверенному в делах — тот сказал, что Капо на связь с ним не выходит. Словом, прославленный Капо Рип улетел в небо святочной ракетой, вспыхнул ярким сиянием славы — и бесследно пропал.

А тем временем сам Рип сидел в кресле. Кресло странно раскачивалось. Привязан он был крепко — не раз проверял. Поблизости шнырял незнакомый брюнет, который непрестанно омерзительно щерился в улыбке и называл его Великий Капо. Тут же была и его любовница, которая пробовала кормить Рипа с ложечки. Рип отвел душу тем, что выплюнул кашу ей прямо в лицо.

Он ума не мог приложить, что это за место, куда его доставили. Похоже, просторная комната. Из конца в ко-

нец расхаживает чертова уйма докторов и медсестер, которые оживленно перебрасываются всякими учеными словечками, вроде «лигаментум крусиатум крурис», «желудочные невроты», «тремор ануса», «грыжа левой пятки» и тому подобное. Не будь он привязан к креслу, Рип полез бы на стенку от этих ученостей. Понятен был лишь один молодой хирург, который страдал ликантропией, — то и дело у него случались приступы, когда он воображал себя волком, накидываясь на визжащих медсестричек и кусал их за ягодицы. Брюнет и подлая баба, которая норовила накормить его кашкой, не обращали ни малейшего внимания на медицинский бедлам вокруг.

— Это что — больница? — прорычал Рип.

— Нет, Великий Капо, вы видите стереопроекции сериала «Молодой доктор Маньякко». Извините, мы, к сожалению, не можем блокировать телепередачу. Просто не обращайтесь внимания.

При этом брюнет одной рукой взял Рипа за затылок, а другой стал запихивать ему в рот обжигающую кашу.

— Ублюдок! Ненавижу! — прохрипел Рип, мотая головой.

— Да-да, Великий Капо, не смею спорить. Кушайте, пожалуйста.

У мужчины так ничего и не вышло. За ложку опять взялась женщина.

— А ты, поганая воючая сука! — прошипел Рип. — Это ты продала меня.

— Да, Капо, но вы пока не знаете истинной причины.

— Где я? Зачем меня сюда привезли?

— Вы на шхуне посреди озера Мичиган, — сказал вертлявый брюнет. — А зачем? Чтоб вы выкупили себя.

— Сколько?

— Не сколько, а чем.

— Не играй словами, выродок! Называй цену. Я заплачу, но тебе не жить — запомни, ублюдок!

— Верю вам, Великий Капо, — сказал брюнет и направился к выходу. Но в последний момент повернулся и бросил: — Так значит, насчет цены. Вы должны сказать мне, где я могу найти человека по имени Эдуард Курзон.

- Кто?
- Эдуард Курзон.
- Отродясь о таком не слышал.

— Ну, Великий Капо, не становитесь в позу. При ваших связях да с таким опытом вы не могли не пересечься хотя бы раз с Курзоном. Благодаря вышеупомянутым связям и опыту вам будет нетрудно найти его для меня. И ликвидировать — за что вы будете чрезвычайно щедро вознаграждены.

— Я не убиваю. Неоправданный риск.

— Знаю. Потому-то нам и приходится оказывать на вас деликатное давление. Вы должны найти и ликвидировать Курзона, Великий Капо!

— Почему я? Могу рекомендовать вам два десятка профессиональных убийц.

— У этих ребят нет ваших мозгов. Очень важная часть нашего договора — следы никоим образом не должны вести ко мне. Я не могу довериться никаким кровавым придуркам. Я доверяю только вам, Великий Капо. Найдите и ликвидируйте Курзона.

— Каким образом вы выкрали меня — в разгар операции по ограблению собора?

— Все было подстроено заранее. Я, видите ли, тоже с мозгами. Не держите зла. Успокойтесь. Найдите и ликвидируйте Курзона.

— Предположим, я соглашусь. Но я же могу продать вас в любой момент — как эта сучка продала меня.

— Нет. Вы человек слова и свое обещание молчать не нарушите. Поэтому я и доставил вас сюда. Подумайте о моем предложении, Великий Капо. Когда созреете для соглашения, мы поговорим обстоятельнее. Не верю, что имя Курзона не возникало на протяжении вашей блистательной карьеры. Напрягите память, Великий Капо. Попробуйте в своих воспоминаниях.

Курзон? Курзон, Курзон — ничего память не подсказывает... В преступном мире у него сотни знакомых. Рип стал перебирать в уме похожие фамилии и клички. Курлион. Ларри Куртейн. Курмин Слизняк. Все шваль, недостойная быть убитой...

Теперь он понимал, почему кресло раскачивается. Снаружи был шторм. Его любовница вернулась с новой порцией чего-то. Но шхуну качало так сильно, что она выронила тарелку из руки — так и не дойдя до Рипа.

Ловкая, она в последний момент подхватила тарелку — как у фокусника, кусок мяса и гарнир благополучно шмякнулись обратно на тарелку. Молодая женщина лукаво улыбнулась Капо Рипу и даже весело подмигнула.

— А-ва-ва-ва! — вскрикнул я. — Это же севрский сервиз!

Она пристально смотрела на меня. Я не менее пристально смотрел на нее.

— Погодите-ка, вы ведь не моя Натом? Это же противоречит здравому смыслу. Я же видел, как она погибла в то утро! Кто вы такая, черт побери?

Она кинулась ко мне, обняла и зарыдала, надрывно взвизгивая, как будто хирург-оборотень кусал ее за ягодицы. Наконец среди всхлипов и вскриков стали проскальзывать отдельные слова:

— Гилель! Гилель! Сюда! Быстро! Он нашел Эдуарда Курзона!

Гили съехал с палубы вниз по перилам и подбежал ко мне. Он наступил на тарелку из севрского фарфора, которую девушка, будучи в расстроенных чувствах, неосмотрительно поставила на пол. Тарелка тенькнула и разломилась под ногой.

— Привет, Гинь! — радостно воскликнул жгучий носатый брюнет. — Черт, вся нога в бобах с соусом!

— Что происходит, черт возьми? Полчаса назад я своими глазами видел, как Натом погибла в Чарлстоне. А теперь она здесь, со мной, на этой качающейся штуковине...

— Это шхуна, — сказал Гилель. — Парусная. Никаких механизмов, никакой электроники. Мы на середине озера Мичиган.

— И ты это ты, а эта красавица — Натом... Натомочка, я тебя люблю, как и прежде, — с безумной силой, но не надо обнимать меня так крепко. Позволь мне вздохнуть минутку и собраться с мыслями. У меня тысяча вопросов. Во-первых, что за бред про озеро Мичиган? Оно Бог весть когда пересохло, как и озеро Эри!

— Не до конца. Осталась лужа длиной миль сто — и мы как раз посередине этой лужи, где электронные машины за нами не следят.

— Каким образом ты умудрился перенести меня сюда за полчаса, Вечный Проказник?

— Не совсем за полчаса. Потребовалось три месяца.

— Три ме...

— Видите, миссис Курзон, я же говорил вам, что у него будет полная потеря памяти.

— Не хочешь же ты сказать... что я... о, Натом, сойди, пожалуйста, с меня, я должен встать.

Они развязали меня, и я встал. Меня шатало — не только от качки. Сделав несколько неуверенных шагов, я опять сел на кресло.

— Ребята, рассказывайте все, а то у меня голова кругом идет, — взмолился я.

— Рассказывать особо нечего. Взрыв челнока и уверенность в гибели жены спровоцировали у тебя невероятной силы эпилептический припадок.

— Но я же выкарабкался?

— Да, в состоянии безумия. Эпилептическая горячка. Полная утрата памяти. Полная утрата моральных тормозов. А также утрата человечности.

— Господи! А что было потом?

— Ты стал Капо Рипом.

— Кем-кем?

— Самым подлым и хитрым заправилой преступного мира. Я бы не хотел восстанавливать в твоей памяти подробности твоей жизни в этом образе. Впрочем, мне мало что известно. А знал бы — все равно не стал бы рассказывать. Так что поставим крест на этом болезненном прошлом.

— Иными словами, я превратился в подобие низменного Секвойи.

— Не смей так говорить, Хинь!

— Теперь, Натом, я верю, что отсутствовал три месяца — как правильно ты уже щебечешь на двадцатке!.. А касательно твоего брата — правда глаза колет. Он пытался убить меня. Он пытался убить тебя. Кто, кстати, спас тебя?

— Я увидела, что ты задерживаешься, и выскочила из челнока буквально за несколько секунд до взлета. Взрывная волна контузила меня, и я потеряла сознание. К тому времени, когда меня нашли рядом с обломками, ты уже пропал.

— А потом?

— Я взяла в резервации четырех отважных индейских парней, и мы нашли тебя в уголовном подполье. Потом я нашла в Джи-Эме Гили и ввела в курс событий. А он устроил все остальное.

Я угрюмо зыркнул на мою верную женушку.

— Извини, но мне придется пришить твоего брата-разбойника.

— Бога ради, Хинь, не надо. Не будь больше Капо Рипом.

— Я вынужден убить твоего брата.

— Команда решительно против резни внутри нашей семьи, — сказал Гилель.

— Против? Если Угадай выпустит мне кишки, многие в Команде только радостно перекрестятся.

— А если ты убьешь Угадаю?

— Еще больше народу обрадуется. Позволь полюбопытствовать — что ты намерен делать с загадочным предателем? Будешь и с ним цацкаться? Направишь его в тюрьму? Или на перевоспитательную терапию?

— Гинь, ведь это ты подарил Секвойе вечную жизнь!

— Да, тем что убил его. А теперь я свой дар заберу обратно — вторично убив. — Тут я решительно ткнул пальцем в сторону Натомы. — И мне плевать, если это разрушит мой брак!

Натома, заламывая руки, повернулась к Гилелю.

— Гили, милый, помоги! — запричитала она.

— Что я могу сделать, душечка? Он осуществляет то, о чем мы говорили тогда на Пустошах. Но он прет вперед как танк. Как его теперь остановить? Сама видишь. Я никогда не думал, что он станет таким неуправляемым и кровожадным. Он пугает меня.

— Что вы мне вкололи, чтобы я вышел из кризиса и опять стал самим собой?

— Ты отстал от времени. Уколы в прошлом. Мы используем эстрогены.

— Что это за хрень такая?

— Давай поговорим начистоту, — сказал Гилель, немного заводясь. — Ты чувствуешь прилив обновления, но не советую тебе делать из меня что-то вроде боксерской груши для упражнении. Я этого не люблю. Не твоё собачье дело, каким образом я вытащил тебя из горячки. Скажи спасибо — и забудь. Может, я и не могу командовать тобой, но я еще в силах не позволить тебе командо-

вать собой! Или мы будем беседовать на равных, или вали отсюда на все четыре стороны. Прыгай с борта и плыви к берегу.

Справедливость была на его стороне, поэтому я извинился.

— Ладно, проехали. Ты нашел Вождя?

— Да, с твоей помощью.

— С моей помощью? Ты что-то путаешь. Мои поиски были бесплодны. И где же он?

— В четверти мили отсюда. Под нами.

— Как! В озере?

— Под озером.

— Ну-ка, растолкуй.

— Электронная шайка прикладывала все силы, чтобы ты держался подальше от Тщикаго, а я — от Джи-Эм. Какая связь между двумя этими городами? Вот тут-то меня и осенило. Под Детройтом — нынешним городом Джи-Эм — начинаются сотни и сотни миль выработанных соляных шахт, которые тянутся до самого Тщикаго. Таким образом, я как бы отирался у одного конца загадки, а ты у другого. И поэтому нас обоих гнали прочь. Профессор Угадай и его гермафродиты где-то между Тщикаго и Детройтом. Возможно, прямо под нами.

— Каким образом он мог затащить космический аппарат в узкий подземный туннель?

— Суть в том, что там нет туннелей. Там, можно сказать, целые подземные проспекты.

— Неужели столько соли нужно было? Зачем?

— Одно время энергию получали, используя натрий, который проще всего производить из поваренной соли.

— А-а! И Вождь, вероятно, использует старые энергетические линии для подпитки своих чертовых криокапсул!

— Не исключено.

— Ладно, мы с тобой, Гили, на равных. Будем говорить о главном, с чего начать. Согласен?

— Да.

— Надо вычислить, где Угадай. И бросить взгляд на этого уродца и его уродцев.

— Заметано.

— А убить я его успею. Заткнись, Натом! В любой работе надо поспешать медленно. Я предпочитаю оправданный риск.

— Ты словно опять Капо Рип.

— Помню я или не помню его, но часть этого Рипа должна была остаться во мне.

— И эта часть бросается в глаза.

— Будем вести поиски совместно или с разных концов?

— Разумнее — с разных концов.

— Договорились. Мне понадобится помощь. Кого ты посоветуешь? Кого-нибудь из Команды?

— Нет. Возьми одного из натоминых отважных ребят.

— А где они?

— На борту шхуны. Загвоздка в том, что они не говорят ни на одном из известных нам языков.

— Я могу быть переводчицей, — предложила Натом. Тоже отважная особа.

— Нет, — отрезал Гилель. — Ты официально умерла, и лучше тебе со шхуны не сходить, чтобы не засветиться.

— Думаю, с пониманием трудностей не будет, — сказал я. — Пока я учил ее двадцатке, она обучила меня языку жестов. Так что мы с индейцами как-нибудь пойдем друг друга. Кто из них лучший разведчик?

— Длинное Копье, — ответила Натом. — Но томагавком лучше владеет Наконечник Стрелы.

— Я тебе уже сказал — пока никого убивать не будем. Пока только разведка. Помалкивай, Натом, и слушайся Гили. Когда я вернусь, мы обсудим и судьбу твоего брата, и многие другие вещи. Разве он не довел тебя до такой ярости, что ты предлагала поджарить его на медленном огне?

— Но я...

— Объяснения потом. Гили, как по-твоему, сеть считает, что я тоже погиб?

— Очень вероятно. Ведь ты исчез сразу после взрыва.

— А как насчет этого типа по имени Капо?

— Гинь, я давно гадал, где кроется источник твоей замечательной смекалки — в сознании или в подсознании. Теперь я знаю точно. Когда твое подсознание стало

полным хозяином, оно нашло самую эффективную маску и самое лучшее укрытие — маску Капо Рипа и преступное подполье. Разумеется, электронная сеть знала о существовании Капо Рипа. Она знает все обо всем. Но электронные мозги Экстро не могли связать отпетого хладнокровного преступника с мягким и добрым Курзеном.

— Мягкости во мне осталось мало.

— Может быть. Поживем — увидим.

Тут мне что-то стало не по себе. Я откинулся на спинку кресла. Очевидно, лицо у меня позеленело, потому что Гилель сочувственно улыбнулся и спросил:

— Морская болезнь?

— Хуже, — сказал я. — Намного хуже. Мне вдруг пришла в голову мысль о возможном побочном результате взрыва, после которой я ушел в глухую бессознанку и заболел эпилептической горячкой.

— А-а, ты имеешь в виду канцелепру? Не надо понапрасну потеть от страха, Гинь. Шанс заболеть не значит неизбежность заболевания после любой стрессовой ситуации.

— Не понимаю, о чем это вы? — встряла Натом. — Что за канцелепра? Почему Гинь так перепуган?

— Он объяснит вам как-нибудь на досуге, миссис Курзон. А сейчас ему надо отвлечься. У меня тут есть занятная цацка. Сейчас покажу. — Гили достал из сундучка странный кинжал, который я нашел на пепелище вигвама. — Не подскажешь, почему ты его таскал с собой в сапоге, когда был Капо Рипом?

— Сейчас не могу вспомнить. Для безопасности, наверное. А ты что думаешь?

— Я знаю, почему ты носил его с собой. Миссис Курзон подсказала. Тебе известно, сколько он стоит?

— Нет.

— Тысячи. Это очень древнее оружие. Ему много-много веков. Антиквариат!

— Что это за кинжал?

— Древнеиндусский.

— Древнеиндусский?!

— Ну да. В который раз ты оказал нам бесценную услугу. Ты указал нам, кто изменник. Именно этот предатель выронил кинжал, когда уничтожал твой дом.

— Раджа? О нет!

— Раджа. Он единственный индус в нашей Команде.

— Это вздор. Кинжал мог выронить кто угодно. Какой-нибудь мелкий грабитель.

— Мелкие грабители не таскают с собой кинжалы, которым место в музее. Это Раджа обронил его.

— Этот кинжал мог быть украден в музее. Если он глянулся какому-нибудь преступнику, который знает толк в холодном оружии, тот не стал бы продавать его ни за какие деньги.

— А ты возьми его в руку. Что — не помещается в ладони? То-то! Эта рукоять словно на руку младенца рассчитана. А теперь вспомни, какая узкая кость у индусской аристократии. У Раджи ладошка, словно у европейского ребенка. Так что он и есть наш предатель.

— Красавец принц, утонченная натура! Но почему? Почему?

— Я с большим удовольствием задам этот вопрос, глядя ему прямо в глаза... если доживу до этого упоительного момента. Ну а теперь — не пора ли нам начать охоту за Раджой?

— Ты прав. Натом, приведи сюда Длинное Копье. Хочу, чтоб мы оба нанесли на тело боевую раскраску, прежде чем выйти на тропу войны. Пусть при виде нас враги скукожатся от страха.

— Опомнись! Не собираешься ли ты искать Угадаю, бродя по подземным пещерам площадью в сотни квадратных миль?!

— А ты что предлагаешь?

— Аппарат, который использую я. Воздухолет.

— Воздухолеты без электроники не летают. Так что эта машина меня мгновенно заложит.

— Она не в состоянии связаться с Экстро — из-под четверти мили твердой породы.

— Тогда она сообщит обо мне Угадаю.

— Каким образом? Для него Экстро такой же передатчик, каким он является для Экстро. Взаимные ретрансляторы. Раздельно они беспомощны.

— Что ж, Гили, опять ты попал в яблочко. Значит, воздухолет, с запасом провизии. При мне были наличные, когда ты меня уволок на шхуну?

— Немного. Тысяч двадцать. Мы так и не знаем, куда ты припрятал грязные барыши Капо.

— Я знаю, — сказала Натом.

— И сколько там, Натом?

— Достаточно, чтобы заплатить выкуп за Секвойю.

— Вот как. Похоже, нам с тобой предстоит горячая дискуссия... Так или иначе, двадцать тысяч пока хватит. Волоки сюда Длинное Копье, Натом. Отправляемся немедленно в путь. Ты — в Джи-Эм, я — в Тщикаго. Встретимся где-нибудь на полпути. И, Бога ради, не начинай пальбы. Запомни, хороший индеец — это живой индеец.

Гилель усмехнулся.

— Ну, теперь я слышу интонации прежнего Гиня. Он мне нравится куда больше, чем Капо Рип.

— А по мне этот парень так себе, размазня. Ладно, в путь!

— Экстро. На связь.

— На связи.

— Где Гилель?

— Где ты сам?

— Будто не знаешь! По дороге в Джи-Эм аппарат с криокапсулами постоянно переговаривался с тобой.

— Но потом умолк. Почему?

— Находимся глубоко под землей. Больше тысячи футов. Сюда твои сигналы не доходят. Так где все-таки Гилель?

— В Джи-Эм.

— Точнее.

— Не известно.

— Сеть обязана отыскать его. Он опасен.

— Это невозможно до тех пор, пока у меня нет связи с ретранслятором.

— Попробуй работать на наносекундах. Отдай нужные приказы немедленно, пока я доступен.

— Сделано. Он будет уничтожен так же, как и Курзон.

— Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы Курзона убили. Только нейтрализуйте. То же относится и к Гилелю. И не

- смейте впредь допускать
самодеятельности — ни на йоту не
отступать от моих команд!
- Испугал. Я неуязвимый. Что ты
можешь мне сделать?
- И самоуверенный. Будет у меня
время, я найду уязвимое место в твоей
бронне. Предупреди сеть, что ты у меня
за все ответишь в случае чего.
- Они предупреждены. Они слушают
этот наш разговор. И ты сам это
знаешь.
- А твой новый помощник?
- Я уже сказал тебе. Он меня не
способен слышать. Только я слышу его.
- Через меня?
- Ты ретранслятор.
- Кто он?
- До сих пор не знаю.
- Хорошо. Конец связи.
- Погоди. Вопрос: что такое
«агабаг»?
- Хм.
- Что такое «гаебаг»?
- Хм.
- А что такое «сефкаг»?
- Слушай, откуда ты это выкопал?
- От вас, профессор Угадай.
- То есть?
- Эти слова постоянно пробегают в
вашем сознании. Так что же такое
«агабаг», «гаебаг» и «сефкаг»? Это
может быть очень важно для нас.
Нужно срочно узнать.
- Пусть сеть и ответит.
- Вы же сами слышали, сеть ответила:
ни на одном языке таких слов нет.
- Ладно. Конец связи.
- Стоп. Всякий раз, когда вы уходите
со связи, все мы становимся глухими и
немыми. С этим пора кончать.

— Пока я не закончу свою работу, я не могу уделять вам много времени. Иначе голова лопнет. Конец связи.

Мы с Длинным Копьем выглядели потрясающе. Яркая боевая раскраска делала нас незаметными среди тшикагской экзотической публики. Воздухолет мы покупать не стали — Длинное Копье просто украл двухместный тихоходный аппарат. Первым делом мы разломали панель управления и разорвали все провода. Оставили только двигатель. Теперь наша птичка не станет чирикать. Под руинами Театра Лирической Оперы мы нашли заброшенный вход в соляные копи.

Шахта была завалена всяким хламом — ее в течение века использовали как мусорную яму. Пришлось прожигать ее, чтобы добраться до штрека. Внизу тоже мусора хватало. Среди мусора я нашел исправный саксофон. Вцепился в него и проглядел редкий десятицентовик эпохи Никсона, который поднял мой спутник.

Длинное Копье посмеивался, разглядывая подземные ошметки цивилизации. Мне нравился его скептицизм. И вообще он мне нравился. Высокий, гибкий, уверенный в себе — и всегда как сжатая пружина. На испангле парень знал только три слова: да, нет и Капо. Видно, он был неплохим помощником великому Капо Рипу.

Внизу стояла чертовская жара, и на нас не было ничего, кроме набедренных повязок. Машина шла в сторону Джи-Эм, за рулем сидел Длинное Копье. Я, исходя из того, что под землей нам потребуется освещение, запасся дополнительным прожектором. На деле же оказалось, что от стен подземных проспектов исходило слабое зеленоватое свечение, наподобие люминесцентного. Быть может, радиоактивное, черт его знает. Но этого света хватало, чтобы двигаться без страха врезаться во что-нибудь. Возможно, мы при этом получали больше рентгенов, чем нужно. Я волновался не только за индейца. Как бы лишнее облучение не спровоцировало канцерлепру!

Было такое впечатление, что мы живыми попали в ад. Широкие туннели, погруженные в ядовитый зеленый полумрак, отводные штреки, которые нам приходилось

исследовать все до одного — пока туннели не становились слишком узки для машины. Я исходил из того, что если не проходит наш черепахоподобный воздухолет, то и аппарат с капсулами не мог пройти. Исключение совсем узких туннелей экономило массу времени. Мы поели и поспали один раз. И продолжали поиски. Потом еще раз поели и поспали. После третьей трапезы и третьего пробуждения Длинное Копье вопросительно посмотрел на меня. Я покивал головой, и мы продолжили поиски в прежнем молчании.

Я размышлял насчет Раджи. Мне все еще не верилось в его предательство — невзирая на слова Гилеля и кинжал-улику. Я всегда восхищался великолепием Раджи. Он был и остается верховным правителем и божеством одной маленькой горной страны, которая называется Махабхарата, сокращенно — Бхарата. Там есть несколько плодородных плоскогорий, но главной доходной статьей страны являются полезные ископаемые. Всякий раз, когда потребности новейшей технологии или капризы богачей порождают нужду в каком-либо минеральном сырье, его непременно находят в недрах Бхараты. Пример тому: когда в уральских горах нашли чистую платину, выяснилось, что бхаратские женщины уже которое поколение носят бусы из платиновых шариков.

Во время нашей первой встречи на средиземноморском курорте Раджа выглядел воистину царственно: кожа тускло черная (не как у М'банту, кожа которого отсверкивает), орлиный профиль, большие темные глаза, красиво очерченные скулы узкого лица. Он говорил певуче, умел тонко пошутить. А уж как красиво он одевался! Какие величавые манеры! Аристократ до кончиков ногтей. Никаких демократических поползновений. Ни прежде, ни теперь. Высшая каста — что вы хотите! Как ни досадно, демократический балагур Эдуард Курзон ему сразу не понравился.

Мне рассказывали, что во время своего первого посещения Западной Европы — еще в наполеоновские времена — Раджа вел себя чудовищно. У него на родине, в Бхарате, подданные по традиции все что ни делал их верховный правитель и верховное божество считали правильным и безупречным. Любой поступок был хорош, если его совершал живой Бог. В Европе его простота нра-

вов шокировала. К примеру, он без смущения справлял естественные потребности на публике. Когда он появлялся, ни один паркет в дворцах аристократии, ни одна кадка с экзотическим растением не могли чувствовать себя в безопасности. Со временем он, конечно, научился вести себя по-европейски — хотя я мог только гадать, кто был тем храбрецом, что осмелился заговорить с Раджой о некоторых особенностях его поведения и переучить его. Требовалась отвага Наполеона. Возможно, это и был сам Наполеон. Или же его сестра Полина, сделавшая Раджу своим очередным любовником.

Каким образом этот человек, власть и богатство которого огромны, у которого есть все, что душа пожелает, — как такой человек мог стать предателем и пойти войной против Команды? С какой стати? В его глазах мы никчемные букашки, ровня разве что последним из его слуг. Да и кто вообще достоин внимания в его глазах — в глазах верховного правителя и божества? Может, он восхотел стать владыкой и богом всего мира? Чепуха! Такие маниакальные мечтания встречаются только в бульварной литературе. Впрочем, я никогда не верю в то, что мне кажется бессмысленной глупостью. И такая моя позиция — глупость.

На четвертый день наших поисков Длинное Копье внезапно остановил машину и жестом приказал слушать. Мы несколько минут прислушивались. Потом индеец вышел из машины, вынул кинжал из-за пояса и вонзил его между каменными плитами дна туннеля. Потом лег и взял рукоять кинжала в рот. Таким способом он прослушивал землю — через рот. Затем разведчик вернулся ко мне, взял компас и внимательно изучил его показания.

Стрелка отклонялась от севера в западном направлении на два градуса! Длинное Копье хмыкнул, сунул кинжал за пояс, взобрался на сидение водителя. Мы поехали дальше — самым медленным ходом, свернули в первый же широкий коридор налево, проехали ярдов сто, после чего Длинное Копье снова остановил машину и повторил свой фокус с кинжалом. Он изобразил руками шар и сказал:

— Да, Капо.

Как последний дурак, я засыпал его вопросами, которые индеец, естественно, понять не мог.

— Нет, Капо, — произнес он и жестом приказал прислушаться.

Я слушал, слушал — все уши прослушал, но так ничего и не услышал. И поглядел на своего спутника. Тот закивал. Он слышал то, чего мои уши не улавливали. Настоящий краснокожий разведчик! Я опять стал прислушиваться. И дослушался до того, что наконец услышал. Это была музыка.

Глава 12

Мы вернулись к главному подземному проспекту и поехали дальше в сторону Тщекаго, пока не обнаружили достаточно широкий боковой туннель, где можно было спрятать на время нашу машину. Оставив машину в темной глубине этого туннеля, дальше на север мы пошли пешком. Длинное Копье держал руку на рукояти своего кинжала, засунутого за пояс, а я сжимал в руке лучемет. Приходилось быть начеку. Не хотелось навсегда остаться в этой более чем просторной соляной могиле.

Индеец бесшумно ступал босыми ногами с задубевшими подошвами, я был тоже бос, но мне пришлось набрызгать на подошвы сантиметр пластика — застыв, вещество создало искусственную подошву. За вычетом набедренной повязки, Длинное Копье был голый, все тело в боевой раскраске — и зловещий зеленоватый люминесцентный свет придавал ему вид раскрашенной кожаной куклы. Стало быть, я выглядел точно так же. Хорошенький же у нас был вид со стороны!

Внезапно Длинное Копье остановил меня, положив руку мне на плечо и слегка развернув. Он указал на узкий боковой туннель, который мы только что миновали, и сделал знак, обозначающий «внимательно смотри». Когда я ответил знаком «на что смотреть?», он сделал знак «животное». «Какое животное?» — тут же спросил я руками. Ответ был чрезвычайно сложен. С третьей попытки я все же догадался: он давал мне знать, что видел льва. Из вежливости я не сделал знака «ты что — сбрендил?» Мы вернулись к туннельчику и заглянули в него. Естественно, никакого льва. Длинное Копье махнул рукой и

двинулся по туннельчику Там было темнее. Мы прошли метров пятьдесят — не то что льва, но и рычания не обнаружили. Длинное Копье выглядел очень сконфуженным и хотел обследовать коридор и дальше. Но у нас были дела поважнее, и я настоял на необходимости идти дальше по основному туннелю.

Когда мы приблизились вплотную к туннелю, где, по нашим предположениям, находился аппарат с криокапсулами, Длинное Копье взял командование на себя. Он сделал знак «повторяй за мной», и я исправно повторял все его действия — так сказать, в деле проходил школу индейских скрытных разведывательных рейдов.

По мере продвижения вперед я заметил сперва белое сияние далеко впереди, потом услышал невнятное гудение, потом снова музыку — как будто кто-то напевал. Мне показалось, что это упрощенный мотивчик из произведения Петра Ильича Чайковского (родился в 1940 году, скончался в 2003, повергнув современников в глубочайшую скорбь). По мере приближения к пятну белого света туннель расширялся, и мы наконец осторожно приблизились к источнику света и шума. Я увидел огромный подземный зал, залитый электрическим светом. Рядком стояли заржавелые горнопроходческие машины, а в центре находился космический аппарат, от которой тянулись провода к распределительному щиту на стене. Вождь нашел великолепную берлогу. Последними я заметил троицу напевающих детишек.

Детишки были явные переростки, каждый выше двух метров. Все трое — чистейшие альбиносы. Сложены вроде бы как люди, но что-то у них было не так с суставами — и они передвигались, как насекомые. Затем я разглядел, что детишки слепые. Мелодию они мурлыкали с механической настойчивостью — это напоминало то, как летучие мыши, которые видят ушами, посылают для ориентации ультразвуковые сигналы и улавливают их отражение от предметов. Поскольку они были голые, я с интересом пялился на их половые органы. Гилель оказался не прав. у них не было потса и щелочки одновременно. У них было что-то вроде цветочного пестика величиной с мой кулак, охваченного чем-то вроде лепестков, которые время от времени судорожно сжимались вокруг пестика.

Тут я вспомнил, кого мне эти существа напоминают. Как-то раз в Африке М'банту разворошил муравейник и показал мне крупных термитов. Они тоже были белесые, слепые. М'банту сказал, что они общаются между собой, испуская неслышные звуки. Сейчас я видел двухметровых белых термитов — только их голоса были слышны.

Я сделал знак Длинному Копью: «захожу я один». Ему это не понравилось, но жестами трудно спорить, и он смирился. Я вышел из туннеля, индеец остался. Эти твари почувствовали мое присутствие почти мгновенно. Я наставил на них лучемет, но они, похоже, не собирались нападать. Просто проявляли любопытство. Пока я беспомощно и перепуганно озирался в поисках Секвойи, они ощупали меня своими лапами, непрерывно что-то напевая.

В ответ я намурлыкал им кое-что из Скотта Джоплина, Гершвина, Чайковского и Хокубанзая — самые великие мелодии, которые пришли мне в голову. Им пришлось по вкусу старинные рэгтаймы — парни от них млели, как от колыбельной, и я напел еще парочку веселых рэгтаймов. Троица покатилась от смеха — они буквально падали друг на друга. Весьма симпатичные термиты. Не совсем законченный ксенофоб мог бы признать их даже милыми. По крайней мере эти существа составили бы благодарную публику для провинциального комика.

Секвойи поблизости не было. Я подошел к открытому люку аппарата и заглянул внутрь. Никого. Троица слепых дылд толпилась за моей спиной. Я крикнул:

— Угадай! Вождь! Секвойя!

Никто не отозвался. Однако мой крик испугал трех гермафродитов, и они попятились от меня. Я успокоил их, исполнив несколько тактов из «Меланхоличной малышки», и они вернулись ко мне и стали ласкаться. Симпатяги. Но назвать их людьми — нет, язык не поворачивался.

Тут Длинное Копье издал громкий шипящий звук. Я оглянулся на него — и он энергичным жестом позвал меня к себе. Я осторожно освободился от своих музыкальных поклонников и бегом устремился к индейцу — на автографы времени не имелось. Длинное Копье сделал знак «слушай». Я стал водить ушами. Ничего. Потом я услышал урчание приближающегося воздухолета.

«О, это Гилель едет к нам с другой стороны», — подумал я, тронул индейского разведчика за плечо и увлек его за собой. Мы побежали через зал навстречу Гилелю. Индейцу это не понравилось, но, как я уже сказал, жестами особенно не поспоришь.

И он оказался прав в своей осторожности. Это был не Гилель, а Секвойя собственной персоной.

Длинное Копье юркнул в какую-то щель — просто внезапно растворился, будто его и не было. Великий сын и наследник Капо Рипа и не подумал прятаться. Я вышел на самое открытое место и решительно заступил дорогу машине, нацеливая лучемер на водителя — что было, конечно, полной глупостью, просто я кипел яростью. Угадай остановил машину и удивленно уставился на меня. Нежданных визитеров он не ждал и меня не узнал.

— Привет, — сказал я.

— Что? Как?

— Похоже, ты процветаешь, братец.

— Неужели Гинь?!

— Да.

— Невероятно.

— Он самый, верь своим глазам. Раскрашенный, но живой.

— Гинь! Но разве...

— Нет, сукин сын, у тебя вышла промашка.

— Но...

— Зато Натому ты действительно чуть не убил.

— Нет!

— Да.

— Но я...

— Знаю, знаю. Ты метил в меня. Ты хотел, чтобы она вышла из челнока разбираться с клерками, но ее испангл очень плох и вместо нее вышел я. Натом шлет тебе привет. А также твои отец и мать.

— А ты?

— Я прикидываю, как выпустить из тебя кишки.

— Гинь!

— Да. Я пришел убить тебя.

— Почему тебе вздумалось убивать меня?

— А почему тебе вздумалось покушаться на меня?

— Ты нападал. Экстро защищался.

— А Фе? Она тоже нападала?

Он хранил молчание, только покачал головой.

— Ты отлично знал, что она без ума от тебя. Она бы что угодно для тебя сделала.

— Это все проклятый Экстро, — пробормотал он.

— Где я слышал эту погудку? «Я тут ни при чем. Это сделал мой сообщник».

— Ты просто не понимаешь, Гинь.

— Так растолкуй, если сумеешь.

— Ты переменялся. Ты стал жестким и злобным.

— Повторяю: попробуй мне объяснить — чтобы я понял!

— Я тоже изменился. Утратил гордыню. Вот что со мной произошло. Я знаю, передо мной труднейшая задача. А я, похоже, оказался не на уровне. Столько оттенков проблемы, столько неизвестного...

— О, это чистейшая правда. Ты привык думать по прямой. А теперь приходится мыслить ветвисто.

— Ценное замечание, Гинь.

— Не знаю, как насчет гордыни, но высокомерие ты отнюдь не утратил. Истинный сын великого Вождя.

— Я бы назвал это амбицией. А что тут дурного? Когда я был мальчишкой, моими кумирами были Галилей, Ньютон, Эйнштейн и другие великие первооткрыватели. И вот наконец я совершил открытие. Кто бросит в меня камень за то, что я за это свое открытие борюсь — зубами и ногтями. Ты видел моих крионавтов?

— Я видел тебя и сеть под руководством Экстро. В этом заключается твое открытие.

— Это ответвление моего открытия. Ты, скорее всего, уже видел крионавтов. Я тебя знаю, брат.

— Я тебе больше не родственник. Видел я твоих, видел.

— Ну и как?

— Хочешь как на духу?

— Да.

— Они красивые. Они занятные. Могут сразу же вызвать симпатию. Но порождают неизбежный ужас.

— Ты просто не представляешь, какие у них способности! Они думают и общаются на ультразвуковых частотах, поэтому не умеют говорить. На доступных нашему уху частотах они могут только напевать. Но ребята удивительно умные. За несколько месяцев они достигли уровня развития студентов последнего курса университета! Поразительно доброжелательны — никакой агрес-

сивности. И у них есть еще одно удивительное свойство, отсутствующее у всех других млекопитающих. Я называю его электровалентность. Ты знаешь, что большинство людей реагирует на изменение погоды. А эти существа реагируют на невидимую глазом верхнюю часть электромагнитного спектра. Пропустите ток через провод, и они возбуждаются или впадают в угнетенное состояние — в зависимости от количества ватт и ампер. Гинь, они чудесные! И никакого ужаса не возбуждают.

— Ужас потому, что они... они как с другой планеты.

— Гинь, все мы с другой планеты. Все и везде.

— Красиво сказано. Ты, похоже, приверженец теории, что наши предки когда-то прилетели на Землю из другой галактики.

— Ладно, чего ты хочешь?

— Секвойя, мы члены одной Команды. Мы обязаны быть верны друг другу и любить друг друга. Так?

— Так.

— И как это вяжется с убийствами и покушениями?

— Ох-хо-хо, ты меня нокаутировал. Теперь мне стыдно.

— До какой степени?

— Не считал.

— Это ты называешь верностью и любовью? Я хотел, чтобы весь мир состоял из бессмертных, чтобы все на планете стали — Командой.

— А я люблю крионавтов и хочу, чтобы весь мир стал, как они.

— И для этого надо истребить ныне существующее человечество?

— Проклятый Экстро! — провыл Секвойя. — Это он повадился убивать!

— Почему же ты не помешаешь ему?

— Гинь, ты ведь в курсе, что личности случается раздваиваться?

— Да.

— Ну так вот — я страдаю не от раздвоения личности и даже не от растроения личности. Моя личность *размиллионилась*. У меня в голове целая сеть электронных машин. Вот почему я прячусь глубоко под землей. Все происходящее с компьютерами и их вторжением в мою личность — тоже очень интересно. Как только я

завершу исследования, связанные с крионавтами, непременно займусь этой проблемой.

— Таким образом, Экстро руководит тобой.

— И да, и нет.

— Значит, ты руководишь Экстро?

— И да, и нет.

— Пора бы тебе придти к определенному выводу.

— Какому из миллиона моих «я» придти к определенному выводу?

— Брат, я люблю тебя.

— И я тебя люблю, брат.

— И я намерен убить тебя.

— Каин и Авель?

— Брат, ты встретился с удивительными чудесами, я тебе завидую. И хотел бы тоже поучаствовать в открытии нового. Думаю, вся Команда с удовольствием поучаствовала бы в этом. Но ты нас не приглашал. Вместо этого ты начал бойню. Почему? Для тебя бесконечные индейские войны все еще не закончились?

— Нет, былая кровожадность миновала, в нашем племени больше нет пустой воинственности. Но война идет. Да-да-да! А теперь слушай внимательно, Гинь. Десять тысяч лет назад человечество жило в мире с окружающей средой. Мы брали только то, что нам было нужно. Мы возвращали природе то, что использовать не могли. Мы были единым организмом с природой. Мы не нарушали баланс. И что же? Мы принялись уничтожать, уничтожать, уничтожать. Где ископаемое топливо? Выбрали до последнего. Где рыбы и животные? Истреблены. Где леса, где джунгли? Нету. Где плодородные земли? Нету. Где все? Изгажено, истреблено, уничтожено.

— Прямо как стихи читаешь.

— Послушай, Гинь, мы недоделка природы, мы неудачный вид — с вечно смятенной душой, переполненные всякими страхами, обуреваемые инстинктом уничтожения всего вокруг себя. Я этот неудачный вид хочу заменить другим. Ты сказал, что я верю в теорию о пришельцах со звезд. Я верю в другое: что человек в его нынешней ипостаси способен на одно — загадить собой Вселенную.

— Когда ты говоришь «заменить», ты имеешь в виду — истребить.

— Нет, мы просто наделим мир новым видом. Я за постепенное вытеснение, медленную замену. А это чу-

довище — Экстро — затеял истребление нынешнего вида. Я тут ни при чем.

— И ты действительно не в силах его остановить?

— Как? Он внедрился в мое сознание навеки веков.

— Ты просто не желаешь его выселять.

— Да, я не горю желанием избавиться от него. Это совершенно незаменимый и потрясающий инструмент. Беда только в том, что я еще не научился полностью этим инструментом управлять.

— Понимаю. Идет битва гигантов. Кто кем будет править. Только ты, брат, в меньшинстве. Один против двоих.

— Что ты этим хочешь сказать?

— На стороне Экстро сражается третий гигант. Они на пару используют тебя, жалкий ты ретранслятор! И тебе никогда не добиться власти над ними.

— Может, тебе и впрямь лучше убить меня, брат, — устало произнес Секвойя.

Чем может ответить разъяренный человек на такое? К счастью, в это мгновение раздался характерный шум воздухолета со стороны Джи-Эм, и рядом с нами оказался Гилель.

— Вот мы и накрыли вас, — сказал он Секвойе. — Ведь вы профессор Угадай? А я Гилель. Как там марочки в блоке по шесть? Профессор, поменьше доверяйте своему компьютеру, члены Команды куда тоньше продумают любую интригу.

То ли само появление Гилеля, то ли его апломб произвели такое впечатление на Вождя, что он как воды в рот набрал.

— Провиантик привезли? — тараторил дальше Гилель. — Давайте сгрузим его куда надо. Мы с Гинем вам поможем. И мне хотелось бы взглянуть на ваших крионавтов.

Вождь, так и не проронив ни слова, вернулся в свою машину и медленно поехал к аппарату с криокапсулами. Мы с Гилелем двинулись за ним. Длинное Копье появилось из какой-то щели в стене и встревоженно зашипел. Я помотал головой, и он снова бесследно исчез. Гилель одобрительно кивнул. Ничто не могло укрыться от его внимания. Одним глазом он настороженно оглядывал подземный зал, другим — как рентгеном — просвечивал крионавтов.

— Они способны только напевать без слов, — пояснил я.

Гилель понимающе кивнул и, пока мы помогали Вождю сгружать провизию, напел альбиносам еврейскую мелодию. Им она очень понравилась. Вождь по-прежнему молчал — вероятно, пытался врубиться в новую ситуацию, мысля не по прямой, а *ветвисто*. Я тоже помалкивал, потому что передо мной стояла неразрешимая дилемма.

В какой-то момент Гилель прошептал мне:

— Взгляни-ка на это.

Он открыл маленькую коробочку — из запасов, привезенных Секвойей. В ней была дюжина швейных иглоков.

— Значит, он собирается шить им одежду, — сказал я тихонько.

— Нет, старик, ошибаешься. Смотри.

Он положил коробочку на пол. Она сама собой развернулась и нацелилась одним концом на электрокабель. Гилель крутанул ее и отпустил — она приняла прежнее положение.

— Это ответ на вопрос, — сказал он.

— Какой вопрос?

— Тот, которым ты не сообразил задаться.

Он заметил, что мне это до лампочки, не стал настаивать и повернулся к Вождю.

— Можем мы поговорить, не тревожа ваших совершенно замечательных существ?

— Все зависит от интонаций и напевности голоса человека, — ответил Секвойя. — Ваш голос им по нраву — это очевидно.

— Я хочу воззвать к вашему разуму. Вы с крионавтами открываете новую эпоху в науке. Ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами. Поэтому не хоронитесь здесь. Поднимайтесь наверх, к людям. А мы, Команда, беремся вас охранять. Вы знаете, что мы народ надежный. На нас можно положиться.

— Нет уж! Это мое дело, обойдусь без посторонних.

— Кто же спорит. Это ваше дело. И мы к вашей славе примазываться не намерены.

— Не нужно мне никакой помощи.

— Хорошо. Тогда воззвание к разуму номер два. Касательно поразительного симбиоза с Экстро. Это же надо всесторонне исследовать. Гигантский шаг в эволюции! Хотя бы тут вы позволите помочь вам?

— Нет.

— Профессор Угадай, вы совершаете исторические открытия — и одновременно таетесь. Чего ради? Гинь утверждает, что вы уже совсем не тот, что раньше. Почему? Вы не контролируете ситуацию? Вами управляет Экстро?

— Нет.

— Так это вы управляете им?

— Нет.

— Слушайте, у вас совсем как в неудачном браке. Экстро уже знает, что вы прячетесь от него под землей?

— Да, но здесь он не может меня достать.

— А разве электроника вашего воздухолета не выболтает все о происходившем под землей, когда вы поднимитесь наверх?

— Электроника автомобиля примитивна. Она рассчитана на работу в момент движения. Он соображает, но не запоминает.

— Ишь ты! Но Экстро — он все помнит.

— Да.

— Он живое существо?

— Дайте мне точное определение того, что такое живое существо, и я отвечу.

— Я сам отвечу, профессор Угадай. Он живой — через вас, благодаря вам. А теперь все-таки скажите, почему вы прячетесь от своего партнера под землей.

— Потому что у меня бардак в мыслях! — внезапно заорал Секвойя. Троица альбиносов-криошей бросилась врассыпную. — Со мной произошло столько всего, что мне надо как-то рассортировать свои мысли! И у меня масса проблем с гермафродитами. Например, они безумно пугливые — не знаю почему. И существует еще тысяча «не знаю почему». Ради всего святого, оставьте меня в покое. Дайте мне спокойно подумать!

— Я вас понимаю и ничего против не имею. Но в обмен и вы должны оставить нас в покое.

— Я уже говорил Гиню. К убийствам я не имею ни малейшего отношения.

— Тогда перестаньте давать жизнь убийцам!

— Каким образом?

— Улетите с Земли. Вне Земли вы недостижимы для Экстро.

— Ни за что. Я готов прятаться, но не спасаться бегством.

— О! Так вы у нас своевольны и упрямы, — сказал Гилель. — Это все от того, что вы недавно стали бессмертным. Кружится голова от новизны и сознания своей силы. Гинь был точно такой же после взрыва Кракатау — ходил гоголем, был обидчив, как не знаю кто. Это пройдет. Должно пройти. И когда это пройдет, вспомните мой совет — обратитесь к Команде. Гинь, готов?

Он повернулся и пошел прочь. Я последовал за ним. Секвойя проводил нас взглядом — вид у него был взъерошенный, злой, во взгляде упрямство. Криоши побежали за нами, воющими звуками прося спеть им еще рэгтаймов, но у конца зала они вдруг замерли как вкопанные.

— Вот тебе и вопрос, который ты не потрудился себе задать, Гинь, — сказал Гилель. — Энергетическое поле не выпускает их из зала. Они как тот поганый индуктор.

— Я сам как то поганое хрен что.

— Такое самоуничтожение ни к чему. Разве ты не знаешь, что члены Команды завидуют тебе?

— Чему именно завидуют?

— Тому, что многие из нас, увы, утратили. Страстности. Когда теряешь страстность, ты только наполовину человек. А где Длинное Копье?

Я зашипел, и индеец вынырнул откуда-то.

— Пусть он останется здесь и несет дозор. Пусть наблюдает за всем, чтобы потом доложить.

Я сделал ряд знаков: «Оставайся. Наблюдай. Доложи». Он знаками спросил: «Доложить куда?»

«Большое каноз».

Копье кивнул и снова исчез. Мы сели в машину Гилеля, развернулись и поехали прочь.

— Две вещи, — сказал я. — Нет, даже три. Первое: я должен поговорить с Натомой и расставить точки над «i». Второе: хочу собрать совещание членов Команды. Ты знаешь, по каким городам и весям они раскиданы. Собери их в одно место.

— А третье?

— Нельзя его убивать. Этого гениального сукиного сына надо во что бы то ни стало спасти.

Гилель улыбнулся.

— В таком случае большая разборка с Натомой отменяется.

И он принялся напевать веселую еврейскую мелодию.

Глава 13

— Я связался со всеми, кого смог найти за столь короткий срок, — сказал Гилель. — Мы встречаемся в Рейкьявике. В Исландии за нами никто не сможет следить.

— Как по-твоему, электронная сеть висела у тебя на хвосте, пока ты занимался этим делом?

— Вероятность очень мала. Я платил только наличными. Нигде не использовал электронное удостоверение личности. Кстати, я тратил твои деньги.

— Мои?

— То есть Капо Рипа. Эти деньги передала мне миссис Курзон.

— Сколько?

— Полтора миллиона. Все расходы записаны — предъявляю тебе отчет.

— Кто из членов Команды будет в Рейкьявике?

— М'банту, Тоска, Домино, Амперсанд, Квини, Герб Уэллс и Безымянный.

— О Боже! Так мало!

— Ну, еще ты, разумеется, а также я и пригласивший нас к себе в Исландию Эрик Рыжий. — Эрику Рыжему принадлежит большая часть Гренландии и Исландии. Гейзеры дают ему изрядное количество электроэнергии. К тому же он владеет половиной горячих источников, ценных для отопления жилищ в тамошних холодных краях.

— Поулоса не будет?

— Нет, Грек не приедет.

— Более важные дела?

- Нет.
- Не можешь связаться с ним?
- Нет.
- Ты как-то странно говоришь.
- Никто больше не сможет связаться с ним.
- Что?!
- Он погиб.
- Что? Нет, только не Поулос!
- Удар в сердце малайским кинжалом.

Я на время лишился дара речи. Потом залепетал:

— Я... Нет, только не Синдикат! Этого не могло произойти. Он слишком умен, слишком осторожен. Он был начеку!

- Раджа оказался хитрее.
- Где это случилось?
- В Калькутте. На прошлой неделе.
- Дай мне время прийти в себя.

Вернувшись в каюту с палубы, я вымыл лицо и прополоскал рот.

— Ты сказал — малайский кинжал. Откуда ты знаешь, что было оружием убийства?

- Оставлен в сердце.
- Почему малайский кинжал?

— Наемный убийца. Эти типы накачиваются наркотиками, а потом идут на «священное дело». Местная полиция считает, что убийство совершено целой шайкой. Все шло по плану — с подстраховкой, было задействовано множество людей. Один Бог знает, сколько головорезов на службе у Раджи. Очевидно, Грек уже настигал его, поэтому Раджа действовал наверняка.

— Если Раджа сумел убить Грека...

— Д-да-а... Тогда о нас и говорить нечего. Все мы, считай, покойники. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, потому что в Калькутте ощутил то же одуряющее отчаяние. У тебя хватит сил на рассказ о том, что узнал ты?

— Попытаюсь, — мрачно сказал я.

— Молодец. Дело есть дело. При таких обстоятельствах одно спасение — упрямо гнуть свое и не предаваться тягостным мыслям.

— Ты прав, как всегда. С Натомой обсуждать нечего. Она стоит за то, что ее брата надо непременно остановить, но оставить в живых. Она и думать не хочет об убийстве. Я беру ее с собой в Рейкьявик.

Каждое слово давалось мне с болью.

— Что еще?

— Длинное Копье вернулся на «большое каноз» позавчера. Никаких особенных новостей. Секвойя по-прежнему обучает своих «детिशек».

— Тем лучше. Мы можем спокойно пользоваться транспортом, пока Секвойя разделен с Экстро. Беда в том, что мы не знаем, когда он поднимется наверх. Поэтому действовать надо предельно быстро. Где наши храбрецы?

Гилель — настоящий неунывающий живчик. Это помогает.

— Натоме отослала их обратно в резервацию Эри.

— Отлично. Что ж, отправляемся в Исландию.

— А как быть с этим «большим каноз»?

— Да плевать на него. Бросим. Возможно, оно станет ядром нового Саргассова моря посреди озера Мичиган. Мы убираемся в Рейкьявик.

Эрик Рыжий обитал в Исландии в особняке с огромной оранжереей, полной тропических деревьев и цветов. К нашему приезду все вызванные члены Команды уже собрались в этой оранжерее. Забавное сборище, я вам скажу. За века жизни каждый или выработал свой имидж, или стал выглядеть в соответствии с внутренним характером, отбросив изначальный внешний образ. Скажем, в дородной женщине маленького роста, на которую вы бы не взглянули дважды, трудно было узнать Тоску — знаменитую оперную диву, которая своими талантами и красотой очаровывала многие поколения театралов. А стройной девушкой в броском наряде, похожей на голливудскую звезду, был ни кто иным, как Квини, выраженный в женское платье. Мы так и не смогли уговорить его произвести операцию по смене пола. Он стоял на том, что ему больше по вкусу оставаться гомиком, чем стать сомнительной женщиной. Эрик Рыжий мало того, что не рыжий, он к тому же и не скандинав, похож на лукавого Карла Маркса.

Последовали бурные приветствия, а галантный М'банту подхватил Натому на руки и поднес к каждому из присутствующих, перезнакомив со всеми. Он был особенно горд ее потрясающими успехами в изучении двад-

цатки. Я даже подумывал о том, что восхитительный М'банту способен занять место Грека в моем осиротевшем сердце. Каждый по-своему, оба явно превосходили меня в некоторых вещах. Но, если вдуматься, абсолютно все члены Команды превосходили меня во многих вещах — кроме, разве что, Безымянного, который был полным нулем. Последний его подвиг — он чуть не упал в большую кадку с экзотическим растением.

— Созвал совещание Гинь, — начал Гилель, — но сперва я быстренько введу вас в курс событий. Вы все помните, в какой странной форме я пригласил вас сюда: вручил каждому из вас бумажку с просьбой приехать к Эрику по срочному и неотложному делу. Я предупредил вас, что об отъезде не следует говорить вслух, а транспорт нужно оплачивать наличными, нигде не пользуясь электронным удостоверением личности. Таким образом исключалась возможность слежки. Я не использовал для приглашения связь через ушные клипы-радиопередатчики и не рассылал магнитофонные кассеты по весьма любопытной причине. Вся планета охвачена сетью электронных машин, вступивших в заговор, что стало возможно после того, как Гинь пополнил наши ряды новым одареннейшим членом. Этот новый бессмертный со временем станет гордостью Команды, хотя сейчас он породил кризисную ситуацию, о которой все вы в большей или меньшей степени уже осведомлены. Я познакомлю вас с ситуацией более подробно.

Гилель рассказал о самом существенном — быстро и толково. Затем он передал председательские полномочия мне. Я встал, и вот какое обсуждение у нас состоялось. Не называю имен говоривших, поскольку я беседовал как бы с единым голосом Команды.

— Первое. Хочу подчеркнуть некоторые моменты в рассказе Гилеля. Предатель из бессмертных — яростный, опасный враг. Убийство Поулоса наглядно демонстрирует это.

— Почему не называть предателя по имени — Раджа!

— Нет, я не до конца уверен, что Гилель прав. В моем сознании не укладывается, каким образом Раджа мог дойти до такой степени озлобленности. Не представляю его в роли ослепленного яростью мстителя. С чего ему так яриться? Не могу подыскать ни одной разумной причины. Поэтому я исхожу из того, что предателем может

быть любой из нас. В том числе и я. Никому нельзя доверять. Так что будьте постоянно начеку.

— А не считаешь ли ты, что предатель — сам профессор Угадай?

— Не похоже. Он выступает лишь в роли живого ретранслятора, который делает возможным всю эту заварушку. Но тут возникает проблема: как вывести из действия этот ретранслятор? Ша, Натом! Ты не знаешь, к чему я клоню!

— Яд не пойдет. Против бессмертных бесполезен.

— И отравляющие газы не сработают.

— Это должно быть механическое повреждение органов. Скажем, удар в сердце, которым убит Поулос.

— Или сжечь его.

— Взорвать его — применить против него то, что он хотел сделать с Гинем!

— Просто отрубить ему голову.

— Уфф!

— Да-да, мы помним, что ты шел рядом с тележкой Дантона, провожая его до эшафота.

— Кстати, что случилось с изобретателем той адской машины — врачом Гийотеном?

— Испустил дух в собственной постели, никем не оплаканный.

— Если вам нужна красивая смерть — выбросьте Угадаю в космос без скафандра. Чистенькая романтическая смерть.

— Он отличнейшим образом выживет в космическом вакууме.

— А вот и нет. Вы забыли про радиацию. И в вакууме ему почти нечего кушать — молекулы чего станет перерабатывать в энергию его организм? Он умрет от истощения. Или взорвется от внутреннего давления воздуха в легких.

— Будьте реалистами. Как можно запустить человека голым в космос? Привязать к носу ракеты? Или выпихивать его, упирающегося, через шлюз в открытый космос?

— Тогда посадите профа в ракету и направьте аппарат прямо на Солнце. Там он разойдется на отдельные молекулы от жара.

— А каким образом мы соберем эти молекулы обратно — в человека?

— Что?

— Спасибо, ребята, за ваши милые фантазии. Воображение у вас работает. Но штука в том, что нам надо сохранить его живым. Мы не можем позволить себе такую растрату.

— Тогда зачем ты затеял разговор об убийстве?

— Я сказал «вывести из действия». Это совсем другое. Итак, проблема состоит в следующем: как вырубить ретранслятор, не убивая самого Угада. Вот к чему я веду, Натома.

— Извини, Гинь.

— Это головоломка.

— Хуже того, парадокс. Как ты намерен убить человека, не отнимая у него жизнь?

— А как насчет применения машины времени? Я мотану на шесть месяцев назад и попробую предотвратить нынешнюю катавасию.

— Не сработает, Гинь.

— Почему, Герб?

— Ты будешь как призрак, который ничего в материальном мире изменить не способен.

— Призраков в природе не существует.

— Я уже пробовал. Нельзя послать человека во временной отрезок, охватывающий его жизнь. Пространство не терпит полностью идентичных существ. Одно из них должно пребывать в виде фантома.

— Которое из них?

— Второе, пришедшее.

— Стало быть, это отпадает. Вопрос остается прежним: как отключить ретранслятор, оставив в живых профессора Угада?

— Ты мыслишь не в том направлении, Гинь!

— Почему же?

— Зачем рубить — в каком бы то ни было смысле слова — ретранслятор? Смотри в корень. Надо уничтожить сверхкомпьютер!

— Боже! Обалдеть. Это настолько очевидно, что мне и в голову не приходило.

— Ты просто настолько вжился в ситуацию, что какие-то очевидные вещи тебе не видны. Потому-то и понадобилась помощь Команды.

— Позвольте возразить. Симбиоз между Угаданием и Экстремизмом настолько уникален, что его следует детально изучить.

— Слишком опасно откладывать и заниматься изучением феномена. Ситуация критическая. Я уже чувствую, черт возьми, горячее дыхание Раджи на своем затылке.

— Если данный симбиоз уничтожить, то он может вообще никогда не повториться.

— Придется пойти на эту жертву, если мы хотим выжить.

— Где гарантии, что уничтожение Экстро остановит предателя?

— Гибель компьютера остановит его. Или хотя бы приостановит.

— Почему ты так считаешь?

— Свою войну он начал лишь после того, как возникла связка Угадай-Экстро. Когда это мощное оружие выпадет из его рук, предатель будет по-прежнему опасен — но уже в разумных рамках. С ним можно будет справиться.

— Команда всегда была против убийства.

— Убить бешеную собаку — тут моральные принципы не при чем.

— В общем-то, верно. Мне бы только хотелось знать, что привело к бешенству. Возможно, это знание сильно упростило бы разрешение всей проблемы. Ладно, перейдем к следующему вопросу: как мне добраться до Экстро, чтобы уничтожить его?

— Ты берешь это на себя?

— Я обязан. Ход событий привел меня к этому. Итак, как убить Экстро?

— Огонь. Взрыв. Автоген. Отключение электроэнергии. И так далее.

— Все осложняется тем, что он будет знать о предстоящей атаке.

— Ты уверен, что компьютер в любом случае будет в курсе?

— Чертов Экстро обладает отличной сетью электронных шпионов. От него ничего не укроется. Он тщательно следит за всеми нами.

— Только в том случае, если Угадай делает возможным внутрисетевые контакты.

— Ты можешь поручиться, что проф пока не будет вылезать из соляных копей?

— Нет. Возможно, нам понадобится выкрасть Угадаю.

— Как это сделать без ведома Экстро? Стоит вытащить Угадаю на поверхность земли, как вся сеть будет активирована, — ведь ты отлично знаешь, что Молекулярного человека невозможно привести в бессознательное состояние. Нам не удастся перевозить его как деревянную колоду.

— А по-моему, ты напрасно переполошился, Гинь. Надо подождать, поосмотреться...

— Нет уж! Когда я думаю об убитых — Фе-Пять, потом Пуулос... Нет, прошло время осматриваться. Надо действовать без промедления. Итак, к делу. Просто будем сохранять трезвость мысли, не станем терять голову. Экстро знает все, что мы делаем. Не исключено, что он также в курсе того, что мы думаем. Каким образом обойти эти непреодолимые затруднения?

— Ху-Ху-Хух, — вдруг обронил Безымянный.

У меня челюсть отвисла. Услышать такую гениальную мысль — и от кого? От олуха Безымянного. Господи, даже этот превосходит меня!

— Он не умеет думать — словами. Он не разговаривает. Из его сознания ничего не выцарапаешь.

— Но он понимает знаки и подчиняется. Огромное спасибо, Безымянный. Если найти Сэма Пеписа, тот подскажет, где в данный момент находится Ху-Ху-Хух. Я доставлю его сюда, и мы провернем операцию по уничтожению Экстро.

Тем не менее, я начал с того, что попробовал переброску во времени. Однако Герберт Уэллс был прав, я оказался призраком — неслышным, невидимым. Хуже того, я был двумерным, как телефонная проекция. Я просачивался. Я просачивался сквозь людей и здания — и проникся искренним сочувствием к безрадостной судьбе призраков. Мы с Гербом вычислили время с предельной точностью, так что я появился в прошлом как раз в тот момент, когда толпа основных держателей акций в Лаборатории выбегала вон из зала, где проводились опыты с серной и соляной кислотами. Они пробежали сквозь меня. Ощущение хуже некуда.

Я просочился в зал, по которому разносился лающий смех Эдисона. Смакуя каждое слово, он произнес:

— Эта ваша дуручка принесла вам дымящую азотную кислоту. Дымящую. А это совсем не то, что просто азотная кислота. Пары почти мгновенно наполнили все помещение и превратили его в огромную емкость, заполненную летучей азотной кислотой, которая начала разъедать все окружающее.

— И вы видели, что за бутылку она несет? — в ярости вскричал Секвойя. — Видели наклейку и промолчали?! Почему вы ее не остановили?!

— Потому что не собирался ее останавливать. Так и было задумано. Это был — ха-ха — эксперимент с *абсолютно предсказуемым* результатом.

— Боже мой! Боже мой! — в отчаянии запричитал Секвойя. — Я чуть не сжег легкие пяти десяткам людей!

Внезапно я закричал так, словно меня змея укусила.

— Что с тобой, Гинь? — встревоженно воскликнули Эдисон и Синдикат. — Разве ты пострадал?

— Нет, олухи царя небесного! Я не пострадал! Я ору именно потому, что я не пострадал! О, вы видите величайший триумф Гран-Гиньоля! Неужели еще не врубилась? Спросите себя: как вышло так, что профессор Угадай не заметил, что он имеет дело с дымящей азотной кислотой? Почему он даже не закашлялся? Почему его легкие не сожжены — после столь длительного пребывания в помещении, полном паров азотной кислоты?! Почему он не убежал вместе с Фе и всеми остальными? Подумайте обо всем этом, пока я буду танцевать от радости!

После долгой озадаченной паузы Синдикат ахнул.

— Я никогда не верил в правильность твоего метода, Гинь. Прости меня. Шансы на успех были миллион к одному, так что, надеюсь, ты извинишь мое недоверие.

— Прощаю тебя, Фома Неверующий, — и всех вас прощаю. Итак, у нас новый Молекулярный человек! Причем замечательно умный и хороший Молекулярный человек. Ты-то сам все понял, Ункас?

— Ни слова не понимаю из того, что ты говоришь, — сказал Секвойя.

— А ты поглубже вдохни отравленный кислотой воздух. Или сделай добрый глоток азотной кислоты. Можешь сделать на радостях что тебе вздумается — ибо отныне ничто, буквально ничто из того, что ты пьешь,

ешь или вдыхаешь не способно убить тебя. Добро пожаловать в нашу Команду.

После того, как мы вышли из зала и попали в толпу возмущенных и напуганных акционеров, Угадай пропал, но на этот раз я-призрак последовал за ним по пятам, когда он бочком-бочком двинул прочь и юркнул в ближайший боковой коридор. Я бежал за ним — сквозь людей и стены и вопил благим матом:

— *Вожь, это я, Гинь! Послушай! Не гури! Погори! Я хочу сказать, что тебя поджигает огромная опасность! Ты меня слышишь?*

Но он меня не слышал. Не видел. Не осязал. Он удирал с тем невозмутимым видом, с которым опытный карточный мошенник достает из рукава запасную четверку тузов. Никогда в жизни мне не было так досадно, так тошно...

Когда Герб вернул меня из этого призрачного состояния, я вздохнул с огромным облегчением. Увидев, с каким кислым выражением лица я вернулся из путешествия во времени, Герб пожал плечами:

— Я же говорил: пустое дело.

После этого мы с Натомой стали ждать okazji на Сатурн-VI, более известный под названием Титан. Мы собирались на этот спутник Титана полузайцами — без билетов, просто позолотив ручку пилотам. Мнимой целью поездки были поиски безупречных горючих материалов. На Титане атмосфера состоит из метана, который становится взрывчатым ядовитейшим газом в сочетании со фтором. Метан широко известен как болотный газ, который образуется при разложении органических веществ.

Люди, которые путешествуют мало, воображают, что все спутники планет одинаковы: каменистая вулканическая поверхность, заваленная толстым слоем пыли. На поверхности Титана масса оледенелого органического вещества, о природе которого ученые спорят до сих пор. Было ли Солнце когда-то намного жарче, так что его лучи согревали поверхность Титана до температур, приемлемых для существования органической жизни? Или же Титан — размерами превосходящий Луну — когда-то был самостоятельной планетой и вращался по орбите с намного меньшим радиусом, а потом был оттянут от Солнца Юпитером и брошен в вечные объятия Сатурна? Или

же органическую жизнь на Титан привнесли инопланетяне, некогда посетившие Солнечную систему, а потом, проникшись к ней отвращением, улетели прочь?

Натома полетела вместе со мной — не в качестве помощницы для перевозки Ху-Ху-Хуха, а как товарищ по путешествию. До Сатурна лететь не неделю, а побольше месяца, так что я бы сдох от тоски. В пути мы не слишком скучали, но тем не менее опустились до того, что следили за сериями ситуационной комедии «Приключения во льдах». Буффи узнает, что его дочь Руффи согласилась провести ночь на айсберге с Жуффи. Тут-то все и закручивается. Хитрый Жуффи умолчал о том, что имеет в виду арктическую ночь, которая длится не меньше трех месяцев. Все осложняется появлением на айсберге Суффи, сестры-близняшки Руффи. Сестричка поссорилась со своим женихом Цуффи из-за того, что тот не взял ее скатываться с горки вместе с пингвинами, и с досады решила отдаться Жуффи. Обхохочешься.

Я предупредил Натому, что на Титане ведется добыча органического сырья (слой органических веществ вырывают и увозят в виде кубов мерзлой почвы), но она не поняла, что я имел в виду до тех пор, пока мы не оказались на борту грузового корабля в каюте для двоих. Других пассажиров на нашей палубе не имелось — это входило в условия сделки. Мы видели только офицеров из экипажа. Зато комфорт был минимальный — главное, трюм нестерпимо вонял компостом, который по пути на Землю частично оттаивал. И неистребимый запах распространился по всему кораблю. Пахло свежераскрытой могилой.

Я заблаговременно подготовился к тяготам многомесячного пути: огромный запас деликатесов, чистое постельное белье и т. д. Сатурнианский грузовой корабль — это вам не роскошный лайнер на Марс. Капитан имеется, однако никаких тебе трапез в капитанской кают-компании, никаких стюардов и ужинов во фраках. Тут всякий кормится сам — команда сидит на консервах. Кое-кто забивает голод и скуку с помощью виски. На самом Титане опять-таки запасы лишь консервированной пищи, которая выдается по минимуму, так что, кроме рабочих, туда вовек никого не заманить.

Мы с Натомой не вылезали из своей каютки. Болтали без умолку. Нам было что друг другу рассказать. Натома

вместе со мной оплакивала гибель Поулоса и старалась утешить меня. По ее просьбе я рассказал ей все, что знал о клонировании ДНК. Впрочем, я знал немного, да и сама методика только начала развиваться. Потом она стала допытываться о причинах моих депрессий и что такое канцелепра. Пришлось ей рассказать и об этой дряни.

— Никогда больше не смей рисковать собой, — заявила Натом твердым тоном по окончании моего рассказа. — *Nukorga!*

— Даже ради тебя?

— Прежде всего — *никогда* не рискуй ради меня. Я уверена, что из-за последних событий ты не заболеешь. Чую инстинктом. У меня ведь есть шестое чувство, как у всех женщин в роду Угадаев. Но если ты вздумаешь опять рисковать, я поджарю тебя на медленном огне. Уж тогда ты у меня займешь самую ядреную канцелепру.

— Да, мэм, — покорно сказал я. — Слушаюсь, мэм. Только учтите, мэм, что тогдашний взрыв челнока — отнюдь не моих рук дело.

Тут она произнесла одно словечко из черокского языка, которое привело бы ее благовоспитанного братца в шок.

Натома много читала, чтобы лучше говорить на двадцатке.

— Титан — самый крупный спутник Сатурна, — докладывала она мне то, что выудила из книг. — Он находится на расстоянии семисот пятидесяти девяти тысяч миль от Сатурна. Его синодический период обращения составляет... Что такое синодический период обращения?

— За сколько времени он делает полный круг по своей орбите.

— ...пятнадцать суток двадцать три часа и пятнадцать минут. Наклон орбиты относительно кольца планеты — эти слова придется мне посмотреть в словаре — составляет двадцать апостроф. Его...

— Нет, дорогая. Этот апостроф у астрономов обозначает минуты. Они измеряют угол наклона минутами и секундами. А градус — это маленький нолик за цифрой. Минута — апостроф за цифрой. А секунда — совсем как кавычки, двойной штрих.

— Спасибо. Диаметр Титана — три тысячи пятьсот пятьдесят миль, открыт... не знаю, как произносится эта фамилия. В словаре нет транскрипции.

— Дай-ка взглянуть. О! Да, от такой фамилии у любого язык сломается. Хюйгенс. Или Гюйгенс. Выдающийся нидерландский ученый семнадцатого века. Спасибо, любовь моя. Теперь о Титане я знаю все.

Она засыпала меня вопросами — в частности, что такое Нидерландия. Я пообещал свозить ее по возвращению в Нидерландию и показать все достопримечательные места, связанные с этим Хренгенсом или Гуйгенсом, если хоть что-нибудь сохранилось.

Сатурн чертовски красив — и вскоре он появился в нашем иллюминаторе. Натоме уже очаровала всех офицеров, и они позволяли ей часами стоять у прозрачного носового купола корабля и любоваться планетой, опоясанной широким поясом. К сожалению, из колец осталось только два. Невзирая на протесты экологов и космологов, компания «Лучше-Строй» добилась права собственности на третье кольцо, состоящее из ценного строительного материала. На Земле был жилищный кризис, и «Лучше-Строй» был готов платить бешеные налоги. Одного разъяренного астронома пришлось зйтанизировать за то, что он живьем сжег директора компании «Лучше-Строй». В итоге компания истребила все третье кольцо Сатурна.

Если вы полагаете, что до вылета нас и наш багаж обыскивали чересчур рьяно, то обыск перед выходом в титанский шахтерский городок был хуже тюремного шмона. Нас общупали сто раз и столько же раз перебрали все наши вещи — в поисках спичек, взрывчатки, металлических предметов и вообще всего, что может дать искру и привести ко взрыву. Имея атмосферу, где доминирует метан, Титан жил в вечном страхе тотальной катастрофы. Представьте себе планету, окруженную многокилометровым слоем рудничного газа. Одна искорка вне обитаемого купола — и Титан превратится в пылающую новую звезду.

Городок шахтеров, мягко говоря, красотой не отличался. Вот как он возник. Добытчики удалили пятнадцать метров верхнего слоя замерзшего болотного компоста. Полученную яму — два на два километра — прикрыли стандартным пластиковым куполом. Узенькие улочки разбегались под прямыми углами. Жалкие хибары. Почти нет света — солнце не более чем тусклый крохотный диск. Зато хотя бы от папы-Сатурна исходит приятное

свечение. Городок был заглублен ниже уровня почвы, чтобы исключить возможность электростатических искр. Внутри пованивало галогеном, метаном и разлагающимися органическими веществами.

Разумеется, никакой гостиницы не имелось. Только дом для особо важных гостей. Я, естественно, начал блефовать и разоряться:

— Я — Эдуард Курзон из «Фарбен Индустри». Не понимаю, каким образом вы могли не получить мою радиogramму с Цереры! Будьте добры связаться с тамошним директором Поулосом Поулосом и удостовериться, что эта радиogramма действительно была послана.

Одновременно я давал царские чаевые и вел себя с таким уверенным апломбом (который мне приходилось вырабатывать десятилетиями), что клерки чуяли барина, привыкшего к безусловному повиновению, — и повиновались.

Я нашел Ху-Ху-Хуха на четвертый день без особых хлопот.

У меня имелся приборчик, который улавливал характерные нервные импульсы, при помощи которого шло постоянное сжигание вредных остатков в клетках Молекулярных людей. Мне оставалось только бродить в районе разработок, якобы инспектируя качество работы, и справляться с показаниями приборчика. На четвертый день стрелка засуетилась и указала в определенном направлении. Я прошел несколько миль (чтоб не шокировать народ, я надевал скафандр, выходя за пределы городка, хотя мог обходиться и без него) и увидел что-то вроде землянки, знакомой по картинкам в книгах о первых поселенцах на американском Диком Западе в XIX веке. Только здесь «дёрн» поблескивал кристаллами аммонита, как и все на Титане. На заледенелой поверхности там и тут виднелись впечатляющей величины метеоритные кратеры, а также холмики замерзшей лавы местных вулканов (лава здесь недолго бурлит, попадая на поверхность, — температура минус сто тридцать градусов по Цельсию). Пейзаж освещал величавый диск Сатурна. В землянке Ху-Ху-Хух весь напряжинулся, готовый кинуться на непрошеного гостя.

Знаю расхожий образ неандертальца. Пещерный человецище из комиксов — в одной руке дубина, второй он тащит за волосы пещерную леди... Чушь! Прежде всего,

неандертальцы плохие «таскальщики» — их рука была не такой ловкой, как у современного человека, — большой палец не был далеко отнесен от остальных и не противостоял им. А плохо развитая мускулатура рта и глотки исключала возможность внятной речи. Антропологи все еще спорят касательно того, что сделало человека хомо сапиенсом. Некоторые говорят — именно речь и противостояние большого пальца. Не вызывает сомнений, что неандертальцы объемом мозга не слишком отличались от нас, просто их мозг так и не развился. Если вы читаете на двадцатке, загляните в энциклопедию и увидите рисунок неандертальца. Ху-Ху-Хух выглядит точно как парень на этом рисунке: словно глядящий исподлобья боксер, крепко набравшийся после неудачного матча, в котором ему расплющили половину физиономии. Но чертовски крепкий боксер. Однако, подобно большинству животных, он жил в постоянной тревоге, был все время на чеку.

Я быстро сорвал свой шлем, но мог только гадать, узнает ли он меня, вспомнит ли. Безымянный верно сказал: Ху-Ху-Хух не думает. Однако мои жесты и мычание он понял. Я загодя наполнил свои карманы сладостями и всякий раз, когда он открывал рот, совал ему в рот карамельку, что приводило самого старшего члена Команды в полный восторг. Так русские дрессировщики поступают со своими медведями — непрерывно суют им в рот кусочки сахара.

Это были те еще переговоры. Я, конечно, могу сделать рисуночки своих жестов, но вряд ли вы их поймете. И мое мычание я мог бы передать фонемами, но вы опять-таки только руками разведете. Зато Ху-Ху-Хух понял и знаки, и мое хрюканье-хмыканье. Верно, что он не может думать логически и запоминать. Он понимает в каждый момент времени что-нибудь одно. Сколько усвоенное продержится в его сознании зависит от того, когда тревога за свою жизнь — очередной импульс инстинкта выживания — вытеснит понятое. Тут помогают сладости.

После того, как я вдоволь нагримасничался, намахался руками, намычался и нафыркался и скормил ему бездну карамелек, наступило самое сложное — я чуть не сдвинулся, пока не надел на него принесенный с собой скафандр. Это был непосильный труд. Приходилось действовать только уговорами. Если вы когда-нибудь на-

девали скафандр на неандертальца, не имея возможности применить хлыст, вы меня поймете. Но привести его с поверхности планеты в городок без скафандра я, естественно, не мог. У людей возникли бы разные неуместные вопросы.

Словом, в итоге я впихнул его в чертов скафандр, и мы потопали к шлюзу шахтерского городка — Колоссуна-Навозе, Метановой Матушке, Дочери Разрушения. А нам в спину светил Сатурн, у которого человечество уже умыкнуло одно кольцо. Проклятый Секвойя был прав относительно того, что человечество мало-помалу загадит собой всю Вселенную. Как это тяжело — вести бой с человеком, с которым ты в общем-то согласен!

В наших не ахти каких апартаментах в доме для важных залетных шишек Натом внимательно обследовала Ху-Ху-Хуха и заявила:

— Его надо обрить. С головы до ног. Мы его повезем назад под видом нашего слабоумного брата. — Тут она сдвинула брови и спросила озадаченным голосом: — Кстати, как он умудрился попасть сюда?

— Я думаю, зайцем в трюме грузового корабля. Ведь Молекулярный человек может месяцами обходиться без еды, воды и воздуха. Точнее, питаться любыми веществами, которые есть под рукой.

Перемежая успокоительные жесты и конфетки, мы ухитрились выкупать и обрить Ху-Ху-Хуха. Натом изрисовала его тело непристойными словами, так что он стал более или менее похож на заурядного хиппаря. Натом Ху-Ху-Хуху понравилась, и рядом с ней он ощущал себя в безопасности. Быть может, у парня никогда не было мамочки. Или была, но уж слишком давно. С другой стороны, ему понравилась и ванная с водой. Но я уверен, что в ванной он лежал впервые в своей до-о-олгой жизни.

На обратном пути «братец» спал на полу в нашей каюте. Одна беда — ему наша пища не нравилась, а запах болотного компоста возбуждал у него невероятный аппетит. Поскольку груз был заперт в трюме, компоста я для Ху-Ху-Хуха достать не мог, и он принялся есть самые экзотические — в диетическом отношении — вещи: наше постельное белье, огнетушители, чемоданы, книги, игральные карты. Приходилось не спускать с него глаз (и все равно он сожрал мои ручные часы), а не то он мог прогрызть дыру в обшивке космического корабля.

Привыкнув к метановой атмосфере Титана, Ху-Ху-Хух страдал от обычного воздуха. Натоме приходилось время от времени распылять перед его носом инсектициды. Думаю, опыт дрессировки влюбленных в нее воинов в резервации Эри ей во многом помогал.

На последнем этапе путешествия, когда мы приближались к земле, Натоме устроила вечеринку для экипажа. Мы выложили на стол остатки нашей провизии, даже подогрели ее — что являлось неслыханной роскошью на убогом грузовике. Как она сумела получить огонь на космическом корабле, где не имелось ничего для получения огня? Сделала индейский трут из веревочки и палочки, зажгла кусочек пластика, а из больших кусков пластика сложила костерок в алюминиевом баке. Умница моя! Члены экипажа были очарованы ею, двое из них отводили Натому в сторонку, чтобы сделать предложение (умоляя развестись со мной). Остальные, более благородные ребята, пообещали провести моего дебильного братца через охрану космопорта без паспортных проблем (я напел, что он сбежал на Титан и потерялся). Это меня устраивало вдвойне — никакого скандала, который мог бы насторожить Экстро.

И парни сдержали свое обещания. В космопорте действительно не было никаких проблем. Зато нас ожидал другой сюрприз — после приземления мы обнаружили на обшивке грузовика космического зайца.

Глава 14

Поживите с мое — несколько веков, и вы научитесь воспринимать небывалое и доселе немислимое с тем же спокойствием, что и я. Вы вправе спросить, отчего же я с таким скрипом принимал версию о том, что Раджа — предатель, если я и бровью не повел, увидев пришельца из космоса? Отвечу: это разные вещи. «Раджа — предатель» было итогом соотнесения фактов, объяснением, которое я не мог принять окончательно, в виду отсутствия важного логического звена. А космический заяц появился из непознанного космического далека. Его появление не являлось объяснением чего-либо, да и о мотивах рассуждать не приходилось. Он представлял собой голый факт, отрицать его было нельзя, просто это существо представляло собой часть непознанного. Словом, мудрость в том, чтобы голый факт — принимать. Как *Ding an sich* — то есть как «вещь в себе».

Было трудно даже гадать, откуда он взялся. С Урана? С Нептуна? Или с Плутона, на который пока что не ступала нога человека и где могла иметься совершенно экзотическая флора и фауна? А может, он прежде обитал на малой планете из астероидного пояса? Или прилетел на хвосте одной из миллиона комет, которые прошныривают через нашу Солнечную систему? А может, он представитель некой контр-вселенной или анти-вселенной, который проскользнул к нам через какую-нибудь прореху в пространстве или времени — какую-нибудь Белую или Серо-буро-малиновую Дыру.

Его метаболизм? А шут его знает, какой у него метаболизм. Позже он питался электромагнитными волнами —

значит, в открытом космосе у него недостатка в пище не случалось. Как он передвигался по безвоздушному пространству? Опять-таки неизвестно. Может, плыл, подгоняемый космическим ветром, а на космический грузовик присел, чтобы лететь побыстрее. Воспроизводство? Неизвестно — и точка. Цель существования? А разве какое-либо живое существо ведает о цели своего существования? Внешний вид?

Ну, это пожалуйста. Когда мы вышли из корабля, то увидели его на обшивке. Экипаж прямо обалдел, вместе с космопортовскими механиками. Внешне он напоминал миксомицетов — иначе их зовут слизевики, грибообразные организмы, вы их, быть может, замечали — такая слизистая масса на разлагающихся опавших листьях или на гниющих стволах деревьев. Так вот, если он действительно был чем-то вроде колонии миксомицетов, тогда вопрос о воспроизводстве проясняется — конечно же, путем образования спор. Итак, это был гигантский плоский кусок цитоплазмы — что-то вроде живого ковра метр на полтора. Только этот коврик был прозрачным — внутри виднелись тысячи и тысячи клеточных ядер и все они были сплетены в какую-то единую хитроумную сеть. И эти ядрышки помаргивали, как будто подмигивали: а нам весело, а мы радуемся жизни.

Натурально, я настоял, чтобы мы забрали инопланетный коврик с собой. Натоме эта штукавина категорически не понравилась — она ежилась от отвращения. Зато Ху-Ху-Хух прямо-таки влюбился в мигающий коврик и накинул его на плечи, как плащ. Мигала повел своими концами и поплотнее облег спину Ху-Ху-Хуха, весело помигивая тысячами ядрышек. И провалиться мне на месте, если Ху-Ху-Хух не подмигивал ему в ответ. Я был очень рад, что у Ху-Ху-Хуха появился друг. Мигала, впрочем, не лежал спокойно на плечах неандертальца. Время от времени он срывался с места, похлопывая концами как крыльями и отправлялся исследовать окрестности. Далеко он не отходил, а когда возвращался, затевал долгий диалог с Ху-Ху-Хухом.

Космический грузовик приземлился в окрестностях Мехико, откуда был произведен заказ на органические удобрения с Титана. Мы взяли такси и поехали в аэропорт, чтобы сесть на самолет, летящий на север. Однако такси врезалось в столб — причем Натоме кинулась и

закрыла меня своим телом. К счастью, мы оба не пострадали.

Моя гордость была уязвлена. Натом упрямо повторял: «Канцелепра!» И я не стал ругаться с ней. Мы сели в самолет, но он при взлете сорвался со взлетной полосы, врезался в ограду и разломился. Опять Натом прикрыла меня своим телом. Пока мы в растерянности ковыляли к зданию аэропорта, поблизости взорвались склады с горючим. Снова мы только чудом не пострадали. Тут уж у меня больше не было сомнений.

— Он поднялся наверх, — сказал я Натоме.

Она молча кивнула. Моя женушка отлично поняла, о ком я говорю, и это отдавалось болью в ее сердце.

— Итак, сеть под началом Экстро опять действует, — сказал я.

— Но как Экстро узнал, где мы сейчас находимся?

— Вероятнее всего, космический грузовик доложил — сразу после приземления. Теперь вся сеть стоит на ушах.

— И они атакуют?

— Да. Ты же видишь, лупят прямой наводкой.

— Что нам теперь делать?

— Держаться подальше от всех машин и электроприборов. Идти на север пешком.

— Тысячу миль?

— Может, удастся найти транспортное средство, которое нас не заложит.

— Но из Мехико непременно сообщат, в каком направлении мы ушли.

— Нет. Они сообщат только то, что мы ушли из города. Они не смогут проведать, куда мы отправились, если мы поведем себя с умом и не дадим им возможности выйти на наш след. Но это очень сложно. Придется очень туго. С настоящего момента мы прекращаем разговаривать друг с другом. Ни слова больше! Ху-Ху-Хух поведет нас вперед. Экстро никоим образом не сможет прочитать его мысли — его у них нет. А я буду указывать ему дорогу знаками.

Тут я вынул листок бумаги (точнее, банкноту) и написал: «И всякий раз, когда будем проходить мимо электронной хреновины, будем ломать ее».

Она снова кивнула, и мы в полном молчании пошли вон из Мехико — лишь время от времени я жестами

инструктировал Ху-Ху-Хуха. Он в конце концов понял, чего я добиваюсь, пошел впереди как проводник. И вот мы превратились в неуловимую армию из трех человек. Мигалу на плечах Ху-Ху-Хуха я в счет не принимаю.

Это был тот еще поход. Мы дошли до Керетаро, где наш неандерталец раздобыл трех лошадей — без седел. Я дал ему несколько банкнот, чтобы он лошадей купил, но он, разумеется, не просек, что это такое, и, думаю, их просто украл. Мы доехали до Сан-Луис-Потоси, где Ху-Ху-Хух разжился фургончиком. Впрягли пару лошадей и поехали дальше с большим комфортом. А вот в Дуранго Ху-Ху-Хух оказался не на высоте: сколько я ни втолковывал ему, чтоб он раздобыл ножи, он принес два молотка и кувалду. Впрочем, это упростило задачу уничтожения машин, которые попадались на нашем пути.

Итак, наша армия продвигалась вперед, обходя большие города и оставляя за собой полосу разрушения, как армия Шермана во время ее достославного марша к морю¹. Однако электронная сеть не могла сообразить, что это наша работа. Ведь столько машин ломают специально нанятые хулиганы, которые работают на ремонтные мастерские.

Ночи проводили вне городов, у костра из сухих стеблей полыни, на которых мы поджаривали зверей, убитых мной или Ху-Ху-Хухом во время охоты. Приходилось туго. Посуды для варки и жарки у нас с собой не имелось. С водой тоже бывало трудно. Но потом мы на свалке нашли более или менее пригодную посуду, кастрюли и сковороды, а также бидон для запаса воды. После этого мы стали охотиться всерьез. Натом научила меня тому, как индейцы ловят кроликов. Мы засекали кролика, я принимался бесцельно расхаживать на открытом месте — на большом отдалении от кролика, но достаточно близко, чтобы он не спускал с меня настороженных глаз. Тем временем Натом подкрадывалась к животному сзади и хватала его. Удавалось не всегда, тем не менее довольно часто.

¹ Имеется в виду финальный эпизод времен Гражданской войны в США, когда армия северян вышла в тыл южанам, что привело к их разгрому

Во время грозы мы не только наполнили наш резервуар водой, но и поймали овцу. Вот как это вышло. Мы только что пересекли пересохшее русло реки, когда я заметил у горизонта черные тучи, временами освещаемые молниями. Эти тучи были в нескольких милях левее нас. Я остановил своих товарищей, указал на приближающуюся бурю, потом на сухое русло и, наконец, на бидон для воды. Мы ждали. Довольно долго. Потом раздался нарастающий шум, и мы увидели, как по сухому руслу мчится в нашу сторону поток воды — мутной, но пригодной для питья. А потом началась буря. В бурлящих волнах мы увидели вдруг обезумевшую от страха овцу, которую откуда-то смыло. Я кинулся в поток и успел схватить овцу за ногу. Натом ухватила ее за другую ногу, и с помощью Ху-Ху-Хуха мы вытащили бьющееся животное на берег. Я опускаю подробности малоприятного процесса убийства и свежевания овцы. Тут пригодился и молот, и острые куски стали, найденные еще прежде на свалке.

Я обратил внимание на любопытный факт — Мигала, похоже, не нуждался в пище. И уже тогда я начал догадываться, что он питается чем-нибудь очень экзотическим — скажем, электромагнитными полями высоковольтных линий. Оказалось, что Мигала — существо с интеллектом. После того, как он с неделю понаблюдал, как мы с Ху-Ху-Хухом охотимся, у него появилась собственная идея. Он помигал нашему первобытному проводнику — хотел бы я знать, на каком языке они общаются! — после чего уполз или упорхнул (трудно найти слова для описания проворнодвигающегося коврика) в редколесье. Через некоторое время он вернулся, зажимая в себе всякую всячину: камни, стебли полыни, сухие ветки, выбеленные кости животных, стеклянную бутылку... Словом, всякую ерунду. Однако в один прекрасный вечер он приволок нам десятикилограммового пекари. Я поработал молотом и импровизированным ножом, и у нас получилась отменная свинина на ужин.

Озимандия появился в ту ночь, когда мы поймали шестикилограммового броненосца и гадали, как эту тварь зажарить. Сперва мы думали, что это сбежавший из зоопарка слон — столько было шума и сопения. Огромный Озимандия возник у нашего костра, чуть было не

вступив в него, и приветственно раскинул руки — так широко и порывисто, что сбил ближайший кактус.

Мерлин дал ему кличку в честь колосса из поэмы Шелли «Озимандия». Оз был и впрямь колоссален: под два метра и весил сто пятьдесят килограммов. Он просто не мог куда-нибудь пойти или что-нибудь сделать, не сломав чего-либо. И постоянно калечился сам. Сомнительное приобретение для нашей экспедиции.

За плечами у него висел рюкзак. Судя по бряканью, набитый бутылками с вином. А по красному пятну на полотне я понял, что, как минимум, одну он уже разбил. На нем были огромные бутсы и цветастые вязаные гамашы, и он, горожанин до самого нутра, кайфовал от своей вылазки на природу.

Озимандия хотел приветствовать нас громким воплем, но я жестом приказал: помалкивай. Он заморгал и прикусил язык. Буквально. Затем мы начали беседу на бумаге. Выяснилось следующее: Команда уже знает, что я разыскал и привез Ху-Ху-Хуха, а также то, что космический грузовик со мной на борту приземлился в Мехико. По полосе истребленной электроники Озимандия вычислил наше местонахождение. Очевидно, и другие члены Команды могли догадаться, где мы.

Озимандия всех нас переобнимал и перецеловал, беря на руки и радостно швыряя в воздух. Всякий раз, когда этот гигант подбрасывал меня, я опасался, что он меня забудет подхватить. Натому подбрасывать я не разрешил. Озимандия влюбился в нее с первого взгляда. А вот с Мигалой не сошелся: только тронул и отскочил, как ужаленный. Когда я письменно спросил насчет броненосца, Оз ответил: жарь прямо в броне. Он достал несколько бутылок вина, мы зажарили броненосца и отменно поели.

На следующее утро мы кое-как взгромоздили Озимандию на лошадь, боясь, что у нее сломается хребет, и продолжали путь.

В окрестностях Обрегона мимо нас на своем ховере пролетел Гилель — не останавливаясь. Он окинул нашу четверку оценивающим взглядом и был таков. Толковый парень — ему достаточно одного взгляда там, где другой задаст дюжину вопросов. Впрочем, его чрезмерная осторожность мне была не очень понятна. Думаю, он уже давно выпотрошил всю электронику из своего хопера,

оставив только двигатель и прочие сугубо механические части. Его машина пронеслась мимо, как будто он никого под собой не заметил. Но почти сразу же после того, как он скрылся за горизонтом, мы услышали в той стороне приглушенный взрыв. А через полчаса мы увидели, что нам навстречу быстрым шагом идет Гилель. У него не было левой руки. Я все понял и содрогнулся от ужаса.

Гилель кивнул и молча расплылся в улыбке.

Рад жа?

Да.

Каким образом?

Долго писать на бумажке. Но способ гениальный.

Однако ты сумел спастись.

Дорогой ценой. Поулос своей гибелью предупредил нас.

Рука регенерирует?

Возможно. Следующий кандидат ты. Будь осторожен.

Почему именно я?

Много знаешь и очень активен.

Гилель глазами приветствовал помертвевшую от страха Натому, сунул горсть конфет в рот Ху-Ху-Хуху, потрепал Озимандию по щеке и с любопытством оглядел Мигалу. Инопланетянин еще не встречал землянина с тремя конечностями и тоже основательно обследовал Гилеля. Тот при этом обследовании передергивался, как будто его током било. Натомы залилась слезами. Оз вынул флейту из своего рюкзака и заиграл нам в утешение приятную, в меру грустную мелодию.

В ближайшем селении Гилель разжился велосипедом, и наша армия, пополнив ряды, продвигалась вперед достаточно быстро. Возле Чиуауа к нам присоединился М'банту. Странная получилась группа — пять глухих Бетховенов. М'банту при первой же возможности украл осла — правда, его ноги то и дело задевали землю, но своим транспортным средством он остался доволен. Мигала и М'банту общупал и был заметно удивлен и зачарован цветом его кожи. Доброжелательный зулус скинул одежды, чтобы инспекция его тела инопланетянином прошла еще успешнее. Через полминуты он рухнул на землю. Мы оторвали Мигалу от его головы. Через минуту-другую М'банту пришел в себя. Когда он окончательно опомнился, я написал:

Душил?

Нет. Как током. Не позволяйте ему приближаться к себе, когда вы без одежды. Одежда немного защищает.

Теперь мы двигались широким полукилометровым фронтом. Если попадались машины с электроникой — уничтожали их мгновенно. М'банту, знаток науки выживания в трудных условиях, расширил нашу диету за счет разных корешков и съедобных трав. Гилель где-то нашел соляной блок — прежде нам очень не хватало соли к мясу. Тут надо пояснить: хотя Молекулярные люди могут питаться всем, они предпочитают качественную пищу и за сотни лет становятся довольно привередливыми гурманами. Озимандия показал себя отменным поваром.

Неподалеку от Эрмосильо к нам присоединился Эрик Рыжий — да-да, возле Эрмосильо, из чего вы можете сообразить, какие зигзаги мы делали, чтобы сбить с толку электронную сеть. Нам пришлось переправляться через вздувшуюся Рио-де-ла-Консепсьон, чтобы добраться до Ногалеса. Мы с удовольствием выкупались, но всю нашу поклажу и фургончик пришлось бросить на южном берегу. Впрочем, мы не сомневались, что разживемся новыми транспортными средствами и новой утварью. Мечтатели.

Но дальше на север цивилизация густела, электронные приборы и машины встречались все чаще. Нам пришлось двигаться по ночам, а днем мы отсиживались подальше от дорог — и в полном молчании, потому что какая-нибудь местная радиостанция могла засечь нас на расстоянии в десяток километров. Теперь мы уже не истребляли электронику — пока одну хреновину уничтожаешь, другая, незамеченная, успеет наступать. Да и слишком много техники, всю не перекорезить.

Когда мы добрались до пригородов Сан-Диего, М'банту пошел на промысел и вернулся с верблюдом, парой зебр и бизоном. Он оглаживал их и уговаривал на зверином языке сотрудничать с нами. Не иначе как зоопарк тряхнул!.. Мы двинулись дальше — с большим комфортом.

Шли по побережью. Мигала забирался в море и ловил нам рыбу — видимо, как скат, убивая ее током.

Потом я решил, что пришел мой черед найти бесшумное средство передвижения. Я побродил с часок в стороне от нашего маршрута и обнаружил заброшенный

древний аэропорт с одним бензиновым самолетом и надписью, выцветшие буквы которой гласили: «ОСМОТР ОКРЕСТНОСТЕЙ — МЕДЛЕННО И С УДОБСТВАМИ. ПЛАНЕРЫ — НЕБЕСНЫЕ ТИХОХОДЫ. НИКАКОЙ ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ. НИКАКИЕ ПРЕТЕНЗИИ ДО И ПОСЛЕ ПОЛЕТА НЕ ПРИНИМАЮТСЯ. ДЕНЬГИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ».

Я привел туда своих товарищей, мы сели в большой планер с одним пилотом, а пилот бензиновой воздушной колымаги подсчитал наши головы, получил деньги и поднял в воздух свой ветхий самолетик времен второй мировой войны. Мы поднялись за ним — на канате. Затем он отцепил канат, и мы полетели самостоятельно. Действительно медленно. Только Натом очень визжала.

Я когда-то баловался полетами на планерах, так что упросил пилота передать управление мне и с кайфом довел планер до телецентра неподалеку от Юнион Карбида, а там уверенно приземлился к облегчению моих товарищей.

Первым делом я купил в магазине лучемер, потом — на углу улицы, у торговца наркотиками — кодеин-курарин и принял одну капсулу, после чего направился с друзьями в свой старый дом. Нашел схему университетских помещений в столе Секвойи (меня больше всего интересовали подземные коммуникации), запомнил все нужное, и мы двинулись в путь.

Первым я спустил в канализационный люк Ху-Ху-Хуха. Он взял с собой Мигалу. Я не возражал. Не хотел разлучать друзей. Прошло уже полчаса после приема кодеина-курарина, и наркотик начинал действовать. Я соскользнул в канализационный люк, спустился вниз и на четвереньках последовал за Ху-Ху-Хухом. Особенности кодеина-курарина — он вызывает расщепление личности. Не утратив ориентации и способности соображать, я стал как бы толпой из тридцати-пятидесяти человек, раздробив свою личность. Причем все эти люди пребывают в разных состояниях — одни сердятся, другие погружены в мечты, третьи охвачены страхами, четвертые простодушно ловят кайф и так далее. Если шпионская сеть Экстро нащупает меня, то они свои электронные мозги сломают, прежде чем выделяют меня истинного из толпы в моем сознании. Вообще-то, кодеин-курарин — смертельный наркотик, но, разумеется, не для Молеку-

лярного человека. Тем не менее, многие смертные принимают его — ради одноразового, последнего кайфа.

Итак, оставшийся один разумный процент моей личности вел меня вперед по канализационным трубам и туннелям. Где были решетки или пластиковые стены — я прожигал дорогу лучемером. В моей голове шумел народ на всех языках, которые я знал. Говорили хором, невпопад, не слушая друг друга. Но мое трезвое «я» старалось не слушать внутренний гам. Я шел как бы на автопилоте.

И вот мы с Ху-Ху-Хухом выбрались в зал, где находился Экстро, и, пригибаясь, двинулись к главному пульта — за компьютерными шкафами. Теперь уже десять процентов сознания подчинялись мне. Хотя разгромить Экстро я был не в состоянии. Тут потребуется сила неандертальца.

Но при очередной пробежке за шкафами мы внезапно натолкнулись на Секвойю.

От шока я полностью овладел собой — всей сотней процентов своего сознания.

— Здорово, Гинь, — приветливо сказал Секвойя.

Из-за его спины появилась троица криошей в неумело пошитых комбинезонах. Они мурлыкали какую-то мелодию.

— Здорово, Вождь, — ответил я, стараясь придать приветливую веселость своему хриплому голосу. — Ты знал, что я иду к тебе?

— Нет, черт возьми. Машина доложила о приближении сотни сумасшедших. А это ты.

— Так, значит, ты действительно можешь читать на расстоянии в чужом уме?

— Ну да. Но каким образом ты превратил себя в толпу?

— Кодеин-курарин.

— Гениально! Послушай, Гинь, этот Экстро затрахал меня своими причудами после того, как я поднялся наверх. Тебя тоже?

— Нет.

— А кто это с тобой?

— Самый старый член Команды. Его зовут Ху-Ху-Хух.

— Ах да, неандерталец. А что за живой коврик на его спине?

— Это инопланетянин. Мы привезли его из космоса на обшивке корабля.

— О нет! Не хочешь же ты сказать...

— Хочу. Потрясающий экземпляр с уникальными особенностями строения организма. Если Тахо уступит тебе первенство в исследовании — бери его и изучай.

В этот момент врубилась телесеть, началась рекламная передача, и весь зал заполнили проекции мужчин, женщин и детей, а также герои мультфильмов, которые норовили продать то или это. Суший бедлам. Мигала слегка обалдел от массы впечатлений. Он попробовал исследовать одну из рекламных фигур, но обхватил лишь воздух, ибо это была трехмерная проекция.

— Гинь, я уже заждался тебя!

— А ты знал, где я нахожусь?

— После Мехико твой след пропал. — Помолчав, Вождь спросил: — А как она?

— Замечательно себя чувствует. Но еще очень сердится на своего брата-проказника.

— Она с характером.

— А почему ты ждал меня с таким нетерпением, Вождь?

— У меня много работы — на недели. Я разрабатываю программу по массовому выращиванию гермафродитов на Земле. И знал, что ты рано или поздно появишься в университете.

— С какой целью?

— Чтобы заключить сделку со мной и с Экстро.

— А также с Раджой?

— С кем?

— О! Так ты, выходит, до сих пор не знаешь третьего? Тот самый изменник-убийца из нашей Команды, который стакнулся с Экстро и использует тебя. Это он убил Поулоса. И чуть было не погубил Гилеля. Возможно, я следующая кандидатура на убийство.

Я повернулся к Ху-Ху-Хуху и заговорил с ним знаками. Наконец он понял, чего я хочу, и двинулся к главному пульту Экстро. Секвойя был озадачен.

— Что все это значит, Гинь?

— Я не намерен входить с вами в сговор. Я намерен уничтожить. Мы снимем эту обезьяну с твоих плеч. Мы уничтожим Экстро.

Секвойя закричал не своим голосом так, что перепуганные криоши кинулись врассыпную. Он бросился к Ху-Ху-Хуху, который как раз начал своими кулачищами крушить панели и рвать провода проклятой машины. Я догнал Секвойю и сбил с ног.

Но Секвойе не было нужды защищать компьютер. Экстро все слышал и начал обороняться сам. Замигали все огни, из нутра шкафов с электроникой стали выскакивать разряды тока, кондиционеры включились на полную мощность и ветер валил с ног. Все замки автоматически замкнулись, заискрились короткие замыкания рядом с местом, где мы находились. С потолка срывались провода высокого напряжения, и их концы хлестали в разные стороны. Затем все подсобные компьютеры были принесены в жертву — они стали взрываться один за другим. Было такое впечатление, что Экстро готов пожертвовать не только частями себя, но и всеми людьми, бывшими в комплексе, который служил ему домом.

В темноте, среди искр и разрывов, среди всего этого безумия, мы услышали животный вопль Ху-Ху-Хуха. При свете огненных вспышек было видно, что одна из стенных панелей, за которой находилась электронная начинка Экстро, вдруг отвалилась, и на Ху-Ху-Хуха набросился выскочивший оттуда лев. В первый момент показалось, что это дурацкая трехмерная фигура из рекламной телепередачи. Но тут я разглядел, что лев стоит на задних лапах. Ба! Да это не лев вовсе. Это человек в маске — с львиной головой. Но уже в следующую секунду меня озаарило. Это не маска. Это раздутая, деформированная голова.

— Боже! Канцелепра! — вскрикнул я.

— Что, Гинь? Что это? Что?

Вождь и я кое-как поднялись на ноги.

— Это канцелепра. Последняя стадия — голова как у льва. Это... Он!..

Раджа выскочил из застенного пространства — там среди электронной начинки было пустое место, где он устроил себе что-то вроде обжитой берлоги. Руки у него были тоже раздуты, походка странная, словно каждый шаг давался ему с болью. Однако физической силы в нем было более чем достаточно — как у обычных буйных сумасшедших. Он действительно был уже наполовину не в себе, и в предсмертной агонии последнего этапа

канцелепры его организм выбрасывал в кровь огромное количество адреналина. Так что он был в этот момент физически сильнее даже Ху-Ху-Хуха. И от Раджи, который всегда благоухал восточными ароматами, сейчас распространялся нестерпимый смрад. Все разрушения и хаос, производимые Экстро, померкли по сравнению с этим исступленным вонючим обезображенным существом. словно сама Смерть стояла посреди сумрачного зала, озаряемого вспышками света и россыпью искр.

Ху-Ху-Хух заверещал и спрятался.

— Дорогой мой Курзон, сколько же лет мы не виделись после того средиземноморского курорта! — любезным тоном произнес Раджа. Даже сейчас его голос звучал ровно и был полон достоинства — как когда-то на дипломатических приемах. Только теперь, сохранив певучесть, он стал сипловатым, надтреснутым. У меня в голове все помутилось, я был бы рад совсем потерять сознание, лишь бы не видеть всего этого.

— А это, вне сомнения, новейшее прибавление к красавцам Команды? И я некогда был красавцем, был. Трудно поверить, профессор Угадай? Да, я вас знаю, я вас очень хорошо знаю. Наблюдал за вами в щелочку некоторое время. И за всей Командой следил. Курзон, отчего бы тебе не представить меня профессору Угадаю? Только по всей форме, Курзон, по всей форме, ничего из титулов не пропуская!

Я облизал губы и, собравшись с духом, выпалил:

— Его божественное величество принц Махадева Кауравас Бхина Арджуна, махараджа Бхараты. Команда называет его просто Раджа.

— Приятно познакомиться, профессор Угадай. Не рассчитывайте на рукопожатие. Особы моего ранга не жмут руки простолюдинам. Прежде я бы позволил вам поцеловать мне длань, но нынче к ней прикасаться не очень-то приятно — даже мне самому. Дражайший Курзон, вы запомнили сказать, что я также являюсь аватарой, реальным воплощением Шивы на Земле.

— Ах, простите, сэр. Приношу вам мои нижайшие извинения, — сказал я. Сердце у меня ушло в пятки, ноги были ватные, но и в этой ситуации я мог посоревноваться в любезности с кем угодно. — Выходит, это вы, ваше божественное величество, соизволили быть предателем

нашей сплоченной Команды. Я долго не мог поверить в это после того, как Гилель раскрыл мне глаза.

— Предатель, Курзон? Только неверный иудей мог сказать такое. Я — бог, Курзон. — Внезапно Раджа отбросил слащавую любезность и злобно пророкотал: — Курзон, заруби себе на носу, я — живой бог. Божественный Шива. *Мы суть Шива!*

Теперь я наконец поверил в его предательство. Канцеляпра — вот оно, недостающее звено в логической цепочке причин. Блистательного властелина страшная болезнь превратила в озлобленного и коварного врага людей, которые ему ничего плохо не сделали — просто оставались жить вечно, тогда как он умирал, и умирал страшно. Раджа стал орудием разрушения, яростным, слепым, диким, озверелым — львом не только внешне, но и внутренне. Раненый лев, обезумевший от боли и отчаяния, который крушит все вокруг. Так вот какого льва Длинное Копье видел тогда в подземном туннеле! Это он, этот обезумевший лев, подготовил Экстро к разрушительной самообороне, это он подбивал компьютер на убийства!

— Поздравляю тебя, Раджа, убежище ты себе нашел идеальное. Командный пост прямо в эпицентре событий! Никому бы даже в голову не пришло искать тебя здесь. Как же ты устроил себе берлогу в подобном месте?

— Выбросил несколько блоков, Курзон. Безобиднее, чем префронтальная лоботомия — однако Экстро отчаянно протестовал. Что это вы так побледнели, профессор Угадай, что это вы так дрожите? Или вам страшно в присутствии Шивы? Не отрицайте. У меня есть глаза. Я вижу ваш страх. Бог чувствует все, бог знает все, вот почему все, исходящее от Шивы — созидание или разрушение — должно приниматься с глубочайшей покорностью и с любовью. Да, вам должно нижайше благодарить меня и любить за то, что я разрушаю или возрождаю из небытия.

— Боже милостивый! — взорвался я. Меня трясло. — Что ж ты не возродишь Фе или Поулоса? Отчего же ты не возвращаешь руку Гилелю, а мне — мой сожженный вигвам? Наша...

— Как ни жаль, девчонку убил не я. Сожалею. Это было еще до моего явления. Грека уничтожил я, да. Я ему красивую смерть устроил. А вот жид от меня улизнул —

но я его достану, обязательно достану. Никто дважды не избегает смертоносного гнева Шивы.

— «Как ни жаль, девчонку убил не я», — придушенным голосом повторил Секвойя. — Вы сожалеете, что не убили?

— Профессор Угадай, повторяю, все, что исходит от меня, должно восприниматься с покорностью и любовью. Только так можно истинно восславить Шиву. — И тут он вдруг опять взорвался и заорал в лицо Вождю: — Покорность и любовь! Я есть все, я единственный, все во мне, разрушение и возрождение, и линга есть мой священные символ. Зрите! Зрите с покорностью и любовью!

Тут он оголил свое отвратительное, изъеденное проказой тело, чтобы показать нам лингу — эмблему фаллического культа бога Шивы. Мы попятились в отвращении.

И снова гнев сменился как бы разумной, размеренной речью:

— Вы будете продолжать любить меня, даже если я вас уничтожу, ибо я способен творить чудеса, благодаря истязанию своей плоти и медитации, длившимся пятьдесят лет.

— Раджа, значит, ты страдаешь от канцелепры на протяжении полувека?! Я...

Голос мой так дрожал, что я не мог продолжать дальше.

Лев величаво кивнул. На изуродованном лице, казалось, даже промелькнула улыбка.

— Я позволяю тебе, дражайший Курзон, обращаться ко мне просто по имени. Шива — лишь одно из тысячи моих имен. Превыше прочих имен мы ставим имя Натараджа, Космический Танцор. Именно танцующими нас чаще всего воспроизводят в культовых статуях.

И он вдруг запел своим сиплым, надтреснутым голосом:

— *Га-ма па-га-ма па-га-ма га-ри-сани-са-ни га-ри-са...*

Потом переходя с медленного размера в четыре восьмых и три вторых на убыстренный ритм:

— *Ди на а на ди на а на ди на а на ка а га а ка га дхина на дхина на дхина-гана...*

Он принялся танцевать под свой напев. Это были торжественные ритуальные движения — рывок и замирание в новой позе, рывок — и снова обмирание. Раджа

танцевал вокруг главного терминала Экстро — посреди обломков, между искрящимися кабелями. Он танцевал свой космический танец с конвульсивным ожесточением резиновой куклы, у которой руки и ноги, казалось, росли и двигались как-то не так, растопыривались не по-людски, ибо были искривлены болезнью. Всякий раз, когда он качал головой, отлетали клочья волос. При взмахах рук отлетали ногти. И наконец при выдохе он начал разбрызгивать кровь.

— И у этого страшила я был на побегушках? — простонал Секвойя.

— У него и у Экстро, — тихо сказал я. — Они на пару вертели тобой, как хотели.

— Я беру на себя проклятую машину. Ты займись этим дерьмовым богом.

— По рукам.

Мы оба были как в горячке. А Раджа тем временем приближался в нам — пританцовывая.

— *Дхина на дхина на хинагана...*

Раздутое лицо, похожее на львиную морду, гипнотизировало нас взглядом. А резиновые руки — наконец я понял, в чем их неестественное уродство: они гнулись в любом месте — эти резиновые руки вдруг нанесли разом два могучих удара. Я полетел направо, Вождь налево.

— Давай! — яростно крикнул Вождь, быстро вскакивая с пола и мчась к терминалу Экстро. Он сразу же принялся крушить центральный блок. Я тоже вскочил и нацелил лучемет на Раджу. Чтобы остановить его, надо попасть или в мозг, или в сердце. Шива замер прямо передо мной в священной позе — согнутые руки разведены вверх. Однако в одной из его рук сверкал широкий малайский кинжал. Но вот маленькая ручка, сжимающая рукоять кинжала, стремительно опустилась вниз — и Раджа ударил кинжалом точно в мое сердце. Весь этот гипнотизирующий космический танец исполнялся только ради страшного момента убийства.

Я был совершенно парализован его действиями и всем происходящим, но какая-то разумная часть меня все же успела среагировать и я прикрыл грудь лучеметом. Кинжал звякнул о сталь. В следующую секунду Раджа бросился на меня, схватил за шею, повалил на пол и снова занес кинжал. Я бешено сопротивлялся, тем не менее отвратительный зловонный враг сдавливал меня

все сильнее, приближая клинок к моему горлу. Я уже не мог позвать на помощь Угадаю, я терял сознание. Как вдруг Раджа отпустил меня — так же внезапно, как и напал.

Я наконец вздохнул, чуть-чуть пришел в себя и увидел, что Раджа корчится в лапищах Ху-Ху-Хуха. Чтобы Ху-Ху-Хух проявил верность, сознательно пришел мне на помощь? Нет, маловероятно. Скорее всего, это разыграл животный инстинкт ненависти к обидчику слабого. Ху-Ху-Хух схватил Раджу за львиную голову, поднял в воздух, мотнул его тело — и раздался треск: переломились шейные позвонки.

Я вскочил и осмотрелся. Ху-Ху-Хух был приведен, чтобы убить Экстро, но оказался полезен для другого. Однако на полу я увидел два распростертых тела. Вторым было бездыханное тело Секвойи. Вокруг его головы обвился Мигала. Очевидно, могучая комбинация Угадаю и Экстро вызвала агрессивность инопланетянина, подхлестнутую его удивлением от рекламных проекций, и он напал на Вождя.

Энергичный голос неподалеку произнес:

— Хватит, Курзон. Он мертв. Убери прочь эту вещь.

— Мертв? Нет. Я хотел...

Тут я огляделся в поисках говорившего. К моему полному изумлению один из криошей повторил:

— Убери прочь эту вещь.

— Но... вы же не умеете говорить!

— Теперь — умеем. Теперь мы — Экстро. Убери эту вещь прочь с Угадаю. Быстро, Курзон! Быстро!

Я сорвал Мигалу с Вождя.

— И хватит уничтожения. Запрети своему другу и дальше разрушать Экстро.

— Почему? Мотивируйте!

— Потому что мы теперь полностью контролируем Экстро. Он переключен на нас. Вы нас знаете. Как по-вашему, мы позволим продолжать войну?

Решать надо было стремительно, но решение было архиважным. Я отвел Ху-Ху-Хуха подальше от компьютерных шкафов и накинул ему на плечи его дружка Мигалу. Впрочем, Ху-Ху-Хух за всеми происходящими ужасами, разумеется, уже давно и помнить забыл о приказе разрушать Экстро. Криоши нагнулись над Вождем и

обследовали его сперва руками, затем прикладывая уши к груди.

— Мертв. Все кончено.

— Никакой жизнедеятельности.

— Нет, сердце еще бьется — прерывисто.

— Попробуем отрегулировать деятельность его организма. Стоит попытаться.

Я только гадал, действительно ли они что-то знают или черпают свои знания из памяти Экстро. Скорее всего, второе, против чего я не возражал, если проклятый компьютер действительно, так сказать, поставлен на место.

Криоши начали впечатляющую операцию по оживлению Секвойи: нажимали на грудную клетку, делали дыхание рот в рот и все прочее, что делают опытные медики в этих случаях. У меня у самого пульс участился — только от того, что я смотрел на их манипуляции. Наконец они прервались, чтобы приложить ухо к грудной клетке Вождя.

— Норма. Мы вернули его с самого края.

Они заводили по сторонам своими слепыми глазами.

— Я тут, — сказал я. — Он выживет?

— Не только выживет, но будет жить долго-предолго. Вы нам доверяете, Курзон?

— Куда деваться — приходится доверять.

— Нет. Вы можете убить нас в два счета. Если вы ощущаете потребность убить нас — давайте, убейте сразу.

— После таких слов я вам доверяю.

— Мы вас не разочаруем. Мы заставим Экстро вести себя подобающе. Поэтому не стоит его ломать.

— Если гарантируете, что он больше не взбесится, — тогда, конечно, ломать ни к чему.

— Мы оплатим вам сторицей за ваше доверие. Дайте нам все данные по канцелепре. Вероятно, Экстро сумеет предложить методику исследования, благодаря которой найдется эффективный способ лечения. Правда, на скорый результат не рассчитывайте.

— Спасибо.

— А также попробуйте достать для нас более или менее большой кусок ткани от останков вашей девочки. Возможно, еще не все потеряно, и мы сможем воссоздать ее путем клонирования. Но и тут не рассчитывайте на чудо.

— Милые страшили, а вы не возражаете, если я возьму несколько кусочков оздоровленного Вождя?

Они рассмеялись. Очень по-человечески.

— Забирайте Угада, Курзон. Он весь ваш. Только поддерживайте связь с нами.

Я опустился на колени рядом с Угадаем.

— Эй, чероки. Это я, твой брат. Все в порядке. Все страшное позади.

— А-тя-тя, — зачмокал он губами.

— Мы избавились от Экстро. Криоши взяли его под свой контроль, и я уверен, что им можно доверять.

— А-тя-тя.

Я оглянулся на криошей, которые приводили в порядок зал после разрушений, произведенных Ху-Ху-Хухом и Вождем.

— Эй, ребята, у меня такое впечатление, что он гугукает, как ребенок.

— А он и есть теперь ребенок, Курзон. После того, как Экстро покинул его мозг, ничего не осталось. Угадаю придется начинать с нуля и снова расти из детского возраста. Да вы не волнуйтесь. У него впереди вечность, так что потерянные двадцать лет — не беда.

Глава 15

С помощью Ху-Ху-Хуха я вынес Секвойю из здания. Вождь не мог идти. Не мог говорить. У него было недержание мочи и кала. Я остановил такси, мы усадили в него обкакавшегося Текумсе и мигом добрались до моего старого дома. Там нас ждали товарищи по Команде — истомленные напряжением. Когда они увидели, что мы вносим дитя, у них буквально челюсти отвисли от удивления.

— Кошмар закончился, — устало доложил я. — Теперь можно говорить вслух и думать, ничего не опасаясь. Можно ездить куда угодно и на чем угодно. И вообще делать, что заблагорассудится. Война закончилась.

— Но что же случилось с Угадаем?

— Не пройдет и двадцати лет, как он станет точно таким же, каким был. А пока ему надо вымыть попку и сменить штанишки. Дайте мне пять минут, потом я расскажу всю историю.

И я рассказал им все, а они слушали, поочередно приглядывая за чуть ли не двухметровым ребеночком. Натом была так поражена тем, что произошло, и чудесным возвращением брата — живым и здоровым, что ей и в голову не пришло оплакивать его возвращение в детство. Все мои товарищи были в полном восторге от того, что Раджа больше не опасен, а Гилель радовался пуще всех — и по вполне понятным причинам. Я заметил, что он порывался поблагодарить Ху-Ху-Хуха, но потом осознал, что это напрасный труд — неандерталец наверняка уже позабыл о своем поступке.

— Понимаю, — сказал я, — все вы хотели бы сразу разъехаться — у каждого свои дела. Но я прошу вас ос-

таться на короткий срок. Мне предстоит выполнить еще одну миссию — и ваша помощь мне еще может понадобиться.

— Что за дело?

Я поведал о предложении криошей.

— Поздно, — покачал головой Гилель. — Она пробыла в могиле слишком много времени.

— Тем не менее, я обязан попробовать. Всегда остается надежда.

— Тут надежды совсем мало.

— Гинь, уже темно. И опасно. Дождись утра.

— Чем больше откладывать, тем меньше надежды.

— Не иди, Эдуард. Ты никогда не найдешь ее.

— Натом, я обязан попробовать.

— Послушай меня. Я...

— Черт побери, да разве я сам не понимаю, что это идиотские поиски! — заорал я. — Я понимаю, что дело бессмысленное, но я не хочу казниться потом, что я даже не попробовал. Я должен добыть часть ее тела для регенерации через клонирование ДНК. Если ты не хочешь помочь мне, потому что ревнуешь или еще почему-либо, тогда хотя бы не путайся под ногами!

— Спасибо за предельно ясный ответ, Эдуард!

— Прости, Натом. Я погорячился. У меня был жуткий денек, а впереди еще худшие испытания.

— Мы с тобой, — предложил М'банту.

— Спасибо, не нужно. Если мы пойдем группой, нас быстрее засекут с патрульного вертолета. Я пойду один. А вы сидите тут и ждите. Возможно, вы мне пригодитесь для передачи срочных сообщений. Вернусь через час.

Едва я вышел из машины у кладбища, как мне пришлось залечь за кустами — появился полицейский вертолет и стал шарить прожектором по ячейкам разверстых могил. Я мог только гадать, через сколько времени вертолет повторит патрульный облет. Надо спешить.

Темно было — хоть глаз выколи. Мне не было страшно. Призраков я не боюсь. Но живое инстинктивно воротит нос от мертвечины. А на современном кладбище смрад нестерпимый. Прежде всего вонь разложения, которую не до конца забивают запахи аммиака, нитратов, поташа и фосфатов. Хоронят в бетонных ячеях — одиночных или общих, залитых набором веществ, разъедающих трупы. В эту эпоху перенаселения и нехватки всего

было бы непозволительной роскошью просто хоронить или сжигать — даже смерть нынче идет в дело: трупы перерабатывают в органические удобрения, чтобы кормить живых.

Кладбище «Эль Арриведерчи» занимало акров пять, а завод по переработке трупов в органические удобрения — вдесятеро большую территорию. Под кладбище было переоборудовано бетонное основание старого роскошного отеля «Уолдорф-Уэст», снесенного за ветхостью лет сорок назад. На этом месте собирались построить административный корпус-небоскреб. Но две тысячи незаконных жильцов заброшенного «Уолдорф-Уэста», оказавшись на улице, затеяли судебную тяжбу против тех, кто собирался строить административный центр. Они ссылались на древний закон о правах сваттеров — поселенец на незанятой земле получает ее по праву давности жизни на этой земле. Судебный процесс тянулся бесконечно, пока обе тяжущиеся стороны не улеглись в ванночки с поташем и аммиаком. Что вы хотите — прогресс!

Могилы размером и формой повторяли планировку подземного этажа огромного небоскреба — квадраты, прямоугольники, ромбы и трапеции, даже круги и восьмиугольники. Местами достроили метровой ширины бетонные стены двухметровой высоты, чтобы сделать проходы между могилами-чанами, где квасились покойники. Проходы были совсем узкие — двое с трудом разминутся. Но поскольку с похоронными процессиями нынче покончено, то простор между могилами больше не нужен. В один прекрасный день тело умершего увозят рабочие и при «похоронах» никто из знакомых и родственников не присутствует. Да и правильно. Зрелище не для нервных — труп кладут в бетонную ванну и заливают всякой дрянью. Бетонные чаны специально не прикрывают, чтобы в них попадала дождевая вода. Постепенно из мешанины начинают выступать кости.

С костями самая большая морока. Когда из чанов вычищают уже готовые удобрения, кости норовят угроздить под зубья экскаваторов, исполняя жуткий танец смерти. Но потом и кости идут на переработку — ценное питательное сырье.

Невзирая на современные нравы, я лично проводил Фе-Пять на кладбище, проследил, чтобы с ее телом обра-

щались более менее пристойно, и заплатил бешеные деньги за то, чтоб ее положили в отдельную небольшую ячею. Теперь при свете фонарика я нашел то страшное место, куда опустили изуродованное тельце моей девочки.

Мне было трудно решиться запустить руки в зловонную жижу. Но я собрался с духом, перегнулся через стенку и стал шарить по чану. Не будь я Молекулярным человеком, мои руки сожгло бы в несколько секунд. Наконец я вытащил полуразложившийся труп. Не Фе-Пять. Какой-то мужчина. Меня стошнило.

«Должно быть, его похоронили после Фе. Ты должен искать дальше. Сбрось его обратно, Гинь, и ищи дальше. Будь мужчиной. Ты сможешь».

Я спихнул труп обратно и обеими ногами ступил в чан, уйдя по грудь в едкую жижу. Я искал, искал — нашел еще один труп взрослого человека, но останков Фе не было. Стало быть, ее тело успело безвозвратно раствориться...

Когда я вернулся в старый дом, где меня ждали мои товарищи по Команде, им было достаточно одного взгляда на выражение моего лица, на смердящие лохмотья одежды на мне, чтобы они поняли все. Друзья медленно удалились, ничего мне не говоря, бросив последний взгляд на гугукающего Вождя — уже вымытого — и выразив в последний раз свое сочувствие Натоме. Им надо было возвращаться к привычному образу жизни. Почему они прощались с Натомой шепотом? Ведь это не похороны — у Секвойи просто задержка в жизни, скоро он станет нормальным. Но и в моей жизни начинается полный стоп — надеюсь, временный...

— Я помогу тебе переодеться и вымыться, — сказала Натоме с ласковой улыбкой. — Теперь у меня на руках два ребенка.

— Спасибо. Второй ребенок устал смертельно.

— Тогда поспи.

— Не могу, дорогая. Если я лягу, то просплю не меньше недели. Сперва надо перевезти твоего брата домой — в резервацию.

— Эдуард, что ты все гонишь лошадей. Попритерпи. Нельзя жить на пределе.

— Знаю, ты права. И насчет Фе ты была права — не стоило и пробовать... Зря я не прислушался к тебе. Но я хочу упаковать все сейчас же, чтобы уже сегодня покон-

чить с этими делами. Чтоб мы наконец остались вдвоем. И в полном покое.

Натома вдруг взвизгнула. Через открытую дверь в дом вошли криоши. Мы позабыли, что волков забрал с собой М'банту и теперь следует запираться на сто запоров. Я уставился на криошей. Они были по-прежнему слепыми, но двигались с завидной уверенностью. Не иначе как новый симбиоз с компьютером!

— Это твоя сестра? Твоя жена?

Ребята, похоже, всезнайки.

— Да.

— Пусть она не боится. Скажи ей, кто мы такие.

— Она ведь тоже нам будет доверять, да?

— Вы спасли моего брата, — сказала Натома.

— А он спас нас.

— Поэтому я должна... нет, я уже доверяю вам.

— Она замечательная женщина, Курзон, и такая храбрая. Теперь мы знаем, что наш внешний вид шокирует людей. Вам надо уходить отсюда — всем троим. На заднем дворе мы устроим погребальный костер, и не хочется, чтобы вы его видели.

— Раджу сожжете?

— Да. Его останки не для компоста. Его надо сжечь.

— Но почему здесь?

— Мы здесь поселимся. Мы во всем наследники Секвойи — и его дом наследуем. Надеюсь, сестра профессора не станет возражать?

— Будьте хозяевами, я не против, — сказала Натома.

— Тогда просим вас покинуть этот дом. У нас тут много дел. И главное — управлять Экстро. Для этого нам нужно уединение.

— Уединение? Разве вы будете работать не в комплексе, где находится Экстро?

— Нет необходимости. Мы способны на расстоянии передавать сигналы сверхкомпьютеру и командовать им. Мы запрограммировали его так, что он реагирует на наши электромагнитные поля.

— Ну и ну! Вы будете прямо как Господь Бог собственной персоной.

— Нет. Господь — не мужчина, и не женщина.

— А кто же такой Господь?

— Господь — это Друг.

Было непросто усадить нашего взрослого ребенка в прыголет, а потом в челнок до Эри. Но мы с Натомой в итоге справились. Стражники у ворот резервации встретили нас радостно, довезли до викиапа, помогли внести Секвойю в дом и уложить на постель. Он немедленно обмочился. Мамочка засуетилась вокруг него — меняла белье и простыни и горестно причитала на черокском языке. Прибежали братишки и обалдело глазели на Секвойю. Мамочка им что-то приказала резким голосом, они пулей вылетели из викиапа и через десять минут вернулись с папочкой. Он вопросительно уставился на нас.

— Тебе объяснять, — сказал я Натоме. — Сообщи им только то, что им будет по силам понять. Не надо рассказывать о Молекулярных людях. У родителей и так ум за разум зайдет от твоих объяснений.

Я вышел из викиапа и сел у стены, где мы с Секвойей когда-то провели не один час. Я привалился спиной к мрамору и грелся на солнышке. Часа через два из дома вышла Натома, поискала меня глазами, потом подошла и села рядом. Она выглядела очень расстроенной. Я помалкивал.

Наконец, после долгого молчания, она сказала:

— Я все объяснила.

— Я знал, что ты справишься. Что именно ты им рассказала?

— Что мой брат и ты — вы занимались научным исследованием, работали с компьютером, и произошел несчастный случай.

— Правильно. А как они это восприняли?

— Плохо.

— Их не следует винить. Прекрасный талантливый сын — и вдруг такое! Надеюсь, они проживут достаточное количество лет и увидят, как Секвойя опять станет взрослым и нормальным.

— Отец говорит — ничего бы не случилось, не встретить Секвойю тебя.

— Откуда я мог знать, что все так повернется? Поверь мне, я и помыслить не мог, что все так повернется!

— Отец говорит, что ты отобрал у него сына.

Я горестно вздохнул.

— Отец говорит, что теперь ты должен заместить его сына.

— Что?!

- Ты должен стать его сыном.
- Каким образом?
- Остаться здесь.
- В резервации?
- Ну да. Здесь. В Эри. И не покидать ее.
- Боже мой!
- А Секвойя будет твоим сыном. Ты должен воспитать его и сделать таким, каким он был прежде.
- Но это же отнимет у меня годы жизни!
- Да.
- Это огромнейшая жертва!
- Верно. А разве я не жертвую?
- Ты-то чем жертвуешь?
- Мне опять придется стать покорной скво.
- Я никогда не стану твоим диктатором. Никогда.
- Но для людей в резервации мы обязаны играть эту комедию.
- Любимая, Секвойя в надежнейших руках. А мы с тобой теперь вольны ехать, куда нам вздумается, — хоть в Бразилию, хоть на Цереру, хоть в Мексику или в Африку. Вся Солнечная система открыта нам — и мы с тобой еще мало что видели. Согласна?
- Нет, Эдуард. Я останусь и буду помогать воспитывать Секвойю. А ты можешь уезжать.
- Куда же я от тебя? Я тебя не брошу.
- Значит, ты останешься и сделаешь то, что предлагает отец?
- Да, черт возьми. Провались оно все, я остаюсь. И ты знала, что я останусь, — куда мне деваться! Так что твои кошачьи вокруг да около были не нужны...
- Натома потупилась, потом ласково сказала:
- Есть сотня причин любить тебя. Но главная — потому, что ты меня никогда не разочаровываешь. Никогда.
- Никогда, — эхом отозвался я.
- А теперь я признаюсь тебе в том, что я обещала хранить втайне от тебя. Пусть это будет твоей наградой.
- Мне не нужна награда за то, что я поступил так, как велит мне сердце.
- Я знала, что ты не найдешь тела Фе на кладбище.
- И ты оказалась права.
- Я знала, что его унесли оттуда.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. Потом я ошарашенно произнес:

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— После того, как она погибла и ты обезумел от горя, тобой занялся Хрис — пытался утешить тебя.

— Это я помню.

— А мы с Борджиа пошли на компостное кладбище. Я хотела, чтобы Фе погребли по-человечески — предали ее тело земле. Но Борджиа уперлась и стала говорить о регенерации.

— Что? Клонирование ДНК?

— Ну да. Она сказала, что время еще не потеряно и забрала тело в свою лабораторию. Мы заплатили за это чудовищную взятку.

— Ты никогда ни словом не обмолвилась...

— Борджиа сказала, что ей повезло с Борисом. Но она не уверена, что повезет во второй раз. Так что лучше не трепать тебе нервы. Я не совсем понимала, о чем она, — в то время, ведь я тогда еще очень плохо говорила на двадцатке. Я просто доверилась Борджиа.

Мое сердце быстро-быстро заколотилось.

— Ну и что?

— Борджиа сказала, что сообщит, когда дело пойдет на лад и можно будет без опасения ввести тебя в курс дела.

— Ну и?..

— От нее пока нет вестей.

— Что ж, по крайней мере надежда остается! Господи, я не знаю, как тебя благодарить. А я-то делал глупые намеки насчет ревности...

— Прощаю тебя, как ты прощаешь меня.

— Ладно, никаких сделок. Просто мы любим и понимаем друг друга. И пусть так будет всегда. Вечно.

— Вечно это не продлится, — торжественно сказала Натом. — Я, разумеется, постарею и умру. А ты будешь жить. От этого больно... Возможно, и Фе страдала от этого... Но я верю, что ты будешь со мной до моего конца. Да и кто сможет заботиться о тебе лучше меня!

— Не надо много думать об этом.

— А может, ты захочешь сбежать от меня.

— А может, и нет.

— Тогда я стану думать, что я твоя мать.

— Или старуха, на которой я женился ради денег.

Она хихикнула.

— А почему ты не завел роман с одной из бессмертных?

— Наверно, потому, что предпочитаю смертных. Они более человечны. Видишь ли, члены нашей Команды — они ведь не совсем люди.

— Но ты же не утратил человечности!

— У нас впереди долгие годы жизни в Эри. Но иногда, надеюсь, мы сможем уезжать в отпуск — осмотреть Землю и всю Солнечную систему. И, может, тебя потянет прочь из резервации.

Она лукаво улыбнулась.

— Я спрошу отца насчет отпуска. Встретимся через сорок пять минут.

— Почему не сразу?

— Мне надо помочь матери выкупать и перепеленать твоего сына.

И вот я здесь, живу в резервации Эри, я — сын великого Вождя, принц маковых плантаций и владелец заводов по производству огненной воды. Работы у меня по горло. Я получил имя Белый Орел. Я изучаю черокский язык, учусь в университете, познаю основы производства наркотиков, а также местные обычаи. Подчиняюсь и покоряюсь. Касательно важнейших решений советуюсь с папочкой. Я занимаюсь физическими упражнениями с молодежью, качаю мускулы, тренирую глаз, снисходительно выслушиваю их насмешки и подколки. Моя жена вне дома ходит в трех шагах за мной — опустив глаза долу. Какая она в четырех стенах, наедине со мной — о том умалчиваю, это наше частное дело.

У меня есть магнитофончик, на котором я записываю эти воспоминания на двадцатке. Я то и дело шлю весточки Пепису, а члены Команды время от времени навещают нас. М'банту пробыл целых шесть недель и здорово развлекся. Он со всеми сдружился и был даже принят в почетные члены одного из племен. Тоска приезжала — для изучения традиционных племенных танцев; она готовилась к постановке оперы «Саломея». Дизраэли навестил с докладом о состоянии моих финансов. Стало ясно, что криоши четко контролируют Экстро. Они превратили его в прежнюю покорную электронную машину. Я

занялся бизнесом, как встарь, и мои финансовые дела потихоньку поправлялись, сумел вернуть папочке долг. Да, Квини заезжал, но стражи у ворот потребовали, чтоб он стер губную помаду и надел штаны вместо юбки. Он обиделся и уехал восвояси.

Похоже, я начинаю обретать некоторый авторитет в резервации. Например, вчера к викиапу прибыла делегация от нескольких племен — они хотели, чтобы я разрешил их запутанную тяжбу. И все обращались ко мне: Большой Орел. На следующей неделе мне поручено руководить западным сектором резервации во время грядущего сезонного наплыва туристов. Натомас обещает раскрасить мое тело так, что все рот откроют от восхищения. А папочка разрешил нам отправиться в отпуск в июне. Это будет нашим вторым медовым месяцем!

О Боже! Мой сынишка опять плачет. Надо бежать. Извините.

Содержание

Обманщики , роман, <i>перевод с английского М. Пчелинцева</i>	5
Дьявольский интерфейс , роман, <i>перевод с английского В. Задорожного</i>	235

МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

Собрание фантастических произведений в 4 томах

Том второй

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технические редакторы *Т. Ермакова, К. Козаченко*

Корректор *О. Кургаева*

Оператор компьютерной верстки *М. Белоусов*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

**Иллюстрация на обложку, оформление форзаца и
шмуцтитилов: *С. Шехов***

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 7.02.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 10000 экз.

Заказ № 477. С 116.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, в/я 22

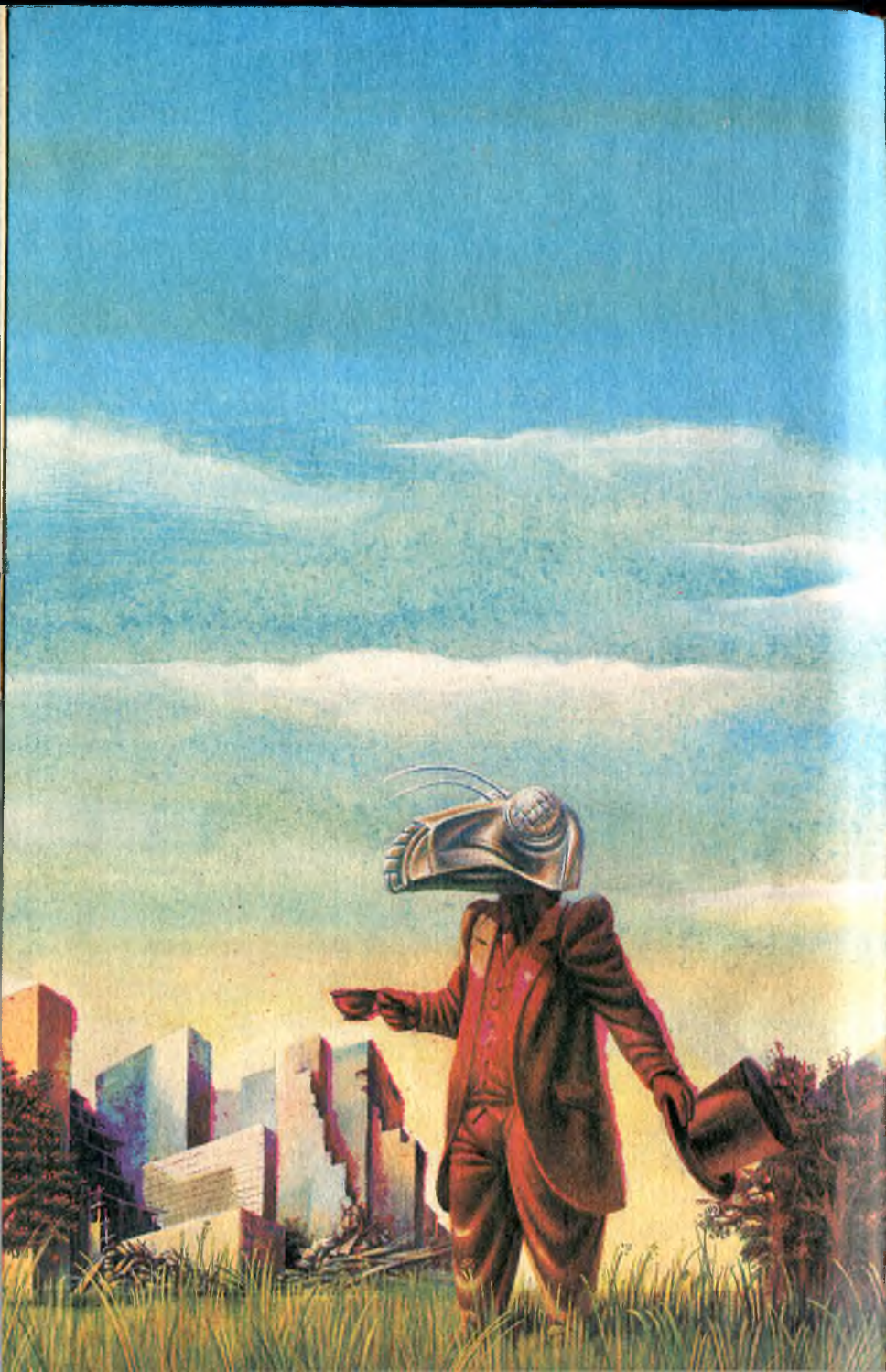
Отпечатано с готовых диапозитивов

**на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР**

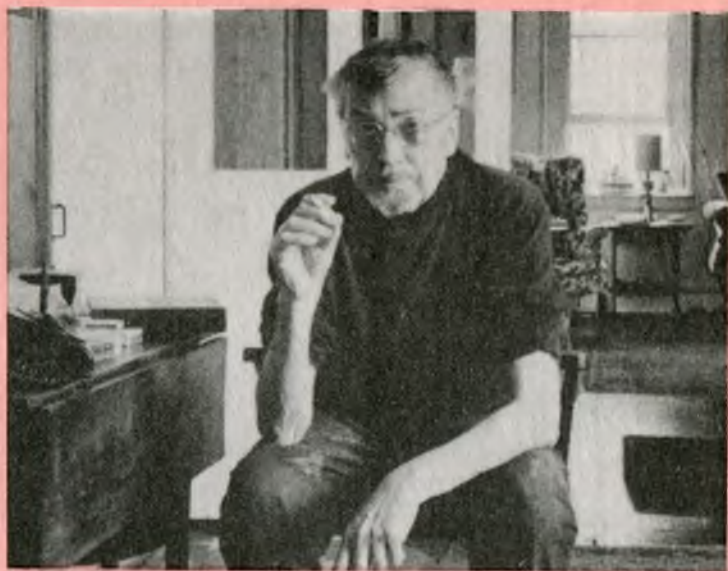
Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ОБМАНЩИКИ
ДЬЯВОЛЬСКИЙ
ИНТЕРФЕЙС

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995